

АРТ

6+

Содержание

Год литературы

В. Тимин. Пам. Важ нэмся драма	4
П. Лимеров. Пам сотник в коми литературе	37

Проза. Поэзия.

В. Сулимов. Замкнутый круг	51
М. Елькин. Кытчодз олан	105

Сыктывдин

М. Таскаев. Сыктывдинский район: страницы истории	113
М. Таскаев. Знаменитые учёные и писатели Сыктывдинской земли	126

Литературный архив

А. Чеусов. Стихотворения	139
Е. Колегов. Комилён олёмыс вежсяс	149

Арт-факт

Л. Кочерган. Живопись Владимира Ермолина	160
--	-----

Обзоры. Рецензии

В. Муравьёв. Социальные проекты «Клуб учёных Сыктывдинского района», «Колана удж», «Сыктывдинса рөдвуж»	182
Презентация книги В. Юхнина «Герой Советского Союза Николай Оплеснин»	188
На пути к новому осмыслению	190
Основа культуры – образование	191

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республикаса литература, публицистика,
история, культурология да художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке в форме субсидии Агентством Республики Коми по печати и массовым коммуникациям.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми войтыр»
АУ РК «Редакция журнала «Арт»

Руководитель — Новикова Н.М.
Главный редактор — Лимеров П.Ф.

Адрес редакции, издателя: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136,
тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru, www.artlad.ru

© Журнал «Арт», № 4 (73)_2015 г.

Подписано к печати по графику 13.11.15. Фактически 13.11.15. Дата выхода в свет 30.11.15.
Формат: 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж – 1200 экз. Заказ 7005. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дисконт заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов. Адрес типографии: 167982, г. Сыктывкар, ул. В. Савина, 81.

Цена свободная

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки использована работа В. Ермолина «Старый дом», х.м., 60x40, 1984 г.
В оформлении заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам.
Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йöзöдтöм гижöдяс редакция оз рецензируют и авторяслы найöс оз мöдöд. Редакция оз век во öти кывйö авторяскöд.

Год литературы

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ

2015

Владимир Тимин

Владимир Васильевич Тимин, родился 2 июля 1937 года в селе Пажга Сыктывдинского района Коми АССР. Закончил Печорский речной техникум, заочно окончил филологический факультет Коми пединститута, работал учителем, был сотрудником Коми филиала АН СССР, старшим и главным редактором Коми телевидения, главным редактором Коми книжного издательства, председателем Госкомиздата Республики Коми, главным редактором журнала «Войвыв кодзув». Член Союза писателей СССР с 1982 года, заслуженный работник культуры Республики Коми, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Вместо предисловия

Поэма В.В. Тимина «Пам» уже выходила в журнале «Войвыв кодзув» в прошлом году. Казалось бы, зачем нужно печатать её и в журнале «Арт», ведь, собственно, текст с момента первой публикации не менялся, автор не вносил каких-то значительных поправок, исправлений, меняющих весь смысл произведения или хотя бы его оттенки. Так зачем? Когда Владимир Васильевич попросил меня о повторной публикации поэмы, это первое, что пришло мне в голову. Но он сумел меня убедить, сказав, что «Войвыв кодзув» чуть ли не год печатал поэму и она, раздробясь в стольких номерах, уже не составляет единства. Далеко не всякий, даже самый отчаянный читатель (или по-читатель) В.В. Тимина сумеет прочитать стихотворное произведение, появляющееся в двенадцати номерах журнала небольшими фрагментами. Всё же это не приключенческий роман, не детектив, продолжения которого читатель действительно ждёт по определённым, обусловленным самим детективным жанром причинам. И вот мы публикуем поэму В.В. Тимина в журнале «Арт», публикуем, вопреки традиции не перепечатывать того, что было в других журналах. Во всяком случае в ближайшие лет пятьдесят. Публикуем для того, чтобы вернуть поэме утраченную цельность – это, во-первых, а во-вторых – потому, что тема крещения коми народа, затронутая в поэме, нам близка. Нелишне отметить, что уже в далёком сегодня 1996 году, собирая самый первый журнал, мы посвятили этой теме отдельный большой раздел. А в дальнейшем мы постоянно возвращались к этой теме в статьях самых разных авторов, справедливо полагая, что с рефлексией на эту тему и начинается история коми литературы. То, что В.В. Тимин обращается к образу противника Стефана Пермского, Пама сотника, вроде бы отрицательного героя с житийной точки зрения, вполне закономерно для коми литературы. Уже И.А. Куратов раскрыл высокое трагедийное начало этого образа в своей неконченной поэме «Пама», и возвращение этого героя в коми литературу в 1990-е годы означало в какой-то мере и обращение коми писателей к национальным истокам, к подлинно национальной героике. Основные вопросы, которые были поставлены в произведениях этой тематики – благо или зло принесла христианизация коми народу? Что приобрёл, и что потерял коми народ, приняв крещение? Кто он,

Стефан Пермский, святой или лукавый московский чиновник, обманом заманивший коми народ в московское подданство? Поэма В.В. Тимина продолжает тему, предлагая ещё одну версию этих событий. Пам Тимина – это князь, öксы, пытающийся противопоставить московскому влиянию, которое принёс Стефан, силу воинского оружия. Войско Пама терпит поражение, и сам он, вместе с остатками верных ему людей, ищет убежище в Сибири. Завершение поэмы символично: оба героя – и Стефан, и Пам умирают не на Коми земле. Стефана смерть настигает в Москве, Пам умирает в Сибири, но если после Стефана на Коми земле остаются церкви и власть Москвы, то за Памом автор оставляет легендарное будущее, когда Пам вернётся, и тогда вернётся вместе с Зарни Ань вера в прежних богов, а на Коми земле воцарится новый Золотой век. Что ж, кто из нас не желает счастья своему народу? Спор о крещении, видимо, не решаем. Всегда найдутся оппоненты той или другой точки зрения.

У Борхеса есть новелла о двух раннехристианских богословах, по-разному трактующих Святое Писание. Однажды, одному из них удаётся обвинить в ереси противника, и того сжигают на костре. Когда же через двадцать лет умирает и победитель, то обнаруживает, что для Бога он сам и его идеологический противник-ересиарх были одним и тем же лицом. Как знать, может быть, оба наших героя в Вечности – это одна душа?

П. Лимеров.

Пам

Важ нэмся драма

1

Емдін карсянь асыввылын
Дзебсьö керка, кадсьыс сьöд,
Калин сэнi олö-вылö.
Корсянь, некодi оз тöд.
Нэмöвöйся парма шувгö,
Бытьö Войпöль, скöра увгö.

Танi ветлысь-мунысь шоч,
Нёридз юсянь абу ылын,
Абу коми, абу роч,
Калин – сiдзкö, мойдö-сьылö.
Керка весьтын кокни тшын,
Кылö сигудöклөн шы.

Асьö татчöс мортөн аддзö
Сы вöсна, мый, шондiбан,
Важөн писькöдчöма татчö
Да и овмöдчöма тан.

Пыдöдз вужъясьнысö ковмис,
Калин – сёрни серти коми.
Сійöс он нин орöд тась.
Во быд ас кыйдöсөн пöтö,
Быд лун ягас пырны дась,
Киас ньöввуж, кокас кöтi.
И дзик нинöмысь оз пов,
Но оз вөрöд, мый оз ков.

Гортсянь ёна ылö ветлö,
Некор пармаын оз вош,
И оз шöйöвош, кор петлö
Паныд кöин либö ош.
Весиг Вöрсаыс кö петас,
Мыйкö кыйдöмасьыс сетас...

Некод Калинöс оз йöрт,
Кучик лазъя, лаз зепъясын
Биа из да бива кöрт.
Сылы öткодь, рыт кöть асыв,
Нимкодъöдас тэрыб ур,
Либö байдöг баксан нюр.

Но век кыскис сійöс гортас,
Бокын – быттьö позтöм кöк,
Гортас коли медбур ёртыс –
Куим везъя сигудöк.
Дырнад гажтöм босьтлас сытöг,
Сигудöкнад – век нин кыкөн.

Кежавлісны öти-мöд,
Пуксьывлісны лабич вылö,
Мед и некодöс эз тöд,
Налы Калин ворсіс-сьыліс.
Кыз нö ворсігад он сыв
Юрад воём ссыланкыв.

Эз вöв коньöрөн и гöльöн,
Олём пуксис – ов да ов,
Видліс уна сикас пöлян,
Ни öти эз вөрзёд лов.
Сылөн сигудöкыс йывсьыс
Емдін гөгöр ылöдз кывсис.

Отчыд эновтлөма горт.
Рытнас шалсйö-петö вöрысь,
Аддзö: еджыд тошка морт...
Кык пон увтыштисны скöра.
Энö увтöй. Тöдмасям,
Ме пö коми Оксай Пам...

2

Коми войтыр Памöс тöдö –
Ыджыд öксай, эжватас,
Шыасьласны öтчыд-мöдысь –
Доръяс, индас, велöдас.
Шулас: «Муным, майбыр, ота,
Коми — ас вöляа котыр.

Тан ми асьным — подув йöз,
Мед и нартитöм эг тöдлöй,
Сюйсяс миян костö грöз,
Лёк кö вöчам öта-мöдлы.
Та йылысь мед кыв ни джын,
Öтсöгласын миян вын.

Огö зыртчöй некод вылö,
Войтыр, вөр-ва кодным рам.
Лючки-бура олöй-вылöй»,–
Шулis йöзлы мывкыд Пам.
Но со мыйысь лоö повны:
Ичöt туйö помтöг овны.

Гөгöр уна колысь син,
Видзöдöны — вежныс петö,
Миян войыв оланin
Олöм вылö быдтор сетö.
Ставыс орччön, олöм чöж,
Но, а тайö чужтö тöжд.

Водзö овны колö сюся,
Медым воём збой купеч,
Либö восьсön, либö гусьön
Зептас юасьтöг эз тэч,
Син улас мый сюрö — босьтас,
Куштас, пөрöдас и косьтас.

Енъяс сайын миян шуд,
Эз өд вошны ас көсйөмөн
Важөн печера да чуд,
Коли налөн нимныс сөмын.
Да со Панвидз... Важся ним –
Чудьяслөн кевмысянін.

Мед жө коми кыйө-виө,
Гортас чери, яй да нянь.
Уджач мортлы бурсө сиö
Миян Енным – Зарни Ань.
Сійö миянөс оз эновт,
Сыкөд став сьökыдсö венам.

Сөмын коркө кывсис сэн,
Волывлісны висьталысьяс,
Эм пö медся вына Ен,
Öзтылісны вайөм сисьяс.
Ті пö бөрö кольччөм йөз,
Тіян эскөмныд пö сөс.

Йөзыс вешйивлісны бокö,
Дивуйтчисны: Кыдз нö тадз?..
Воöмаяс тэрыб кокөн
Регыд пышйивлісны тась.
Быдсямаыс вермас лоны,
Колö ловъяён бөр воны.

Тадзи кыссис вель нин дыр.
Ылысь волісны на эськө.
Виль Ен олөмас эз пыр,
Ас енъяслы коми эскис.
Век жö дөзмис пöрысь Пам...
Сэсся мыччысис Степан.

3

Степан уна төдліс, кужис,
Вөлі мывкыд юра, том,
Мыйла Енъюгыдыс чужö,
Мыйла сылы волö пом.
Төдöй, ставыс пö Ен киян,
Эм Ен бать, эм сылөн Пиыс.

Истинаыс абу виль:
Енлөн помасьлытөм олөм
Тиян пытшкын – тайö збыль,
Сöмын ыджыд эскөм колö...
Тадзи шуасис Степан,
Медводдза епископ тан.

Дзевас нима пöль Степанлөн
Вузасьöмын аддзис сям,
Лои велöдысьөн мамлөн,
Йиджтис енного мөвпсям.
Нимыс мамыслөн Мария,
Коми аньён вöлі сійö.

Айыс – роч морт, Симеон.
Чужис Степан Югдін* карын,
Лои киподтуя зон,
Босътчис грамотаö яра.
Бокö ай-мамсьыс эз мун –
Воліс вичкоö быд лун.

Сэсса Мёскауö сюри,
Ылö коли сылөн горт,
Велöдчис тан медся бура,
Епифаний лои ёрт.
Велöдчысьяс уджачлунысь
Вильшасьлісны лунысь-лунö.

Вöвлі, тайкö нин оз бöрд.
И бур ёртыс, Епифаний,
Сійöс кывнад он на йöрт,
Вензьöмъясын мунліс паныд.
Вензьöм, дерт, эз мунлы дыр,
Öдйö бурасьлісны пыр.

Сы пöраö Мёскау
Копрасьліс на тотаралы,
Тайö нимкодълун эз вай –
Вузвот мынтис быд во налы.
Басурманатö он вен,
Оз кö öтувт рочöс Ен.

* Югдін — öні Великой Устюг.

Да и паськөдчыны колө,
Сольнитчыны муяскөд,
Этша лыда йөз көн олө,
Коді Енсө оз на төд.
Йөзыс, гашкө, буретш өні
Мывкыд мортөс виччысьёны.

Водзлань видзөдіс Степан,
Вөлі сьёкыд, колө шуны,
Том йөз велөдчисны тан
Вичкоясын служба нуны.
Гортас овнысө эз мун –
Кыскис сійөс Перым му.

Сьөлөмсяньыс окотитіс
Пыртны Енмө коми сикт.
Мёскуаын бласлөвитіс
Та вылө митрополит.
Степан иерейөн лои,
Медводз Пырас* сиктө воис.

Вежа Пөлтөс** йиджис тан,
Енлөн велөдөмыс ина***, –
Пемыд войтырлы Степан
Тшөктіс олөм Енлы сины.
Сөмын Ен пө ваяс мезд...
Кодкө кывзіс, кодкө эз.

Сэсся Емдін карө воис,
Көні чужтіс ыджыд вен,
Епископөн сійө лои,
Тадзи туйсө индіс Ен.
Кодыр сьёкыд туйө петіс,
Видзан пас Донскөй князь сетіс.

Оласногнас бытьё рам,
Но важ енъясөс дась сотны...
Сувтіс сылы паныд Пам,
Татчөс юралысь да сотник.
Степантө пө сөмын лэдз,
Ми вокнымлы дасьтө лэч.

* Пырас – өні Котлас.

** Вежа Пөлтөс – Святой Дух.

*** Ина – истиннөй.

Йӧзлы донаджыкыс абу,
Шензис ас кежсьыс Степан,
Налӧн Енмыс Зарни баба,
Пуысь лӧсйӧм чужӧмбан.
Аддзан, кодарӧ кӧть мунан,
Пуысь вӧчӧм Енмыс уна.
Быдӧнлӧн пӧ аслас вын,
Войтыр тадзи ассъыс дольӧ...
Сотан: петӧ сӧмын тшын,
А ме, аддзад, ловйӧн коля.
Вӧрас тыр кевмысянӧн,
Грекас вӧйӧмныдӧсь нин.

Воӧм йӧзкӧд шӧйтӧ вӧрӧд,
Епископлӧн лӧг оз ям,
Но Пам-сотникӧс оз вӧрӧд:
«Воас кад – и аддзысям».
Степаныслӧн видзан пас,
Гырысь сьӧм да ратникъяс.

4

Бурсӧ выль эскӧм оз вай,
Сытӧг гудакылім-олім,
Пӧльясянь на ас вӧр-ва,
Босьтлім, мыйта вӧлі колӧ.
Чайтам ловъяясӧн ми
Шонді, Сынӧд, Ва и Би.

Майбыр, Коми муӧд мунны,
Личӧдчан, и быдсӧн бур.
Ас вӧр-ваад, позьӧ шуны,
Тэныд нюмъёвтӧ быд пу.
Парма пуяс бурдӧдӧны,
Восьлав на дорті кӧть кӧні.

Бурдӧдӧ и парма ёль...
Со, дзор тошка джуджыд коз пу,
Сійӧс казявтӧг он коль –
Эн на тэрмась шуны: оз туй...
Быдтор аддзылӧма коз,
Ловъя на со, абу кос.

Кылан пуын аскоддьомёс –
Мортлөн лов, и сылөн лов.
Верман кыв-мёд шуны... Сёмын
Ёна дөзмөдны оз ков.
Сылөн вöрас аслас олём –
Пусö гөгөрвоны колö.

Быдтор ковмас, мый он вöч.
Гожём волас аслас тöждөн.
Тöлын кыйсян – тулан, көч,
Аньча, руч и тэрыб съөдбөж...
Да и уна мукөдтор
Парма сетас, мый он кор.

Оз ков сёмын дышөдчыны,
Но и горшасьны оз ков,
Юын кебös, сын да чими.
Кыян, мыйта лэптас лов.
Мыйкө аслыд пöжны-пуны,
Мыйкө ярмангаö нуны.

Асланым на вөр и ва.
Коми ичөтсяньыс кыйсьö,
Мыйкө вайö көть оз вай,
Октö лэч, ньöввужысь лыйсьö.
Мед на сылы дас нель ар,
Вöрын – тулыс, төв и ар.

Коми нывка – видзьяс вылын,
Ичөтысянь – уджач, рам,
Быдтор вöчö ошкём вылö,
Мый тшöктасны ай да мам.
Кужö джодждöраяс кыны,
Кужö йöктыны да сывны.

Быд керкаын – Олыся,
Но та кузя шмонитöны:
Вöрса-Васанымлөн сям –
Луншөр кадö венласьöны.
Эм кө гортын нянь да сов,
Войтыр нинöмысь оз пов.

Пувъя ягті, чөдъя расті,
Зептын видзөг – рудзөг нянь,
Өксай Пам, отсасъысыяскөд,
Тэрмасъоны Княжичлань*.
Кыті подөн, кыті вөлөн
Туй кутёны Емва пөлөн.

...Туй джынъяс нин сувтіс Пам.
Йөзлы шуө: Кежны колө.
Сэрөг** карас шойччыштам,
Войтун пөльным сэні олө.
Өксай чөв оліс туй чөж.
Юрас – быдсямасъыс төжд.

5

Кыдзи водзө овны-вывны?
Олөм лоө гажтөм, гөль.
Туй ёртъяссө дугдіс кывны...
Но сы водзын Войтун пөль...
– Ті, кор вөлінныд на ылын,
Сэк нин воомнытө кылі.

Пөльлы козин мыччис Пам:
– Зарни Ань кевмысянінө
Көсийи нуны, но Степан
Сотіс сёртассө лёк кинас.
Зарни Аньным, шуа тэд,
Киас некодлы оз шед.

Епископөс ог мөд видны.
– Маыс – Зарни Аньлөн пас.
Гашкө, масө кө тэ видлан,
Воссяс миян енэжтас?..
– Өксай, ловпу, керка дорын,
Паныд мунысыястө ёрө.

«Ускө, ускө, эн пөръясь,
Воин кымын пу кост-майёг...
Медым жугыльлунным тась
Лэбзис сизим саридз сайө...»
Масө видліс: Чөскыд ма,
Зарни Аньөн пасйөма.

* Княжича – Княжпогост, өні Емва.

** Сэрөг – өні Серегов.

Нуръясисны Войтун ордын:
 Нөкъя ельдөг, азя шыд...
 Личалисны, быттьö гортын,
 Сöмын матысмис нин рыт.
 Вердін бура, аттьö таысь.
 Аски öксöм – Княжичаын.
 Туйын йöзöс суис вой.
 Войтун энöвтiс тшöтш гортсö.
 Муртса чинiс сьöлöм дой.
 Öксай аттьöалис ёртсö.
 Мортлөн быттьö быдмö борд,
 Кодыр орччөн ёртсьыс-ёрт.

6

Емва пöлөн, Эжва пöлөн
 Шызьöмаось коми йöз.
 Öксай Памным оз мый öлөд?
 Мыйся тайö воö грöз?
 Виль эскöмö лоö пыртöм
 Ас вöляөн али мырдөн?

Гыö йöзөн Княжича.
 Быдладорсянь воалöны,
 Кодкö жöдзö палича,
 Мукöд – кинас шенасьöны.
 Кылö: Миян Зарни Ань –
 Медся колана да шань!

Йöзыс виччысьöны Памöс,
 Шуасяс мед, кыз да мый.
 Парскö гöсьтлөн наян сямьс,
 Мыйла сійöс мор оз лый?
 Нэмсö, кызди кöсьям, олам,
 Мыйла вежны мыйкö колö?

Коми му да олан горт
 Асланым на! – кылö гора.
 Ыджыд öксай, пöрысь морт,
 Шыасис ас йöзыс дорö.
 Юр пö сиравны оз ков,
 Кызди олин, сідз и ов.

Кортõм гõсьтным, вежа Степõ,
Либõ Перымса Степан,
Мыйсюрõ ас пыткас дзебõ,
Сёрни та йылысь оз пан.
Степан бõжтõм ручõн пырас –
Ас вõляа олõм бырас.

Мортыс варов, абу тшап,
Но õдвакõ сыысь мынан,
Епископлõн овыс Храп –
Мудеритõ гуся вынõн.
Босьтан кийс аттõ кузь,
Эн, вай, коми мортõ, узь.

Исус велõдõм кõ венас,
Кусас сьõлõмным би,
Разаласны коми енъяс,
Натõг ставсõ воштам ми.
Зарни Аньным – Шондї нывным –
Миянõс оз понды кивны.

Турун, парма шõрса коз,
Быдõн ассъыс олõм олõ,
Тшõтш и миянлы на моз
Ас понда жõ овны колõ.
Лючки-бура овны, мед
Сьõла лэчкõ морт эз шед.

Быдсямаыс воаласны,
Мõскуасянь бур оз во,
Ми вокнымõс топõдасны,
Лоõ сьõкыд воысь-во.
Ен пыр Степан тайõс дасьтõ,
Мõвпыштõй та кузя асьныд.

Бурджык овны пõльяс ног,
Ас юрõн да ас тõждъясõн,
Оз ло ковтõм шог ни мог,
Гõгõр ставыс бур да ясид.
Медым некодлõн эз вун –
Медся дона ашшõрлун.

Шызис-гызис коми войтыр,
Дорччысь Карйон медся яр:
Лёня олімйой ми войдёр,
Онi ми весьтын гым-чард...
Кинас өвтчö Сизьдан Микö,
Абу коньёръяс на ми пö.

Горзö скöрмöм Бекар Пöть:
Водзö олам, кызди кöсьям,
Коми муысь гöсьтъяс – шöть!..
Гаддя Кабыр орччөн öзйис:
Степан этшсö нин оз тöд,
Овны Храп серти ог мöд!

Памлань, водзсиысь да тöдысь,
Ньöжйö петіс Войтун пöль,
Кызöктыштіс öтчид-мöдысь:
Тöv ныр – нылыд тэд оз пöльт,
Онi сійö пöльтö паныд,
Выннас бертыштас Степаныд.

Но оз помась коми нэм,
Войтыр сувтас, садьмас коркö,
Эбöс чукöртас, мый эм,
Ыджыдөн бөр лоö гортас.
Оз век копрась коми морт,
Шеныштлас на вына борд.

Войтун водзсиысьлысь кывсö,
Да и Пам эз казаяв мед,
Йöзсьыс бокын сюся кывзіс
Кизьёр тошка тöдтöм дед...
Көн вөр сайын паськыд ковтыс,
Пöдöм шыа жыннян бовгис.

7

Узьö Пам, и аддзö вöт,
Аслас позйын, Княжичаын...
Кылö: Коді тэ – ог тöд,
Ноко, висьтав, кажитча-ö?..
Абу Вöрса, абу морт,
Гашкö, мыччысис нин орт?

Сьод юрсисö тöвру летйö,
Ставнас повзёдлана, лёзь,
Бугыльяссьыс синва петлö,
Бура сёрнитны оз позь.
– Мый нö, повзин? Аддзан – мисьтöм...
Кытчö веськалі ме, висьтав!

– Ло кöть коді тэ, ог пов,
Коми войтырлөн ме öксай.
Тэ нö быттё ловъя лов,
Али сöмын менам вöтса?..
– Абу вöтса, абу орт,
Ставлы тöдса – ме Яг-морт.

Парма-вöрті шöйта öтнам,
И со, висьтала нин тэд:
Думнад кыад либö вöтлад,
Сöмын кианыд ог шед.
Менö онö аддзöй синмөн.
Лыянный да онö инмöй.

Асланым тан оланног,
Менö казялысьыс лыда.
Йöзлысь помасьлытöм нок
Аддза, мый кöть и ог тыдав.
Парма-ягын олöм мöд,
Мортыд ставсö оз на тöд.

Шöйтö ме моз Пам-Шыпича
Парма шöрын, лун кöть вой.
Тані, аслыспөлöс, мича,
Чужö сыланкыв да мойд.
Зумыд, осьлалö Пеляйка,
Сысянь неылын – Меляйка.

Пера, Юрка, Тунныръяк
Ас ордымöд вуджöртлöны.
Сьод Зон, Кöртайка, Йиркап
Пуяс костöд писькöдчöны.
Егыр пытшкын бан и гуг
Видö омöльясöс Зук.

Ставныс найö – тіян вужъяс.
 Öні лои шы ни төв.
 Виль ног олөм найөс чужйис,
 Некод быттьö эз и вөв.
 Виль оланног найөс венö,
 Öтдортасны тшөтш и тэнö.

Чöла кывзис сійөс Пам,
 Вөтнас арталіс, мый лоö,
 Кыдз нö сэсся лоан рам,
 Сідзкө, аслас кадыс воис.
 Сэсся бергөдчыліс шурк,
 Но Яг-мортлы кыв эз шу.

Ставсö гөгөрвоис ас ног,
 Нöшта со мый кыліс тан:
 «Ылөдлөмөн өтдортас на
 Тэнö Степан, өксай Пам...»
 Коми өксай жугыльмыліс,
 Мыйкө быттьö ассъыс кыліс.

8

И со... Перымса Степан,
 Тані паськыда нин төдса.
 Сылы воча сувтіс Пам.
 Видзөдөны өта-мөдсö.
 Кристос нимөн юралысь,
 Да ас Енмö эскөдысь.

Степан небыдика шуö:
 – Мөвпалі ме уна ног,
 Евангелие – бур юөр
 Йөзлы сетны – менам мог.
 Öттшөтш позянлунсö сетны
 Налы пемыдлунсьыс петны.

– Кутшөм пемыд? Аддзан кысь? –
 Памыс вочавидзö сылы. –
 Нинөм оз ков тіянлысь,
 Ас Еннымкөд олам-вылам...
 Мед кө коми войтыр рам,
 Накөд Ен да пöрысь Пам.

Меным пи вылӧ тэ туян,
Весиг пӧльӧн шуысьӧн.
Весьшӧрӧ тэ петӧн туйӧ,
Тэӧ эз виччысьны кӧн.
Оз ков пырны Коми мулы
Мӧскуалӧн кипод улӧ.

– Но и скӧр тэ, пӧрысь Пам,
Татшӧм морттӧ аддзан шоча.
Сӧмын мыйла сёрнитам
Тэкӧд Коми муын – рочӧн?
Шулӧсны мем, эз на вун,
Тэ пӧ тӧдысь, керысь, тун?..

– Ачyd, аддза, чорыд синма...
Тайӧс гӧгӧрвоны кыз? –
Соталан кевмысянӧнъяс,
Кералӧн со вежа кыз.
Зарни Аньӧс корсян вӧрысь,
Орчча ягысь, парма шӧрысь.

Кутан дӧнад тышка вын.
Кодӧс сийӧ танӧ видзӧ?..
Миян енъясысь он мын,
Ачyd сюся кӧ он видзӧд.
Лӧксӧ миянлы эн вӧч.
Лоӧ медбур. Шуа стӧч.

– Ок и винӧв – кывнад личкан.
Со, тан менам оланӧн.
Микайлӧ Аркангел вичко
Лои миян вензянӧн.
Век жӧ эскӧда ме тэӧ,
Пу енъястӧ тэнсьыд вена.

– Исус Ен кӧ медся бур,
Мыйла сийӧс лӧк ног пыртан,
Орйӧдлан пу Енлысь юр,
Миян эскӧм вылӧ зыртчан?
– Кывзы менӧ, мывкыд Пам,
Гашкӧ, на и, артмӧдчам.

Татчӧс ӧксыяслӧн ӧксы,
 Виль Ен вужъясьӧ нин тан,
 Сӧмын мыйла ӧта-мӧдсьыс
 Вильсӧ мырдӧн бырӧдан?
 Быдӧнӧс Ен гӧгӧрвоӧ,
 Мортлы сьӧлӧм дӧнӧдз воӧ.

Енмыс – збыльысь тэнад лов,
 Мыйла ызьӧдлан рам йӧзсӧ,
 Мӧдаръягыдысь он пов,
 Исус Енлы паныд ӧзтан.
 Олӧм мортлӧн – здук и эм,
 Енмыскӧд кӧ – помтӧм нэм.

– Ог куж тунавны ни вордны,
 Таын мыжтӧмӧсь дзик ми –
 Вичко пыр да чина морт пыр
 Мӧскуалӧн судзас ки.
 Быдсямаыс воас кортӧг,
 Мӧвптӧ аддза ме, еnmортӧй.

– Матысмӧмнымлы ме рад,
 Лӧк оз ло, мед воаласны.
 Коркӧ, ӧксы, воас кад –
 Роч да коми сӧльнитчасны...
 – Аддза, еnmорт, тэнсьыд пай,
 Эн ӧд Еnmӧс сӧмын вай.

Ышловзис Пам: Юрӧ волӧ,
 Мӧскуаса ӧксыув
 Пырас олӧмӧ и лолӧ,
 Да и водзӧ оз на сувт.
 Артмӧ тадз. А миян Енным
 Некодӧс оз кӧсйы венны.

9

Мӧдысь, сӧрнитчисны да,
 Степан аддзысьлыны вӧзйис,
 Бара ас дор сувтны дась,
 Важся вензьӧм Памкӧд ӧзйис.
 Енъяс тиян – лӧсйӧм пу,
 Раяд некодӧс оз ну.

Пам Степанлы шуё воча:
Райыс – мян ашёрлун,
Асьныд ті енпөвъяс водзын
Юрбитанныд вой и лун.
Сотігад – сюсь синмён видзёд:
Сідзкё, Енным тэнё видзё.

– Менё видзё Мезёс-Ен.
Уськөдчылісны эз өтчид.
Чёла сулалі ме сэн.
Муні. Скөр войтыр эз вөтчы.
Кыла: водзсасис кё морт,
Вөчим эськё гу да горт.

– Скөрмём йөзысь колё повны, –
Пасйис Пам, – но шуа ме,
Ме ног – мортлы колё овны...
Оз кё быттьё мырдды мезд.
Мёскёс варт, и позьё шуны:
Яндзим лоё йөвсё юны.

Рамось ми, но он на тёд,
Кынман-тшыгъявлан на коркё,
Кынём Ен нимён оз пөт...
Но епископ сійёс торкис:
– Вөлі кыша-пёла во,
Ен нимён нянь эз мый во?

Сійёс судзөдімөй ылысь,
Виччысимөй кымын лун.
Тэ кё вунөдін та йылысь,
Татчёс йөзыслөн оз вун.
Вичко звёныс дас верст сайөдз
Лэбис, юөртны мед тайёс.

Йөзөн тырис югыз храм,
Ен дзирдлунөн югзьё сійё,
«Благовещенье» – Ен Мам
Тасянь йөзлы бурсё сиё.
Со и эскы тэ коть эн,
Мый эм, ставсё чужтіс Ен.

Гөгөр аддзё Енмыс, кылё,
 Сылён помасьлытём нэм,
 Эн и дзоргы ылё-вылё:
 Сійё тэ пытшкын тшөтш эм.
 Та вёсна и, мый ме вёзъя,
 Лёсялана коми йёзлы.

Тадзи шуасис Степан.
 Сэсся зонкаёс ас дорас,
 Коді бергаліс нин тан,
 Чуньнас легөдёмён корис:
 – Матьвейка... Пам өксы, төд –
 Сійё тіян коми рөд.

Анбур төдө, гижё-лыддьё,
 Тайё зонка – зарни тусь,
 Исус Енмёс пуктё пыдди,
 Образ серпасавны сюсь...
 – ...Бурсё вөчан өти киён,
 Мөднас повзёдлан тшын-биён. –

Шуис Пам. – И төда ме,
 Коми анбур лосьөдөмыд...
 – Ен отсөгөн...
 – Аттьё тэд!
 Ыджыд буртор велөдчөмыд.
 Сөмын – вунёма, но ас
 Вөлөма нин коми пас.

Кывсьё: некымын нэм сайын
 Канму вөлөма – Булгар,
 Сэтысь, ог төд, збыль-ё тайё,
 Гижөд ыстё сэтчөс цар,
 Вөлөн, пыжён, гашкё, подён –
 Вису йёзлы, коми ногөн.

Да и содтыны мый эм...
 – Менам анбур дыр кад олас, –
 Торкис Степан. – Уна нэм.
 Котырталі кымын школа.
 Лоо салтыр лыддьысьысь,
 Кывйысь кывйё вуджөдысь.

– Кокни со тэ киё сюрны, –
Шуис Пам, – но мөвпышт сутш:
Коми морт ас пытша бурнас
Тэнсьыд кокняммөддө удж.
Бур вöч комилы ас киён,
Кык бур вöчас тэныд сійö...

– Лёк морт Коми муын шоч, –
Степан кывзис Памöс эз дыр. –
Чужис став нэмъясысь водз
Исус Кристос, миян Мездясь.
Сы гөгөр став югыдыс,
Лыдтöм-тшöттöм анделыс.

– Велöдчылімöй и ми
Ас енъяса Перым муын,
Велöдöмлөн вежа би
Вунас, гашкö, сöмын гуын...
Кытчö вежöрнад он судз,
Коми сотник, Микул Чудь –

Киев карö веськалöма,
Игорь öксы вöлі көн,
Сэні Микул веськöдлöма
Ольга öксань овмöсөн.
Ковмис коми – эска талы –
И Донскöйлөн дружиналы.

– Медым весьшöрö эз певйöд:
Кодлөн Енмыс, корсьны көн...
Абу сöмын иудейлөн,
Но и став ен тöдтöмлөн.
Та йылысь апостол Павел
Шуліс, тöдісны мед ставөн.

Торкис епископöс Пам:
– Ентö тöдмалöны войтыр,
Сöмын тэнад вотöдз тан
Ас ног олімöй ми войдöр...
Öні, кодарö он мун,
Мöскулөн ми выль му.

10

Топодны вель власьтыс пондіс,
 Лои чорыдджык Степан...
 Юрбиттөг век петліс шонді, –
 Важ ног дорйысис на Пам, –
 Быдсөн аслас могөн олө,
 Эгö на ми усьöй лолөн.

– А ме матö вои дзик,
 Сэтчö-татчö век көть гöграв:
 Рытыввылын – ушкуйник,
 Асыыввысянь зырö йöгра.
 Сöмын öтитор и бур –
 Комияслөн югдö юр.

Пу енъяслөн чинö лыдыс.
 Степан шуö Памлы: «Вот,
 Вöрын аддзывлöны пыдысь,
 Эг на сідзкö ставсö сот.
 Меным эскö том и пöрысь,
 Да и тэ вылö нин скөрöсь.

Дугды пыксьынытö, Пам.
 Пöрысьлуныд со нин личкö.
 Тэнö прöститас Ен Мам,
 Сы нима Емдінын вичко.
 Миян Мезöс – сылөн пи,
 Сявкйö гөгөр вежа би.

А Матьвейкалөн эм сямыс,
 Уджын зільлуныс оз чин,
 Сылы вайисны вель нямöд
 Сэсь, көн тіян кевманін.
 Зарни Аньлы вайöмасьыс
 Артмис дөрöмыс и гачыс...»

11

Ветліс Степан Мöскауö.
 Сёрнитöма сэн и тан,
 Кыдзи пырны биö-ваö
 Памöс корлöма Степан.
 Ошкөмны енного мортöс,
 Пыртöма сизимсё мортöс.

Сёмын вошõма том зон,
Тõдмаліс, кор воис татчõ,
Весиг вõралысьлõн пон
Матьвейлысь кок туй оз аддзы.
Кывліс та йылысь и Пам –
Войтун петкõдлас мед сям.

Сэрõгланьõ туйõ петіс,
Вõлыс тэрыб, абу надз.
Тõдысь Войтун лача сетіс,
Мõвпыштіс да шуис тадз:
Вõtõ меным усьліс тõрыт,
Матьвей – Нёридздорса вõрын.

Збыльысь, оз-õ сэтысь сюр?
Куим отсасьыськõд мõдіс...
Инõ õшййтõм Сьõдъюр –
Челядь нимсõ õксай тõдіс.
Веськыдланьын кыліс кõк,
Шуйгаланьын – сигудõк.

Шуйгаланьõ кокыс нуис.
Вõвтõг мõдõдчис нин Пам.
Аддзис тõдса мортõс. Шуис:
«Мõдысь со нин аддзысям.
Сёрнитлімõй керка дінад,
Ветлі кор кевмысянінõ».

Бара Пам вылõ кык пон
Увтыштісны, но эз скõра...
«Эз-õ вуджõртлы том зон?» –
Юаліс Пам, лõньõм бõрас.
Калин вештіс сигудõк,
Эг пõ аддзыв и ог тõд.

Õксай восьтіс, коді сійõ –
Инõ õшййтõм Сьõдъюр,
Шуõны пõ, зарни киа,
Мõд татшõмыс оз на сюр.
Весиг епископыс шензьõ...
Сыкõд та кузя ог вензы.

Вичко сетöма мöд ним,
Матьвейкаöн öнi шусьö,
Зонмыс велалöма нин,
Но эм таын мыйкö гуся.
Мыйла чужтiс татшöм нок?
Кутшöм вöли зонлөн мог?

Колö, Калин, корсьны зонсö.
Кöтiсö со сетiсны.
Калин корис кыкнан понсö,
Мыччис кöтi исыштны.
Сэсса понъяскöд и вöлөн
Мöдöдчисны Нёридз пöлөн.

Корсьысисны быдса лун –
Егырöд и зыбуч нюрöд.
Войтун збыльысь вöлөм тун –
Рытланьыс Матьвейка сюри.
Нёридз бердын, кыркöтш йылын,
Сылөн лимзöм-бöрдöм кылис.

– Лов оз лэпты лөгөн овны,
Матьвейка, либö Съöдъяур,
Мыйла татчöдз локны ковмис? –
Дивитiс Пам. Абу бур.
Медасин кö лючки-бура,
Колö овны мывкыд юрөн.

Да и мыйла, висьтав вай,
Важ паськöма да и кöмтöм...
Зонка шуис: «Менам ай
Воштiс ловсö танi көнкö.
Ушкуйникъяслөн ёсь меч.
Найöс Емдiнöдз эз лэдз.

Вöли коми енъяс вöсна,
Тадзи висьтавлывлис мам.
Ставсö гөгөрвоны кöсья.
Прöстит менö, öксай Пам.
Мöвпыштла да артмö явö –
Роч да коми енъяс правöсь.

Зарни Ань да Кристос Ен...
Со и воши шөрө-бөрө.
Юксьом ас пытшкын он вен,
Со и сетчи пемыд вөрө.
Онi мый вөчны, ог төд...»
– Тэ вай Емдинө бөр мөд. –

Шуис Пам. – Ас пытшса веныд,
Гашкө, нэм чөжыд оз мун,
Коркө воссяс на и тэныд
Енэжыслөн мывкыдлун.
Ставсө матыссаон лыдды,
Да став йөзсө пукты пыдди.

12

Мунөм Емдинө эз ло,
Войыс коли Калин ордын,
Калин кымынөд нин во
Олө-вылө коймөд гортын.
Вөвлі ашөр му – Булгар,
Көні юркарыс – Биляр.

Сэтчө вувзысис тотара...
Мокшаяскөд олыштіс...
Сэні пансис тыш, и бара
Коймөдлаө уйыштіс.
И со воис Емдин бердө,
Көні парма видзө-вердө.

Быдлаө пө суйсяс рөк –
Тані гудыртчыны пондіс.
Мездіс мортөс сигудөк,
Со и талун ловъяс шонтіс.
– Тэнад ворсөм ок и бур, –
Ошкис Матьвейка-Сьөдъяр.

– Кажитчө мем и юсь пөлян,
Аски вөча тэныд – босьт.
Юсьяслы меддона вөля,
Юсьөс вөрзёдны оз позь.
Пөляннас быдсяматорсө
Усьөм айө менам ворсліс.

– Уна тадз он ворс, он сьыв,
 Колö олöмас быть пырны...
 Тiянланьысь воём кыв
 Коми сёрниясын тырмö, –
 Калиныслы шуис Пам. –
 Со кöть, кыв-мöд вайöдлам.

Кушман, тасьтi, мöс да турун,
 Чарла, кольта, весиг нянь.
 Да со нöшта воис юрö:
 Зарни, ури... сэсся шань.
 Уна кыв на сюрас öнi,
 Коми муын бергалöны.

Асьным вешйим коркö сэсь.
 Биа Ур Му – көнъя öнi? –
 Мокша, эрзя, водь и весь...
 Рöдвуж туйö гаравлöны.
 Мый кольöма, он нин кый.
 Вильыс зырö... Но и мый?

...Керка бурсö вöчö век на,
 Мый кöть эновтлöмсьыс сьöд.
 Со нин колö туйö петны –
 Гыа Емдiн виччысьö.
 Югдö паськыда виль асыв,
 Быдөн виччысьöны ассъыс.

13

...Садьмöй, абу на öд сёр,
 Емдiн кöсйö ставсö вежны,
 Колö водзасьны ас дор,
 Либö колö бокö кежны.
 Бурөн Степанысь он мын,
 Котыртамöй тышка вын.

Коми йöзлы мудзтöдз доли,
 Тыдалö оз сöмын мем,
 Миян мыш саяным коли
 Ас вöля уна нэм.
 Памлы сьöкыд мыйкö шуны,
 Аддзис, кодарö мый мунö.

Вөлімөй юркотыр ми,
Олім-вылім эма-бура,
Сибавліс быд уджө ки,
Олөм лөсьөдлім ас юрөн.
Сюйсьө мырдөн виль эскөм,
Миы бурыс этша көн.

Степан тшөктіс йөзлы: «Өні
Быдөн, пөрысь либө том,
Эрдөдөй, пу енмыс көні,
Сотөй, кытчөдз оз коль шом.
Шобөй орчча олысьяслысь,
Оз кө лысьтны сотны асьныс».

Венденгаысь өксань, со тай,
Вөзъян эскөмө эз пыр,
Ловъя пуысь Енсө сотіс
Воөм морт, эз майшась дыр.
Виччысис, мый өксань шуас...
Өксань шыбитчөма юас.

Мөскуасянь кутшөм бур
Вом восьтөмөн виччысямөй?
Медводз кольмөдасны юр,
И – быдторйө тырмас сямыс.
Мый көть еннога оз сөр,
Лоө потшөстөм градйөр.

Ас муын кө абу ыджыд,
Войтыр воштас ассъыс шуд,
Ставыс водзын быттө мыжа,
Водзө сөвмыны оз кут.
Сэссия, тшупөд бөрся тшупөд,
Вывлань кыпөдчасны мукөд.

Но тан вөчөма нин удж.
Скөра горзөмъяс Пам кыліс:
Пыжнад Емва васө вудж
И мун кытчөкө, зэв ылө.
Он кө Емва юсө вудж,
Тэныд петкөдлам ми пуж.

Медводз Кристостё ошкёмны –
Библиясё тёдїс Пам –
Сэсся крестё тувъялёмны.
Кростос вёлёма пё рам.
Сёмын мёд ног лои татён:
Епископ эз ло Пилатён...

14

Дорччысь Карйон, медся яр
Оксьём дырьи Княжичаын,
Памлы шуё: «Емдін кар
Зыртё мускёс, трасичаыд.
Он кё Емдін вылё мун,
Отнам пета коркё лун».

Вочавидзё Пам: «Эн тэрмась.
Епископыд оз мун тась.
Сыкёд тышкасьны он вермы,
Мед и кутшёмакё дась...»
– Сідзкё, нинём шенны-манны,
Мёдам епископлы паныд!

Мыйкё виччысис на Пам...
Вичко лыдыс гөгөр содіс,
Войтыр, чёв олысь да рам,
Пу енъяссё жугліс, сотіс.
Но эз ставыс татшём вёв –
Кодкё дузіс, но эз лөвт.

Гырысь лысьёма да зумыд,
Дзор и арлыда нин коть,
Дзебсис оксай, рёк эз су мед...
Гаддя Кабыр, Бекар Пётъ
Кёрт кёлуйён воалісны,
Содтёд йёзёс чукёртісны.

Воис тышё петан лун.
Оксай йёзлы кыв-мёд шуис:
Бурён Степан тась оз мун,
Вётлам – сылы тёдса туйыс.
Лёсьёдам бёр, миян мог,
Ас вёляа оланног.

Емдін – джуджыд мылькъяс вылын,
Быд мыльк вылын – вичко крест,
Позьё корны весиг ылысь
Уна лыда грекысь мезд.
Водзын – ю, а гөгөр видзьяс.
Сэсся парма – доръяс, видзас.

Шуис өксай бөръя кыв:
Йёз муяс оз ковны. Сёмын
Чинталёны ас мувыв –
Мырдён, либё ылөдлёмён.
Быд воысьыс абу лёк,
Сёмын наян мед эз лок.

Коми войтыр, олөй-вылөй!
Енъяс! Донаось ті мем.
Сьёлөм тіпкөм менсьым кылад,
Тікөд йиті ассым нэм...
Важ эскөмсө энö чөвтөй,
Сійö кыпыдлунөн өвтö...

Кизьөр тошка төдтөм дед
Йёзыс костын жөдзис тані...
Эз өд прөста видз да верд
Сійөс Перымса Степаныд.
Сэсся гусьон пышйис тась.
Емдін – тышö лои дась.

15

Асыв жыннан шыон воис,
Дзирдыштисны шы да чер,
Шыпуртясысь дзескыд лои,
Горзысь йөзөн тыри эрд.
Венвойтырыс Памлөн бертö,
Воёдчис нин вичко бердөдз.

Но сы здукö ратникъяс,
Кодъяс бокын виччысисны,
Сутугаа дөрөмъяс,
Кыкладорсянь мыччысисны.
Шыпурт лои вирөн тыр,
Скөра тышкисисны дыр.

Чорыд тышыс кыссис рытөдз,
Быдөн петкөдлісны сям.
Сэні, тышыс пансис кытөн,
Сюри Степан киё Пам.
Сёмын шонді пуксьём бёрын
Горзём кусі пемдём вёрын.

Памёс епископ эз йөрт
Көдзыд, пемыд дзескыдінө.
Пырис ратник. Вылыс – көрт:
«Памёс вайны али вины?»
Епископ, енпас дорас,
Корис Памёс ас дорас.

Ог и төд, мый тэныд шуны,
Кыв-мөдөн и сёрнитам.
Воштін ним, вир кисьтан лунё –
Тэ нин абу өксы, Пам.
Мыйкө көсьыліс на шуны...
Кинас өвтыштіс: Мед мунас...

Дякёс корис: «Талунсянь
Ставсё төд вылө ті босьтөй,
Өлөдөй да юклөй нянь...
Сэсса ставыс мунас косьтөг.
Сетөй Памлы ассъыс вөв,
Талун жө мед тан эз вөв.

...Зарни Аньным кисё мыччас,
Сылөн бурлуныс оз ям.
Разаламөй коді кытчө», –
Шуис зумыштчөмөн Пам.
Кама юөдз Вашка юсянь,
Разалісны войтыр гусьөн.

Уси тышын Бекар Пөть,
Ылі Княжичаын коді
Шуис воысьяслы – шөть!..
Нэм кежлө ас муас водіс.
И со некытысь эз сюр
Инө өшйытөм Съөдъяюр.

...Аслас йёзыскөд Из сайё
Лючки-ладнө воис Пам.
Гаддя Кабыр туйсө тайёс
Төдіс. Вөвлөма нин тан.
Сьёкыд туйнысө тшөтш талис
Аслас сигудөкөн Калин.

Кабыр, эжа-куа морт,
Туйын важ моз век на өзйис,
Видіс Степанёс көть кор,
Сылы быдсямасө вөзйис.
Дорччысь Карйон доймис – няр,
Кольччис. Тышын вөлі яр.

Мөвпаліс Пам Сьөдъяр йылысь...
Калинлөн сьөд керка-чом...
Оз вун. Видзө кывъяс сылысь,
Мывкыд кывъяс, мед и том.
Туйсө Енлань аддзан сөмын
Морта-мортөс радейтөмөн.

...Атлымын овмөдчанін,
Сійө паськыд Обь ю сайын,
Воём йөзлы оланін
Лои йөгра муыс тайё.
Зумыд юрта. Төв оз ну.
Юр весьтаныс туся пу.

Юрта көдзыдъясысь доръяс,
Лёк мед эз вөв и оз ло.
Сьёрсьён-бёрсьён лоёмторъяс
Путкыралісны на лов.
– Нөшта шог, – Пам коркө шуис, –
Тупкысис бөр воан туйыс.

Ковмас мөвпъяс саймовтны,
Асьюралөм миян быри,
Йывмыны да ваймыны –
Лои комилөн туйнырыс.
Медым сөвмыны, көть көн,
Колө көсйөм быдөнлөн.

Кута казътывлыны дыр на:
 Медым йӱйӱн коли Пам,
 Тшӱктӱс биӱ-ваӱ пырны
 Уна йӱз дырйи Степан.
 Быттьӱ ачыс биысь-ваысь
 Петас, ловйӱн коляс наысь.

Мортӱс улӱдны оз позь...
 Степан кужӱ на и овны:
 Козин енъяслысь оз босьт,
 А ветымын сайӱ овмӱс
 Мынтӱ сылы ыджыд вот...
 Морт лӱз гын вылад оз чот.

Чужӱ вичко бӱрся вичко, –
 Шулис Пам, – и тӱдны колӱ:
 Тайӱн кутшӱмакӱ личкис
 Коми йӱзлысь тыр-бур олӱм.
 Дзескӱдас и олӱм гажсӱ,
 Но оз кирит дзикӱдз важсӱ.

17

«Вояс чӱжӱн мудзи ме», –
 Шуис Степан Мӱскауын.
 Помавны став уджсӱ мед,
 Лӱня кувсис молитваӱн.
 Енмыс пуктӱс ассьыс пас:
 Кувсис ыджыд Лун бӱрас.

Исакийӱс Енмыс аддзис,
 Пӱся восьтӱс ассьыс сыв.
 Сӱмын дыр-ӱ лоӱ тадзи –
 Вичкоясын коми кыв?..
 Степан бӱрын олӱм вежсяс,
 Вичколӱн роч кывӱӱ кежсяс.

Сэсся лӱня кувсис Пам,
 Атлым грездын, Обь ю дорын.
 Бласлӱвитны, ньӱжмыд, рам,
 Памыс Зарни Аньӱс корис.
 Обь ю дорас шулӱма:
 «Коми муӱ вола на,

Медым ашшөрлуна шудлань
 Комиясөс нуодны,
 Коньөръясөс вердны-удны,
 Шуда йөзсө суодны.
 Лооны на кыпид вояс,
 Эска: Зарни Аньным воас!»

19

Нимкодъ муслун восьтыны
 Ас му дінө, ас кыв дінө,
 Дорйыны тшөтш босьтчыны,
 Нэмъяс кезлө шудлун сины.
 Чужан муыд, мед оз вун,
 Козьналө дзоньвидзалун.

Зэръяс шыын, шоръяс шыын.
 Лэбачьяслөн сьылөмын,
 Миян войвыв юяс гыын,
 Парма шувгөм кылөмын.
 Пöльяс казялісны важөн:
 Сьөкыд ас муад и гажа.

1386-өд во Бөркыв пыдди

«Мöскуаса великөй князь Дмитрий Донскöй могмөдіс Стефан Пермскийлысь корөмсö – ыстіс ратникъясöс Новгородса рөзбой вöчысь ушкуйникъяслы паныд. Совдор гөгөртасын пансис тыш. Ратникъяс венісны».

«Вычегодско-Вымскöй летопись» серти.

1

Лөддза-номъя...
 Мөд ногөн – июнь.
 Совдор* гөгөр жөдзöны ушкуйникъяс**,
 Чургөдöны асывланьö чунь:
 Сэн – зыряна,
 Нöшта лун-мөд уйны кө.
 Вылысаныс зелякылө көрт,

* Совдор – öнiя Сольвычегодск.

** Ушкуйникъяс – Новгородысь рөзбойөн прöмышляйтись йөз.

Сьёкыд кийн дзирдыштöны черъясныс.
 Водзсась, парма войтыр, а эн бöрд,
 А то ставсö мырддяласны-перьясны.
 Чернеч Степö*
 Вылын кутö крест.
 Мылышты**, владыко, –
 Йöзыс шуöны.
 Енвевтянь кöть виччысьöны мезд,
 Кабыръяссö топöдöмön жуöны.
 А владыко тöдö ассьыс мог,
 Коми кывйöн велöдöмсö висьталö:
 «Кевмысьöй,
 Эз сибав медым лёк,
 Кристос туйöд олöм чöжныд
 Восьлалöй».

Войтыр эськö сөнйöра,
 Да рам,
 Мый тшöктасны енногсаяс – вöчöны:
 Войпöль вуні,
 Ланьтіс мывкыд Пам,
 Мича Ёма
 Пöри выжив пöчöö.

Наян котыр Комиöдз эз во,
 Вичкоясын юрöбтісны «Отче наш...»
 Чайтісны кö – Енсянь шуда во,
 Вöлöмкö да – князьлөн ми виль вотчина.

Жебмис Пермын Новгородлөн власьт –
 Мöд вын сійöс чорыд киён тракнитіс:
 Таво-ö ушкуйникъясöс тась
 Бергöдісны Мöскуаса ратникъяс.

2

Абу озыр,
 Он и шу, мый гöль,
 Эз нимава ни полысьöн, ни лябөн,
 Вичко кильчö дорын ылыс пöль
 Юрсö жуглö: пырны али абу?..
 Сардмöм кинас ниртö баялбöж:
 Кутшöм помтöм олöм думысь корся?

Велöдöмыс тайö збыль-ö, лёж?
 Ог-ö мыйкö ассьым тадзнад ворссьы?
 Чернеч Степлөн Енмыс вына, дерт,
 Помöдзис и Памным со эз венлась.
 Кыдз нö мый?..
 Но некод шы эз сет.
 Ланьтісны и важся коми енъяс.

* Чернеч Степö – Стефан Пермский.

** Мылышты – сет милöсьт.

Павел Лимеров

Павел Фёдорович Лимеров, главный редактор журнала «Арт», ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН.

Автор около 170 работ, в том числе учебного пособия «Коми несказочная проза» (1998); монографии «Мифология загробного мира» (1998), сборника фольклорных текстов «Му пуксьём – Сотворение мира» (2005), монографии «Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми» (2008), «Войдёр – Когда-то. Мифы, легенды, предания коми народа» (2012), составитель книги стихов Д.В. Фролова «Там, где прежний остался и я...» (2012), составитель книги «Пословицы и поговорки коми народа» (2014).

Пам сотник в коми литературе*

Известный религиовед Ю.В. Гагарин полагал, что к моменту христианизации Коми край находился в сфере влияния Москвы, хотя при этом сохранял номинальную зависимость от Новгорода. Здесь уже были московские чиновники: «тивуни и доводщици и приставниции», на которых опирался Стефан и которым предъявил «охранные грамоты великого князя» (Гагарин, 1978. С.58). Вопрос об «охранных грамотах», о которых говорится у А. Красова, а также и у ряда других авторов XIX века, был дискуссионным уже тогда и вызвал принципиальную критику со стороны Г.С. Лыткина: «Пишут обыкновенно (Четья-Минея, Михайлов, Савваитов, архиепископ Филарет, Шестаков), что Стефан из Москвы от Вел. Кн. взял охранную грамоту, о чем Епифаний разумно умалчивает. Если Стефану и нужна была грамота, то, конечно, ставленная, иерейская» (Лыткин, 1889 (1995) С.46). Для Лыткина наличие охранных грамот как бы переводило миссию Стефана в разряд обычной поездки чиновника-миссионера (Лыткин, 1889 (1995) С.46) в отдалённую московскую провинцию, что не могло соответствовать действительности. Епифаний не упоминает ни о каких княжеских грамотах, в тексте ЖСП говорится, что «взяв с собою мощи святых, антиминсы и прочее потребное, что нужно для освящения святой церкви, и святое миро, и освящённое масло, и иное такого рода необходимое, он (Стефан) пошёл в путь» (Епифаний, 1995. С.81). Между тем, это единственный исторический первоисточник, в котором есть описание подготовки Стефана к отправлению в Пермь. Не обращать внимания на этот список – значит дать волю досужей фантазии, поэтому сам вопрос об «охранных грамотах» следует считать недоказуемым. Конечно, помощь Москвы Стефану была, но это была помощь не политического характера, а духовная поддержка Стефана такими лидерами русского православного движения, как митрополит Алексей, преподобный Сергей Радонежский, митрополиты Пимен и Киприан. По мнению Г.П. Федотова, Стефан, конечно, мог бы заручиться помощью московской администрации, коль скоро она в то время уже была, но это, скорее, скомпрометировало бы успех его проповеди, чем реально по-

* Работа выполнена в рамках проекта фундаментальных научных исследований УрО РАН № 15-13-6-1 «Формирование национальных художественных систем Пермских литератур в социокультурном ландшафте России в конце XIX – первой половине XX вв.

могло (Федотов, 1990. С.134). Поэтому в своём путешествии в Пермь Стефан, скорее всего, был один, или с немногими спутниками.

Что касается самих представителей московской администрации, то о них нам становится известно из эпизода прения Стефана с его идеологическим противником – главным волхвом по имени Пам. Пам ссылается на тяжкие дани и насилия, исходящие от московских «тиунов, доводчиков и приставников», приводя этот факт в качестве аргумента для выражения недоверия проповеди «москвитянина» Стефана (Епифаний, 1995. С.124–125). Других сведений о московских чиновниках в тексте ЖСП вроде бы и нет, но обращает внимание то, что Епифаний называет Пама «сотником». Кроме того, Пам (Пан) назван сотником в «Повести о Стефане Пермском» и в Вымско-Вычегодской летописи. Как правило, исследователи или не берут во внимание факт наличия русского должностного термина рядом с именем пермского волхва, или объясняют это тем, что Епифаний для удобства заменил пермский титульный термин Пама более понятным и близким по смыслу русским (Тираспольский, 1993. Примечание №18. С.148). Однако Епифаний сообщает, что Пам – это «волхв, чародеевый старец, лукавый мечетник, нарочит кудесник, волхвам начальник, обавникам старейшина, отравникам болший ... егоже древле пермяне некрещении чтяху паче всех прочих чаровникъ, наставника и учителя себе нарицающе его, и глаголаху о нем, яко того волшвением управление бытии Пермстей земли» (Епифаний, 1995. С.122). Судя по всему, в руках Пама была сосредоточена как религиозная, так и светская власть языческой Перми, на что справедливо указывал А. Красов (Красов, 1896. С.52–53), но это не одно и то же с содержанием термина «сотник».

Как показывает исследование В.А. Кучкина, должность сотника или сотского в средневековой Руси была сродни наместнической, при этом «тиуны и доводчики» находились у него в подчинении, а поставление на должность сотника зависело от центральной, общерусской власти (Кучкин, 2004. С.80–81). В Перми Вычегодской XV века сотники стояли во главе территориальных объединений вычегжан, удорен и сысолян (Кучкин, 2004. С. 79), как об этом сообщается в жалованной грамоте великого князя Ивана III жителям Перми Вычегодской (1485): «Били мне челом, князю великому Ивану, волостные люди пермяки Перми Вычегодские земли и места вычегжаны, удорены, сысолены сотники Алексей Козак, Кироска Устинов, Сидорка Онкудинов да Сенка Микитин» (Документы, 1956. С. 243). Из содержания этого документа понятно, что волостные территориальные объединения XV века соответствуют выделенным Л.П. Лашуком территориально-племенным объединениям «перми» (вымичей), «вычегжан», «сысоличей» (сыръян), лузских «пермян» XI – XIV вв. (Лашук, 1972. С. 55).

Нет никаких оснований считать, что Епифаний употребляет термин «сотник» будто бы случайно, в качестве русского эквивалента некоему пермскому должностному термину. Должность сотника (или сотников), надо полагать, была установлена в Перми Вычегодской или с 1333 года, когда великий князь Иван Данилович, по сообщению Вымско-Вычегодской летописи, «почал взимати дани с пермские люди» (Документы, 1958. С. 257), или с 1364 года, после того, как великий князь Дмитрий Иванович «взял» Ростов и Устюг «и пермские места устюгские» (Документы, 1958. С. 257). Эта должность, очевидно, унаследованная Северо-Восточной Русью от Золотой Орды вместе с административными должностями десятников и тысячников, была призвана обеспечить местное управление и сбор дани, а также закрепляла за местным насе-

лением статус постоянного податного сословия (см. об этом: Козлова, 1978. С.79). Соответственно, территориально-племенные объединения получили названия «сотен» или волостей, управляемых сотниками, как это видно из вышеприведённого примера жалованной грамоты XV века. Возможно также, что волостные сотники были в подчинении наместника, наиболее авторитетного сотника среди прочих. Таким наместником московского князя в Вычегодской Перми в конце XIV века, судя по всему, и был главный языческий оппонент Стефана Пермского – волхв Пам-сотник. По-видимому, Пам обладал не только гражданским авторитетом, но и религиозным, поскольку, по словам Епифания, «некрещенные пермяне чтили его больше всех других чудотворцев, называя его своим наставником» (Епифаний, 1995. С. 123). Не исключено также, что имя *Пам* является не собственным именем волхва, а нарицательным, обозначающим его звание в социальной стратификации древнекоми общества. На это обращал внимание и А. Красов, считавший, что *пам* – это древний пермский титул, соответствующий княжескому званию с исполнением обязанностей главного жреца (Красов, 1896. С. 52–53). Иными словами, Пам-сотник принадлежал к местной знати, «лутшим людям», из среды которых и назначались местные должностные лица. Можно привести пример многоэтничного Казанского ханства, также унаследовавшего золотоордынскую административную систему с сотной организацией. Как отмечает К.И. Козлова, десятники и сотники (сотные князья) по происхождению принадлежали к чувашской или марийской знати, «старейшинам», в целом же сотная организация «не сложилась сама по себе на марийской и чувашской почве, а была учреждена ханской властью» (Козлова, 1978. С. 86). Точно также Пам не мог присвоить себе звание сотника, и, если уж его так называли, он был именно назначен на эту должность.

Было бы неверно думать, что христианизация проходила безболезненно. Такие судьбоносные для любого народа решения, как выбор веры, всегда происходят на высокой драматической ноте. Епифаний пишет о религиозном расколе, потрясшем пермский народ: «И случилось, что народ разделился на две части: одна сторона называлась “новокрещенные христиане”, а вторая “неверные кумиролужители”. И не было между ними согласия, – только распря; и нет мира у них, только разногласие. И потому кумирники ненавидели христиан и не любили быть с ними едины» (Епифаний 1995. С.107).

Раскол обозначил переломный момент в миссионерской деятельности св. Стефана. С одной стороны, очевидно, что некоторая часть пермян настолько укрепилась в вере, что уже могла открыто противопоставить себя язычникам, с другой стороны, не менее очевидно, что авторитет языческой веры, хотя и был поколеблен, оставался достаточно высоким для основной массы народа Перми. В этой ситуации чаша весов могла качнуться в ту или другую сторону в зависимости от того, какая сторона привела бы более убедительные аргументы своей правоты. Видимо, обе стороны это осознавали, поэтому в сюжете Жития появляются новые формы доказательств правоты каждой из сторон. Эти формы доказательств Епифаний описывает как публичные дискуссии по вопросам веры. Епифаний пишет, что в один из дней к Стефану пришли «некоторые от пермян, суровейшии мужи, невернии человеци, и еще некрещении суще, собравшеся мнози, и от них ови суть волсви, а друзии кудесници, инии же чаротворци и прочии старци их иже стояху за веру свою иза пошлину Пермския земля» (Епифаний 1995. С.105).

Волхвы, кудесники и чаротворцы являются обычными персонажами агиографии, противниками святого. Уже в ранней христианской традиции они представлены как служители сатанинских сил, которые наделяют их «особыми способностями, направленными ко злу» (Лозинский, 1990. С.9). Через этих людей дьявол воздействует на людей, причиняя им физические страдания, голод, неурожай и т.п. (Лозинский, 1990. С.9). Сюжеты с этими персонажами строятся, как правило, вокруг мотива посрамления бесов, управляющих чаротворцем, святым старцем и входят в число явленных этим святым чудес. В случае со Стефаном, речь идёт не о состязании в чудесной силе, а о религиозном диспуте. Предшественник Стефана по миссионерской деятельности Константин-Кирилл участвует в подобных диспутах с «агарянами», иудеями и венецианцами, но эти противники не входят в число язычников, так или иначе, они входят в число народов, чья религия признаётся христианами. Стефан участвует в религиозных диспутах с языческими волхвами, что само по себе необычно. Это те самые «кумирники» или служители святилищ, которые разорял Стефан со своими учениками, поэтому религиозный диспут между этими двумя враждующими сторонами означает, по крайней мере, признание обеими сторонами равных прав на существование обеих религий. Эти публичные диспуты должны решить, какая вера является истинной, а какая – ложной. В этих диспутах Стефан показывает себя настоящим «философом», мудрецом, поскольку умел переспорить всех. «Ибо он, указывая, пересказывал им многие слова святых книг, Ветхого и Нового заветов, и, одолев их, посрамлял» (Епифаний, 1995. С.109). Поскольку языческая религия была посрамлена в диспутах, то и Стефан с большим рвением устремился на «искоренение» кумирниц, сокрушая их где только можно и оставаясь при этом невредимым, «и никакого зла не могли бесы сделать ему» (Епифаний, 1995. С.121).

Наиболее драматичным и кульминационным эпизодом диспутов, как впрочем, и всего Жития Стефана, является спор Стефана с главным языческим волхвом Пермской земли Памом-сотником. Епифаний указывает на многократность споров между Памом и Стефаном: «И многократно они спорили об этом между собой, и не была ровной беседа их, и не было конца их речам: этот тому не покорялся, а тот этому не повиновался, и друг друга они не слушали, и один другого называл неразумным. И не договорившись, они расходились, потому что один свою веру хвалил, а другой свою; тот не принимал предания этого, а другой отвращался от наставлений того» (Епифаний, 1995. С.125). Это значит, что противники, как минимум, знали друг друга, причём, споры их, как о них говорит Епифаний, это споры равных. Если допустить, что Пам – сотник, то есть должностное лицо великого князя, то это не невероятно. Другое дело, мог ли сотник князя выступить публично против миссионера из Москвы? Наверняка мог, поскольку должность сотника была светской и не предполагала обязательной его принадлежности к христианской религии. Не было в правилах русских князей, как, впрочем, и золотоордынских, вникать в вопросы веры своих иноэтнических подданных, поэтому Пам до прихода Стефана исправно выполнял свои обязанности сотника и жреца.

Однако вскоре они сходятся в открытом словесном состязании по вопросам веры при большом стечении народа. Следует отметить, что Епифаний, несмотря на то, что называет Паму «злым волхвом, чародеем кудесником», не вкладывает в его речь глупых или наивных сентенций, чтобы принизить его образ. Напротив, Пам Епифания –

это умный, по-своему образованный человек, достойный противник Стефана. Он ведёт прение в защиту «отеческой веры» вполне достойно, логично аргументируя свою правоту. Его аргументы исходят из того мифологического знания, которое сотни лет определяло мировоззрение пермского народа. Его слова: «В вере, в которой я родился, был воспитан, вырос, жил и состарился, в которой пребыл все дни моей жизни, в ней я и умру», – полны подлинного трагизма, и с ними он обращается к Стефану от имени «всех людей, сущих в этой земле» (Епифаний, 1995. С.143). Прение Стефана в изложении Епифания – это прение книжника, он аргументирует свои доводы обильным цитированием текстов Священного Писания и высказываниями Отцов Церкви. Конечно, ссылки на неизвестные тексты чужого вероучения едва ли были веским доводом для такого апологета язычества, каким являлся Пам¹. Да и «сущих в этой земле» они навряд ли смогли бы убедить. Но времена изменились: если несколькими годами раньше Стефан был в этой стране один «яко овца посреди волкъ», то сейчас Пам вдруг обнаружил, что это он сам остался один и окружён уже *не сущими*, а людьми, отказавшимися от веры своих отцов. Сюжет заканчивается тем, что Пам отказывается от участия в Божьем Суде. После этого пермяне, вождём которых он был ещё не так давно, потребовали у Стефана его казни. Надо отдать должное мудрости и христианскому милосердию Стефана, он не стал предавать Пама казни: «ибо Христос послал меня не бить, но благовествовать» (Епифаний, 1995. С.157) и отпустил его. Рассказ о прении с волхвом заканчивается обращением Стефана к Богу: «Ведь когда волхв ушёл, после многих прений мы обрели покой. От большого утомления и многословия Ты вывел нас к покою» (Епифаний, 1995. С.161).

Нельзя не отметить в Житии Стефана ту роль, которую Епифаний отводит состязаниям с волхвами, и в частности, с Памом. Проблема, на самом деле, является довольно сложной, и, прежде всего, потому, что описанный Епифанием мощный институт «волхвов, кудесников и чаротворцев» с позиций сегодняшнего дня трудно представим. Возможно, мы имеем дело с литературной рецепцией, призванной придать дополнительную весомость труженичеству святого, хотя в исторической достоверности самого образа Пама сомневаться, вроде бы, не приходится. Исторический образ личности Пама подтверждается статьями Вычегодско-Вымской летописи за 1380, 1384, 1392 годы (Документы, 1958. С.258–260). Впрочем, как сообщает А.Н. Власов, статья Летописи за 1380 год частично совпадает с текстом Повести о Стефане, где предстаёт в виде более развёрнутого повествования (Власов, 1996. С.21). В Повести также сообщается о резиденции Пама (Пана-сотника) – это «место именуема Княжь погост» (Повесть, 1996. С.61). По хронологии ЖСП диспут о вере состоялся непосредственно перед посещением Стефаном Москвы с ходатайством о епископе, т.е. зимой 1382 года, поскольку «по Тохтамышевой рати на другую зиму», т.е. зимой 1383 года он был уже поставлен Пермским епископом. Эта дата подтверждается и статьёй Вычегодско-Вымской летописи за 1383 год (Документы, 1958. С.259). Однако в этой же «Летописи» в статье за 1380 год сообщается о вооружённом нападении пермян во главе с Паном-сотником² на Усть-Вымь, где к тому времени только что обосновался Стефан. Поводом для этого первого нападения послужило, по Летописи, крещение в веру первых десяти человек. В целом, Повесть освещает события крещения язычников иначе, чем ЖСП, главным образом,

¹ Ссылку Стефана на бессилие кумиров, которых он вместе с учениками порушил, Пам нейтрализовал аргументом о милосердии древних богов

² В «Летописи» и в «Повести» в имени Пама конечная (м) меняется на (–н)– Пан

из-за включения в текст эпизодов о чудесах, явленных Стефаном. В Летописи в статье за 1392 год сообщается о нападении на Усть-Вымский городок язычников вогул во главе с «окаянным» Пан-сотником (Документы, 1958. С.260). Летописи больше не говорят о Паме, но в XVIII веке его имя снова всплывает в сообщениях путешественников. Так, Г.Г. Георги пишет, что Пам сотник увёл в «суровые северные, около реки Обь, страны» едва ли не половину народа «зырян» и «пермяков», которые в настоящее время уже называются остяками (Георги, 1776. С.66). О том, что Пам с остатками чуди ушёл в сторону Уральских гор, говорят и коми легенды о крещении.

Что касается сочинений уже XIX века, во многом написанных деятелями Церкви и опубликованных к 500-летию христианизации коми народа, то, в отличие от сочинения Епифания, образ Пама в них предстаёт в традиционном апологетическом чёрном окрасе, он этакий злодей, обманывающий свой народ, и противящийся приведению его к истинной вере святым Стефаном. Однако уже в середине XIX века появляется литературное произведение с совершенно иной трактовкой образа Пама сотника. Это неоконченная поэма классика коми литературы И.А. Куратова «Пама».

Об интересе И. Куратова к истории коми и, в частности, к истории христианизации, свидетельствуют его заметки о народе коми (Куратов, 1939. С.248–261). По-видимому, в годы учёбы в семинарии И. Куратов собирался написать большую статью о христианизации коми народа, в которой подробно рассматривались бы исторические и лингвистические аспекты Стефановской миссии. Сохранился план этой статьи и несколько отрывков, из которых видно, насколько серьёзно И. Куратов относился к этой теме. Большое значение в статье уделялось вопросам происхождения народа коми, коми языка, стефановским книгам и разбору лепёхинских отрывков обедни. Оценивая значение событий христианизации, он пишет: «В пустыне зырянской истории, как оазис, являются только события последней четверти XIV столетия, времена Стефана Великопермского и принятия зырянами христианства» (Куратов, 1939. С.250). По мнению поэта, это был наиболее яркий эпизод в истории коми народа, как бы всколыхнувший на некоторое время тихое течение зырянской жизни. Для И. Куратова, как для будущего священника, Стефан Пермский, принёсший на коми землю свет христианства, был без исключения положительным героем. В то же время, его противник, как носитель идеи антихристианства, положительно оцениваться просто не мог. Других интерпретаций деятельности этих героев в то время даже и не могло быть. В сопротивлении Пама он видит тщету и бессмысленность, а в самом факте сопротивления Куратов видит проявление негативных черт последнего пермского жреца: «Пама, грубый шаман, не сумел пройти сквозь огонь и воду с Стефаном, а между тем сам вызвался на этот подвиг, или был вызван на это хвастовством. Он бежал к остякам и вогулам и воздвиг на Пермь отважного Асыку. Умно! О чём он хлопотал? Сначала о том, чтобы зырян не крестили водой, а после о том, чтобы крестили их в их крови. Умные почитатели падающего культа самый вредный народ» (Куратов, 1939. С.261). Пам или, как его называет поэт – Пама, в этих предварительных рассуждениях выглядит как жестокий, неразборчивый в средствах человек, способный пойти на компромисс с врагами, и ради захвата утраченной власти потопить в крови свой же народ. Однако эта точка зрения, традиционная для XIX века, так и не нашла воплощения в поэме.

Отчасти этому способствовал сам сюжет «Слова о Житии Стефана Пермского», в котором Епифаний Премудрый, в определённой мере отступив от агиографической тра-

диции, не даёт волхву Паму сотнику сугубо отрицательной характеристики. Для него Пам не просто язычник-«сыроядец», но и ревнитель отеческой религии пермян, отеческих устоев общественной жизни, древних обычаев, и в этом достойный противник Стефана. Сквозь призму житийных клише («злокозненный волхв», «лукавый мечетник» и т.п.) в описании Пама сотника в сочинении Епифания всё-таки проступает образ глубоко драматический, образ человека, остающегося верным заветам предков, и, может быть, это самое главное – остающегося верным своему народу, хотя сам народ от него отступается. Как видно, именно этот аспект образа Пама становится преобладающим в поэтическом замысле И. Куратова и заставляет его отвлечься от общепринятой точки зрения на язычество в целом.

Размышляя о значении язычества, он называет его «шаманством» и отождествляет с буддизмом. И. Куратов пишет, что шаманство исповедует Китайский двор, «царствующий над 400 миллионами практической китайской нации» и там шаманство является «систематическим учением». В доказательство «серьёзности» шаманства как учения И. Куратов приводит мнения члена китайской миссии отца Иакинфа и ярославского архиепископа Нила, написавшего труд о буддизме. Ссылаясь на этот труд, И. Куратов находит сходство между памами и шаманами религии бурят. И далее, подходит к выводу о том, что идея единого Бога в шаманистской религии остяков и вогулов была разработана «в таких огромных размерах величия и красоты, каких не постигали его евреи» (Куратов, 1939. С.261). По сути, эта апология язычества выглядит странно в записях семинариста, с рождения впитавшего дух православия – если не брать во внимание его работу над поэмой о Стефане Пермском. Образ Памы, как главного и последнего жреца сложной и величественной религии, должен был служить оправданием прошлого коми народа, представлявшегося историку «пустыней».

Действие пьесы, судя по сохранившемуся фрагменту, начинается в Княжпогосте в доме Памы. Пама обуреваем предчувствиями, он видит сны, которые предвещают несчастье, однако есть ещё надежда, что молитвы, обращённые к богу Войпелю, помогут. Однако рассказ шамана из Пыраса, куда уже пришёл Стефан, чтобы разбить кумирницы Войпеля и обратить людей в новую веру, не оставляет надежд. Пырасский шаман говорит, что Войпель отвернулся от людей Пыраса и не принимает их молитв. Пам понимает, что за Стефаном стоит московский князь Дмитрий, и противостоять ему коми народ не может: «Покорным коми людям всегда // было страшно видеть человеческую кровь. // Безгрешные мы: даже дать человеку щелчок // Рука коми человека не сможет подняться! // Понял русский, где тепло, // И быстро пришёл к нам». Пам сомневается, кто лучше, московский князь или татарин из Сарая, но не сомневается, что Стефан принёс для коми народа «новые силы». Окружение Памы полно решимости сопротивляться, но вот в дом Памы входит ещё одно действующее лицо – шаман из Туглима, села, где уже побывал Стефан. То, что говорит туглимский шаман, в корне отличается от слов шамана из Пыраса. Уже с первых слов выясняется, что туглимский шаман обращён. При этом он показан И. Куратовым не как христианин, а как человек, прежде всего предавший свой народ. Причиной принятия христианства для туглимского шамана является не вера в истинного Бога, а слабость самого коми народа: «Что уж обманывать, // Братья, нам с вами друг друга? // Слишком низко упал коми народ ... // Видно, так предопределено родиться, подняться // Народу, а затем свою землю // Отдать другим народам!...». Далее он добавляет: «Знаешь, время паде-

ния пришло коми народу ... // Не сможет он набраться новых сил... // Чтобы поднять-ся; так не может поднять // опущенные ветви и упавшие жёлтые листья // осенняя берёза...». Туглимский шаман уверен, что коми народ слаб, что его участь – отдать свою землю другим, чужакам, слиться с ними, стать как они, забыв свою веру и своих предков. Для туглимского шамана вопрос перемены веры – это, скорее, вопрос политики, а не духовности, его готовность принять новую религию вызвана не искренним пониманием христианства, как веры в истинного Бога, а тем, что за этим Богом стоит сила Москвы. А. Федорова видела в точке зрения этого персонажа «объективную оценку событий... осознание бесполезности борьбы таких одиночек, как Пама, против новых форм жизни» [18: 73]. Однако, И. Куратов как раз всецело на стороне Памы. Более глубокое проникновение в суть событий XIV века заставило его окончательно отказаться от образа Памы как «грубого шамана», последователя «падающего культа». Пама И. Куратова – это провидец, которому открыто настоящее положение дел. Истина страшна: в своём первом сне он видит преследующего его разъярённого демона, указывающего на него перстом, в третьем сне он видит князя Дмитрия, который приказывает связать его, а затем заставляет его петь и плясать. Демон и князь Дмитрий в снах Памы тождественны, участь Памы в вещем сновидении – это будущая участь коми народа, и Пама не желает такой участи для него, но и противостоять силе Москвы он тоже не может. Таким образом, вопрос христианизации коми народа для И. Куратова-семинариста имел, прежде всего, политическую подоплеку. Принятие христианства оказывалось не свободным волеизъявлением коми народа, а вынужденной акцией под силовым давлением Москвы. Кроме того, выявилась проблема, трагедийность которой И. Куратов обозначил образом туглимского шамана-отступника: если христианство – это истина, то почему путь к истине лежит через предательство? Эта проблема, очевидно, является ключевой для коми-зырянского менталитета, она отражена и в фольклоре в виде легенд о самопогребении чуди – языческих предков, не принявших крещения. Места, где некогда чудь заживо похоронила себя, обрушив на себя своды своих земляночных жилищ, до сих пор известны как чуд гу «чудские могилы». Компенсация вины перед языческими предками некогда выражалась в почитании чудских могил и в последовательных поминовениях чуди. В современной литературе этой проблеме посвятил свои романы Г.А. Юшков, увидевший в том давнем, первом отступничестве комплекс вины коми людей перед предками и причину современного разрушения коми этноса (Лимеров, 2008. С. 342–349).

Наверное, И. Куратов понимал безысходность такого подхода к теме христианизации коми народа, поэтому в семинаристские годы и даже позднее поэма не могла быть завершена. Видимо, он искал компромиссное решение, которое сняло бы напряжённость неизбежно возникающей проблемы отступничества коми народа от религии предков и оправдало бы факт принятия христианской веры. Среди рукописей И. Куратова есть стихотворение на русском языке белым стихом, озаглавленное поэтом «Молитва Памы» (в сборнике – «Монолог Памы»). Е.С. Гуляев датирует этот фрагмент 1868–69 годом, т.е. временем начала службы в Туркестане. Стихотворение представляет собой монолог от лица Памы, обращённый к Войпелю. Пама спрашивает своего бога, кто из них прав, Стефан или он, Пама, при том, что сам он никогда не изменял древним «преданиям», любил свой народ и правду, оберегал его от чужеземной власти, но теперь Стефан обличает его во лжи, и ему верят, поскольку Стефан «слишком

овладел умами, чтобы не верить его добрым намерениям». Пама спрашивает Войпеля, что, быть может, они оба, «при всех своих добрых целях», ошибаются. И. Куратов не даёт однозначных оценок ни тому, ни другому своему герою, однако симпатии его на стороне Памы, который, в отличие от Стефана ещё и великодушен и молит Войпеля о том, чтобы тот оставался добрым к народу, несмотря на то, что их умами овладел Стефан.

После текста монолога в рукописи следует прозаический отрывок, представляющий собой описание характера Памы и возможного ответа ему Войпеля: «Пама – человек крайне добрый, критически относящийся к себе и придающий себе подобающую цену; он несколько мистик, но не потому, что мало даровит, но потому, что слишком уединил свою особу при значительном уме. Лицо его в моей пьесе: все свои пороки, к которым он относится критически, выявляются сном, как это бывает у таких людей. В легендарном рассказе тут действует натура в лице Войпеля, доброго и критического бога. Он дело решит тем, что им, богам, бог не поможет; Стефан выбран своим богом хорошо, как ты, Пама, в своё время был также хорошо выбран. Я, Войпель, не знаю намерений своего бога, потому что у всех богов есть свой бог, и это идёт математически. У высшего знакомого нами бога есть бог, непонятный ни на йоту. Речь Войпеля должна закончиться благородно, со всем знанием движения умов» (Гуляев, 1979. С. 567). Раскрываемая здесь концепция развития сюжета поэмы близка идеям романтизма, если рассматривать романтизм как своеобразную форму «мистического сознания», свойственную эпохе (Жирмунский, 1996. С.6). В этой романтической концепции И. Куратова тема противостояния Стефана и Памы в связи христианизацией коми народа в определённый момент из исторического плана раздвигается до уровня космической идеи, соотносящей судьбу коми народа с жизнью вселенной.

Как романтический герой, Пама – мистик, которому раскрыты божественные тайны, недоступные остальному народу, – он связан с высшим миром через Войпеля, верховного бога коми народа. Именно Войпель раскрывает Паме истинное положение вещей: трагедия Памы, причина его поражения скрыта в высшем божественном решении, не подвластном человеческому обсуждению. Войпель рисует грандиозную картину мироздания, по мысли И. Куратова соответствующую языческой космогонии коми. В этой космогонии вселенная состоит из множества сфер-небес, каждая из которых принадлежит определённому божеству. Сферы располагаются друг над другом, составляя иерархическую систему, в которой каждое последующее божество подчинено предыдущему, а вся система восходит к некоему высшему божеству, имя и происхождение которого неизвестно, как неизвестны и непонятны принципы управления им вселенной. Причём, Войпелю самому непонятны даже и те принципы, которыми руководствуется божество, находящееся иерархически выше его, не говоря уже о более высоких сферах. Сам Войпель, видимо, находится на самом низком небе над землёй людей, поскольку в его подчинении находятся люди, и, в частности, Пама, которого, как своего служителя, он выбрал когда-то сам. Переход от религии Войпеля к христианству происходит не как движение к истинной вере через отрицание язычества, а как перемещение колеса вселенской иерархии, вследствие которого Войпель как бы отходит в тень, давая место христианскому Богу. Поэтому Войпель не может ничем помочь своему Паме, как не может помочь Войпелю и находящееся иерархически выше него божество. В такой глобальной вселенской системе христианство Сте-

фана и язычество Памы оказываются приравненными друг другу, как бы еретически это ни выглядело. Всё дело лишь в независимой от желаний и пристрастий людей и богов предопределённости, исходящей от волеизъявления неизъяснимого высшего Бога. Колесо может повернуться в любую сторону и неизвестно, какая вера покажется истинной в следующий момент.

Очевидно, что по первоначальному замыслу главным героем поэмы должен был стать Стефан Пермский, принёсший коми народу свет христианства. И. Куратов не мог не знать легенду о происхождении Стефана от коми женщины, поэтому Стефан мог претендовать и на статус национального героя, посвятившего свою жизнь спасению своего народа для жизни вечной. Однако, по мере работы над произведением, на первый план выдвигается противник Стефана, главный Пермский шаман Пама, который остаётся верен своему долгу, предпочтя изгнание, но не предательство веры и обычаев отцов. Обращает внимание то, что И. Куратов всё же несколько изменил имя волхва: если у Епифания он носит имя Пам сотник, то в поэме он назван Пама – изменение несущественное, но оно дистанцирует героя поэмы от Епифаниевского образа и, в то же время указывает на него. Таким образом, совершенно неожиданно для самого И. Куратова, носителем лучших черт коми национального характера оказывается язычник Пам сотник, которого Епифаний Премудрый называет «закоренелый волхв». Привлекательность образа Памы как национального героя, в первую очередь, обусловлена тем, что за ним стоит тайна исторического прошлого коми народа, ассоциирующегося с архетипом Золотого века, когда, как утверждает старый волхв-сотник в сочинении Епифания – многие боги были милосердны и давали людям в избытке всякого улова, всего, что было в лесах, в водах и воздухе, а вести из дальних стран мгновенно достигали пермских пределов (Епифаний, 1996. С.138–139). В этом смысле символическое местоположение Пама определяется границей Золотого века: это единственный подтверждаемый средневековыми письменными источниками образ достефановской истории коми народа, поэтому ему приписывается знание неких тайн, в своё время открытых волхвам древними богами. По замыслу И. Куратова, Пама посвящён в тайны вселенского миропорядка, он знает, что время древних коми богов ушло, и что по воле высшего бога наступает новая эпоха, но признать и принять её – значит отрешиться от бесконечно дорогого ему мира, освящённого памятью предков, а этого он не может сделать. Пама вступает в конфликт не только с христианством, которое несёт Стефан, но и с волей своих, языческих богов, а также и с волей своего народа, принимающего новую веру. В этом трагизм Памы, который в своём противостоянии новому мироустройству обречён на тотальное одиночество и вечное осуждение.

Таким образом, И.А. Куратов, задумав поэму о Стефане Пермском и крещении коми народа, обратился к Житию Стефана Пермского Епифания как к основному источнику исторических сведений. Однако по мере осмысления событий крещения, фактуры материалов для обрисовки образов основных героев-противников – Стефана Пермского и Пама – Куратов воспроизвёл в поэме не житийный, а народный взгляд на христианизацию, причём, той части народа, которая христианизацию не поддерживала. Эта иная, неепифаниевская точка зрения на крещение, предполагала главным героем произведения не Стефана Пермского, а его противника, Пама сотника, и была на то время абсолютно новаторской. В сущности, интерпретация событий крещения с

точки зрения Пама переводила сюжет поэмы на иной концептуальный уровень, и это был уровень национальной литературы со своей особой аксиологией и философией¹.

Эстафету нового осмысления образа Пама принял Каллистрат Жаков в своём дебютном сочинении «На Север, в поисках за Памом Бурмормом» (1903). Его Пам сотник – это суровый язычник, готовый поднять на борьбу против распространяющегося христианства народы Сибири. Но его сын отвергает путь насилия, противопоставляя ему путь приращения нового Знания, которое и есть, по сути, Знание Истины, Бога. Вместе с тем, литературный опыт К.Ф. Жакова показал, что христианизация коми народа – это концептуальная граница между его языческим Золотым веком и современной историей. В этом смысле Пам сотник оказывается единственным известным деятелем истории коми народа, который оказался (или высветился) на переломе эпох, вместе с ним уходит в небытие языческое прошлое, но вместе с ним уходит и тайна этого прошлого, тайна, в которой возможно скрыты знания ушедших тысячелетий.

В дальнейшем, образ Пама возникает в поэмах М.Н. Лебедева, но это уже отсылка к фольклорной традиции, здесь нет трагического напряжения эпохи конца XIV века, это фольклорный сюжет, в котором Стефан и Пам предстают как почти равные по силе маги. После идеологического перерыва в советский период истории тема христианизации возвращается в коми литературу в конце 1980-х – 1990-х гг., и связана с именами Г.А. Юшкова, О.И. Уляшева, Ю.А. Екишева, В.В. Тимина и др. В литературном освоении этой темы современные коми писатели развивают разные направления: если Ю.А. Екишев как бы продолжает линию Епифания Премудрого, и его Пам всё так же традиционно выглядит как «лукавый мечетник», то в произведениях Г.А. Юшкова, О.И. Уляшева получает развитие иная точка зрения, во многом продолжающая линию Жакова и Куратова.

В своё время И.А. Куратов в своей поэме вплотную подошёл к вопросу о том, почему путь к истинной вере лежит через предательство веры и обычаев отцов, и не смог на него ответить. Для Г.А. Юшкова тема отказа от духовного наследия предков, с трагической силой прозвучавшая в романе «Родовой знак», стала лейтмотивом романа «Бива», публиковавшегося на страницах журнала «Войвыв кодзув» в 1996 и 1999 гг. «Бива» – роман исторический, он написан об эпохе XIV века, о последних десятилетиях перед приходом на Коми землю её крестителя – св. Стефана Пермского и заканчивается событиями христианизации коми народа. Знаменательно, что первая часть романа вышла в 1996 году, когда верующие всей России отмечали 600-летие со дня кончины св. Стефана Пермского. К этой дате был приурочен и выход книги «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом» в переводе со старославянского Г.М. Прохорова². Таким образом, в одном культурном пространстве встретились две совершенно разные точки зрения на одни и те же исторические события. Героями обоих произведений являются Стефан Пермский и Пам, волхв и властитель Коми земли (Перми). Однако если житие строится как апология деятельности Стефана Пермского, то сюжет романа «Бива» строится вокруг образа

¹ Лимеров П.Ф. Неоконченная поэма-пьеса И.А. Куратова «Пама»: на пути к национальному герою // Литература Урала: история и современность: сб. статей. Вып. 6: Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть. Екатеринбург, 2011. С. 105–109.

² Епифаний Премудрый. Преподобного в священноиноках отца нашего Епифания Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом. // Святитель Стефан Пермский / Ред. Г.М. Прохоров. СПб., 1995.

Пама, хотя главным действующим лицом произведения и является Бияр, охотник, кузнец и воин, один из немногих, сумевших найти в себе силы, чтобы не стать вероотступником. Бияр – фигура трагическая, убегая из Югдина (Устюга), захваченного москвитянами в Емдин, к Паму, он чётко представляет, что Москва придёт и сюда, этот момент не за горами, и, скорее всего, коми не сумеют противостоять дружинникам. Понимает это и Пам, но оба прилагают усилия, чтобы отдалить этот момент. Задача непосильная, если учесть отсутствие единого государственного начала у коми народа. Бияр по поручениям Пама совершает поездки в разные области Коми края, ведёт переговоры или ссорится с местными князьями, которые не собираются оказывать противодействие Москве, ставя под удар жизни своих подданных. Схватки и не происходит. Бияр надеется на сражение, полагая, что пролитая кровь пробудит коми к сопротивлению, но прибывший в Емдин Сэпэ (Стефан) всячески избегает кровопролития, он приказывает дружинникам не вступать в сражение, поскольку христианский Бог «не желает крови». Пам – надеявшийся победить Сэпэ в диспуте о вере, потерпел поражение, хотя его доводы и были убедительными. Главным аргументом Сэпэ был хлеб, привезённый им из Югдина, и обещание бесплатно раздать его всем новокрещённым. И люди отвернулись от Пама, от своей веры, лишь бы получить дармовую «пайку». Этот эпизод, удивительно наивный для смысловых контекстов романа, но недвусмысленно убеждающий читателя в том, что все нынешние беды коми народа от этого первого предательства, что настоящие люди, вроде Бияра, Уны – были вынуждены стать чудью и умереть под землёй, а их дети приняли сторону предателей и отступников, таких как Камар, Матэ. Г. Юшков ставит перед читателем непростой вопрос: имеет ли право на существование народ, если его естественно-исторический отбор был всегда в пользу отступников? Однозначного ответа на этот вопрос нет, как говорит сам Г. Юшков: «Историю отрицать бессмысленно, важно понять, какими мы стали в результате этой истории». Писатель ставит диагноз обществу, а общество должно само решать, каким образом излечиваться.

Событием для коми литературы стала вышедшая недавно книга О.И. Уляшева «Из-ланы зыран, зарни зыран», включающая и небольшую повесть «Пан туй» (Путь Пана). Повесть – неточное жанровое определение. Сам автор характеризует жанр заведомо неточно: «Кому рассказ, а кому и сказка». Можно сказать и так, но на наш взгляд текст повести выглядит как эпическое повествование. Если коми фольклор, в том числе и легенды о христианизации коми – это фольклор христианский, а в легендах представлен именно христианский взгляд на события крещения, то сочинение О. Уляшева – это словно бы эпос чуди, – тех коми людей, которые не приняли христианства и ушли с Памом. Особо хочется отметить историзм повести: автор предлагает реконструкцию социального устройства общества коми-пермян XIV века, и это ему удаётся как никому до него. О. Уляшев не понаслышке знает охотничье-родовой быт, поскольку немало лет совершал экспедиционные поездки к обским уграм, которые во многом сохранили ту самую охотничью культуру, которая была и у коми XIV века. Повесть, как и сама книга в целом, требует отдельного рассмотрения, но не в рамках этой статьи.

Таким образом, для коми литературы обращение к языческой составляющей темы христианизации показало со всей очевидностью, что в интеллектуальной среде коми народа существует иное понимание прошлого, отличное от его официальной интерпретации. Со всей наглядностью оно проявилось в творчестве ряда коми писателей

конца XX – нач. XXI вв., отразивших взгляды коми интеллигенции, видевшей в языческом прошлом бытие «чистой» этнической и культурной идентичности, разрушенной христианизацией. С этой точки зрения привлекательность образа Пама как национального героя обусловлена тем, что за ним стоит тайна исторического прошлого коми народа, а обращение к ней – не что иное, как отражение поиска коми интеллектуальной элитой утраченной культурной памяти.

Литература:

1. Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М: «Наука», 1978.
2. Георги И.Г. 1776. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч.1. СПб.
3. Гуляев Е.С. Комментарии // Куратов И.А. Менам муза. Сыктывкар, 1979. С.556.
4. Документы по истории Коми (Публ. П.Г. Доронина) // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4.
5. Епифаний Премудрый. Преподобного в священноиноках отца нашего Епифания Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом. // Святитель Стефан Пермский / Ред. Г.М. Прохоров. СПб., 1995.
6. Жаков К.Ф. На север, в поисках за Памом Бурмортом. СПб, 1905.
7. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб, 1996.
8. Козлова К.И. Очерки истории марийского народа. М.: Изд-во Московского университета. 1978.
9. Красов А. Зыряне и св. Стефан, епископ Пермский. СПб., 1896.
10. Куратов И.А. «Менам муза» / Сост., предисловие и комментарии Е.С. Гуляева. Сыктывкар, 1979.
11. Кучкин В.А. Сотские в жалованных грамотах XV – начала XVI века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. №2. 2004.
12. Лимеров П.Ф. Романы Г.А. Юшкова // Литературы Урала: история и современность. Выпуск 4. Локальные тексты и типы региональных нарративов. Екатеринбург, 2008.
13. Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб. 1889. (1996).
14. Повесть о Стефане Пермском // История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы / Отв. ред. А.Н. Власов. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского государственного университета. 1996.
15. Тираспольский Г.И. Примечания // Епифаний Премудрый. Житие Стефана Пермского. Сыктывкар, 1993.
16. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990.
17. Федорова А.Н. И.А. Куратов. Очерк жизни и творчества. Сыктывкар, 1975.

Проза. Поэзия.

Владимир Сулимов

Владимир Александрович Сулимов, родился в 1952 году во Львове. Учился на филологическом факультете Львовского государственного университета им. Ивана Франко, преподавал русский язык и литературу в школе и вузе. В 1988 году закончил аспирантуру Института русского языка имени А.С. Пушкина (Москва) и защитил кандидатскую диссертацию. С 1993 года живёт и работает в Сыктывкаре. В настоящее время Владимир Сулимов – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, автор более 100 научных работ, в том числе – 5 монографий, специалист в области семиотики текста, социальной и культурной антропологии.

Замкнутый круг

повесть

1.

Был столь ранний час, что туман не успел подняться с городских улиц. Прохладный воздух тихо шевелил листья лип и каштанов, забирался под одежду одиноких прохожих, шелестел полусорванными афишами. Ступин любил это время. По скрипучей лестнице он спускался со второго этажа на улицу, зябко ёжился и шёл в сторону парка. Там, на занавешенной туманом тёмной аллее, он вынимал из пачки сигарету и жадно закуривал. Выпустив невидимый в тумане дымок, он направлялся к самым дальним аллеям, ориентируясь только по своим шагам да по стуку и скрипу первого утреннего трамвая, который, позванивая, осторожно пробирался по узким проходам между высокими серыми домами.

На мощёных брусчаткой кривых улочках старинного Города Ступин ориентировался с закрытыми глазами. Он проходил его в любом направлении по самому короткому пути, используя знакомые с

детства проходные дворы, срезая дорогу через многочисленные скверы и парки. Он видел Город каким-то внутренним видением, населяя его то нечёткими и неуловимыми для памяти ассоциациями, то образами людей, давно умерших и похороненных на знаменитом на весь мир Лычаковском кладбище, то тенями прошлого, незримо гуляющими по Академическому бульвару. Для него окаменевшая история города с ратушей и рыночной площадью, ренессансными и барочными зданиями, итальянскими двориками и стремительно уходящими вверх шпилями костёлов не была чем-то внешним, оторванным от внутренней повседневности, выученным или услышанным. Всё это было им глубоко и лично пережито, представлено в цветных говорящих картинах, передумано во время многочасовых, иногда – казалось – бесцельных блужданий по улицам Города. Он чувствовал Город особым глубоко расположенным нервом, который позволял безошибочно определять мысли людей, стоящих на трамвайных оста-

новках и пьющих кофе в маленьких (на три-четыре столика) кофейнях. Он ВСЕГДА КАК БЫ ЗНАЛ ЭТИХ ЛЮДЕЙ, и они ВСЕГДА КАК БЫ ЗНАЛИ ЕГО, хотя Город был большой, и такое всеобщее знание вряд ли было возможно.

Постепенно туман поднимался вверх, уступая место необыкновенно солнечному июньскому утру, и Ступин, определив время около восьми, решительно пересёк площадь и направился в сторону большой старой гостиницы, украшенной по фронтому лепными фигурами атлантов, поддерживающими длинный балкон. На первом этаже этого здания, сбоку, была расположена небольшая кофейня. Эта кофейня была особенно популярна у той части городской творческой интеллигенции, которая привыкла рано вставать и сразу, по давнему обычаю здешней интеллигенции, искать сочувственного общения.

Когда Ступин вошёл в кофейню, наполненную запахом хорошо сваренного кофе, он сразу приметил за столиком в углу знакомую чуть сутулую фигуру. Ступин вежливо поздоровался с обильно украшенным благородной сединой барменом, взял чашку кофе и направился в дальний угол кофейни.

– Привет! – коротко сказал Ступин, пожимая протянутую руку.

– Ну как?

– Да так, неказисто всё. Они помолчали.

– Слушай, Владислав, – сказал сутулый и почесал окладистую бороду. Мы должны это сделать. Никто этого не сделает, кроме нас. Здесь скоро будет другой мир – чужой. Надо сохранить нашу культуру. Надо. Понимаешь? Она всегда здесь была, всегда, даже когда нас ещё в проекте не было.

«Откуда ты знаешь, что здесь было», – подумал Ступин, а вслух сказал: «Конечно,

надо, всенепременно надо».

Сутулым бородатым человеком был Евгений Бодров – русский писатель на украинском писательском хлебе, фигура не так известная в Городе, как ХОТЕВШАЯ ПРОСЛЫТЬ известной. Кое-что на пути к известности ему всё же удавалось: то публичным выступлением, то лёгким скандалом (как в случае с театральным изгнанием из Русского Общества его, Ступина, предшественника), то политической акцией типа марша десяти пенсионеров под национальным русским флагом. «Господи, кто такой Бодров? Как он взялся в моей биографии, – думал Ступин, – не могу понять. Бывший геолог, человек в Городе по своей внутренней сути приезжий – на украинском языке не говорит, национальной психологии не понимает и понимать не хочет. Кто он? Литератор? Литератор, только что там с творчеством? Что-то не видно... творчества, – внутренне рассмеялся Ступин. – Впрочем кое-что видно, вот творчества – нет».

– Евгений Сергеич, вы знаете моё отношение, всё, что надо для культуры – пожалуйста, но меньше политики, ради бога. Это бесперспективно, бессмысленно. Политикой мы всех подставим. Там, я думаю, – Ступин указал наверх, – всё давно решено. Без нас.

– Не решено, Владислав, пока не решено. Мы должны создать условия для спокойного перехода, цивилизованного развода, так сказать. Без эксцессов, но твёрдо: права национальных меньшинств – вот лозунг. Подумай, в городе минимум двести тысяч русских, двести тысяч, и им всем нужны в эти тяжёлые, смутные времена гражданские права. «Бодров в пафосные минуты бывает убедителен, – подумал Ступин, – был бы он другим человеком да в других обстоятельствах – стал бы оратором, мессией, повёл бы за собой. Времечко не то, обстоятельства не

те, да и люди, в общем, не те. Двести тысяч русских по паспорту, а готовы стать меньшинством, легонечко готовы. Все только внешне, все внешне».

Ступин отхлебнул из чашки остывающий кофе, посмотрел в окно. Была половина девятого. Народ с озабоченным видом стремился по делам: кто на службу, кто на нужную встречу. «То, что мы обсуждаем, никому не интересно, – продолжал думать Ступин, – ни им, ни... (он хотел подумать – нам, но остановился)». Ступин помнил вчерашний разговор с довольно состоятельным приятелем – русским по национальности и даже, в общем и целом, – по воспитанию. Он сказал Ступину, поигрывая мельхиоровой ложечкой в тонких длинных пальцах с аккуратно подстриженными ногтями: «Я ваше, Владик, Общество с его политикой цивилизованного импотентства на базе общего и братского с хохляндией сала в гробу видал. И без всяких тапочек. А бабки свои я не выведу ни сюда, ни в совдеповскую Россию». Ступин тут же представил, куда этот джентльмен «выведет бабки»: довольно сильная струйка из молодых и состоятельных горожан потянулась на Запад – благо в «границе на замке» оказались пробиты серьёзные бреши.

– Хорошо, Евгений Сергеевич. Вы знаете, я всегда поддерживаю. Если надо. – Ступин помолчал и добавил, – если это принципиально.

– Это принципиально, Владислав, это очень принципиально. Надеюсь, ты будешь сегодня на Президиуме?

– Буду. У меня два урока, потом совещание, а к четырём буду. Ну, пока, до вечера.

Ступин вышел из кафе, повернул направо и сразу смешался с утренней толпой. Он не видел, как из окна вслед ему долго глядел, почёсывая бороду, Бодров. И хмурился. Пока всё ещё шло хорошо.

Президиум Русского культурного Общества начался, как всегда, позже назначенного срока в маленьком зале областного общества культуры, осуществлявшего непосредственный надзор над всеми национально-культурными обществами Прикарпатья, созданными ещё по горбачёвскому постановлению для организации «национально-культурного возрождения» во всех республиках СССР и «укрепления дружбы народов». Но благими намерениями известно, что устелено. В Городе, как и в Прибалтике или в Закарпатье, это в целом благое начинание привело к фактической легализации националистических движений, начавших свою деятельность как раз не с укрепления дружбы народов, а с противоположного – пропаганды идей национальной нетерпимости и методов насильственного решения политических проблем (читай – вопроса о власти). Эта национально ориентированная амбициозность политиков нашла своё эмоциональное выражение в знаменитом принципе начала 90-х годов, применённом новой национальной политической элитой для решения «русской проблемы» ближнего зарубежья «Чемодан – вокзал – Россия». Именно эта амбициозность да жажда быстрой наживы на приватизируемом властью бывшем «общем» имуществе (как понимал это дело Ступин), а не какие-то там «объективные политические и экономические причины», о которых бодро вращали многочисленные политологи из бывших компартийных просвещенцев, стала главной причиной распада общего государства, выдвижения взаимных претензий, выросших из оскорблённых самолюбий и началом вызревания в дальнейшем ещё более крупного и опасного нарыва.

Маленький зал областного общества культуры, в котором собирался Президиум, не был в стороне от национально-

культурной практики: на бурном митинговом собрании в результате исключительно тонкого и непрочного компромисса зал был поделён между всеми зарегистрированными культурными обществами, при этом «россиянам» достался четверг – не так чтобы удобный день, но всё же лучше, чем понедельник, доставшийся полякам. По четвергам в шесть вечера назначался президиум или, как говорил Бодров, всегда добавлявший интонацией значимости этой группе довольно случайно собравшихся людей, так что получалось бы на письме с большой буквы – соби́рался Президиум. На него часто являлись с опозданием или вообще не являлись, главным образом, те члены, которые считали себя стоящими на более высоких ступенях общественной лестницы. Особенно это касалось «экономического блока», куда в надежде на общественную поддержку, перспективу собственного здания, о котором много говорил Бодров, в надежде на какие-нибудь фискальные послабления со стороны органов власти записалось несколько предпринимателей под своими гордыми коллективными именами «Союз промышленников Города» и ООО «Зенит».

От «правильных» центровых пацанов, которых он знал ещё со времён дворового футбола, Ступин не раз слышал имена «общественных» предпринимателей наряду с рассказами о бандах, крышах и сходняках, но (чего не сделаешь для общего дела) внутренне мирился с этим обстоятельством ввиду полной безвыходности ситуации.

В этот раз день Русского Общества начинался как всегда: доцент Лесного института Сергеев о чём-то спорил с Бодровым, а невысокого роста господин с круглым розовым лицом и тонкими усиками – Семёнов, работавший простым клерком в горисполкоме, поддакивал горячо

и искренне, прижимая пухлые ручки к груди. Правда, по его интонации и жестам было непонятно, кому он поддакивает, так что оба споривших могли бы принять это поддакивание на свой счёт.

– Мы общество культуры, – говорил Бодров привычным поучающим тоном, – и потому наша позиция по каждому вопросу должна быть ориентирована именно на культуру. Да. Но культура – это тоже политика, поэтому мы должны участвовать в политике, но только тогда, – он поднял указательный палец вверх, – когда мы не вправе не участвовать.

– Какая наша позиция по большинству вопросов, вот именно – я никак не пойму, – горячился Сергеев. – Вчера наша власть опять говорила о необходимости все учебные заведения перевести на украинский язык, я слышал по местному телевидению. А где же наша позиция?

– Наша позиция была выражена Президиумом (при слове «Президиум» Бодров поднял указательный палец вверх) в своём письме (Бодров порылся в большой канцелярской папке на столе). Вот именно, прошу убедиться, письмо от... от... неважно, какого числа, здесь неразборчиво, надо в другой папке посмотреть, там чистовик. Вы помните, конечно, вот и Ступин не даст соврать (Бодров как-то особенно произносил слово Ступин – через два звука «с»). Всё это было, причём, знаете, уже есть результат – и Брегин не против, и Колынец (Бодров, не говоривший по-украински вообще, произносил только несколько слов с местным украинским прононсом, одно из них было фамилией руководящего лица РУХа, отвечавшего за идеологию и образование – «Колынец»). Знаете, мы должны сами соответствовать, так сказать, Драпченко волнуется, что директора могут не понять, знаете ли.

– Вот именно, могут не понять, не поверить даже. В, гм, намерения, – засуетился

Семёнов, потирая пухлые ручки. – Я был недавно на Закарпатье, там Общество русской культуры как-то, знаете, меньше высовывается, а толку больше: даже русскую гимназию открыли, выпустили учебник истории, ну, конечно, с учётом нового времени. Вот Драпченко и говорит о практической, так сказать, пользе Общества...

Сергеев вспыхнул:

– Драпченко говорит. Что этот несостоявшийся партработник понимает в образовательной политике? С учётом «нового времени», любезный, в школе будут изучать исключительно про «клятых москалив». И ничего из этого «времени» вам не приспособить для русской идеи и русской культуры. Вон в «Вестях РУХа» написано, причём, заметьте любезный, в колонке редактора, что никакой русской нации нет, а есть некоторая масса народа, состоящая из мордвы, черемисов и татарвы косопузой. А Россия и русские – это мифы, созданные Сталиным для борьбы против свободных наций Европы. Каково?

– Знаете, – некстати вмешался Воронов, председатель двух оккультных и одного рериховского общества, – знаете, в происхождении русских есть загадка, и не одна. Об этом, в частности, писали и Достоевский, и Бердяев («и Чехов, и Толстой, – подумал Ступин, – «перечисли-ка всех, кого ты знаешь»). И в картинах Рериха, я, господа, имею в виду Николая Рериха – старшего, та же загадка: смотрите – чуждый мир Азии, Гималаи, а какое мощное проникновение архетипов, какая суггестия!

Сергеев просто подскочил.

– Архетипы, – заорал он, – причём здесь архетипы, когда русскую интеллигенцию перестали уважать. После войны, я хорошо это помню, буквально на цыпочках перед профессорами и доцентами из Питера и Москвы ходили, в рот заглядыва-

ли, а теперь: «Москали нам не потрибни». Выучили на свою голову. Вон в мединституте сидят – переводят все учебники на украинську мову и одновременно новые слова в словарь добавляют, потому что таких слов на украинском нет.

– Вы их не любите, – с классическим прищуром и усмешкой вставил Бодров и встряхнул бородой, – а хотите, чтобы они вас любили и уважали. Мы не против движения украинской интеллигенции за освобождение от тоталитарного советского режима, мы всегда поддерживали их справедливые национально-культурные требования, мы лишь за то (Бодров снова поднял указательный палец вверх), чтобы все национальности получили права на собственную культуру: и русские, и немцы, и евреи, и поляки.

– Ну, о немцах и евреях печалиться не будем, – вступил в разговор Ступин, – да и поляки сами разберутся. Там Штаты, НАТО и баксы. А вот позаботиться о наших детях некому. Вот посмотрите, – Ступину удалось перевести разговор на себя, и спорящие замолкли, – с одной стороны, здесь не Россия, и Россия будет здесь не скоро (Ступин намеренно говорил «не скоро», а не «не будет никогда», потому что имел по этому поводу свои резоны), и не учить украинский язык русским детям – нельзя – они останутся вне общественной перспективы. Ступин говорил твёрдо и внушительно, и никто его не смел перебивать – это было многолетнее наблюдение – такая внушительность достигалась Ступиным тогда, когда его слова были хорошо обоснованы.

– Мы, – он посмотрел на Бодрова и даже слегка указал на него рукой – тот в ответ одобрительно кивнул бородой, – за культурную адаптацию русских детей. Но, с другой стороны, надо понимать, что учебники и программы сейчас политизированы. Просто стыдно становится

за украинских коллег, я, к сожалению, со многими знаком ещё по университету. Даже пан Максим Перелаз говорил мне, что нашему обществу надо включиться в подготовку учебных программ для русских школ, какие-нибудь пособия написать, оформить библиотечки.

– Да, да, – снова возбудился Бодров, – Владислав Петрович всё точно сформулировал. Нужны дела. Не слова, а дела. Пусть малые. Помните у Чернышевского? Хе-хе. Целая теория малых дел была. Вот вы со мной спорили, зачем, мол, такая у нас группа предпринимателей. Никто, мол, их на Президиуме не видел, только числятся. Не только числятся, а и помогают нам в делах наших праведных. На рублёвые взносы не развернёшься. А тут – сотни и тысячи. Вот Владислав Петрович вам говорит про библиотечки, а мы их уже по школам распространяем. Даже в районы. Многие благодарны. А одними лозунгами сыт не будешь. Ну, всё, поговорили, теперь к делу. Давайте, Владислав Петрович, вы у нас Ответственный секретарь Общества. Ведите Президиум. Повестька у вас есть.

– Ну что ж, давайте пойдём по повестке, – сказал Ступин, и они приступили к той процедуре, которая заменяла собой самую деятельность и называлась «обсуждением вопросов повестки дня».

Именно тогда, на том заседании Президиума, Ступин поставил вопрос о руководстве Совета директоров русских школ и преобразовании этой группы начальников, отстаивающих свою «незалежность» от новой власти, способной их хорошенько прижать, в общественную организацию «Ассоциация русских школ Галиции». Именно тогда он поддержал кандидатуру Драпченко на пост руководителя Ассоциации и тем самым заложил фугас под своё физическое существование. Но понимание этого пришло к нему гораздо позже.

Возвращаясь домой с заседания Президиума, Ступин медленно шёл по ночному бульвару, пересекавшему центральную часть Города и построенному ещё австрийской властью. Всё здесь было до боли знакомо. Ряды чугунных скамеек, отбрасывающих в свете фонарей тёмные уродливые тени, угольно-чёрные или тёмно-зеленоватые пятна газонов, одинокие парочки, примостившиеся под огромными папахами могучих каштанов и лип. А вот и фонтан, чуть слышно шелестящий в темноте ниспадающими по каскаду бронзовых чаш струями. Чуть дальше – освещённые ночные витрины ресторана «Интурист», бывшего ресторана «Жорж», со своим знаменитым лепным балконом, поддерживаемым атлантами, и с летящими ангелочками над псевдобарочными розеточками оконных рам. Вот сюда, к шикарным витринным окнам первого этажа, прибегал он вечером с мальчишками, чтобы посмотреть сквозь неплотно прикрытые занавески на роскошный зал, столы, заставленные красивыми бутылками и закусками, на принаряженных молодых дам с оголёнными бюстами, в коротких развевающихся шёлковых платьях, открывавших во время быстрого танца почти полностью ноги в капроновых чулках. Мимо окон этой гостиницы он возвращался домой после работы, после первого и не первого свидания, после попойки с друзьями в пивном баре «Пид вэжей» и просто так – возвращался домой.

Ступин повернул в переулок, сзади остались гудки автомобилей, шум большой улицы. Здесь, в переулках центра, полностью сохранившихся с довоенных времён и не тронутых никакими перестройками и новшествами, проходила вся его жизнь. Здесь горел огонёк его окна, ждала уютная теплота кресла, чашка крепкого кофе и тот особый покой, который даёт человеку родное гнездо. Сту-

пин ускорил шаги и улыбнулся чему-то известному только ему одному.

2

Это было год назад, а теперь Ступин лежал в высокой мокрой траве, недалеко от дороги. Он лежал и чувствовал, как из него медленно вытекает жизнь. Мыслей не было. Даже не было распирающего сознание изнутри могучего желания жить. Он понимал, что это уже, наверное, невозможно. Было жаль себя, жаль матери, которая, конечно, не переживёт его смерти, жаль детей в школе – любимого и выстрадавшего им гимназического класса, который напрасно будет ждать его уроков. Жаль всего, что не состоялось. Ступин не знал, сколько вытекло крови из раны, но понимал, что это серьёзно, потому что сознание его временами ускользало, и тогда он начинал видеть картины. Картины были цветными, объёмными, наполненными звуками, запахами и ощущениями. Ступин стоял посреди большого школьного двора, он был в светло-сером костюме, белой рубашке и ярком галстуке, как всегда бодр и подтянут. Он улыбался и что-то говорил окружавшим его учителям. Умытые, причёсанные и нарядные школьники строились в каре. Было поутреннему свежо, школьный двор утопал в цветах, остро пахло сиренью, как это бывает только на юге в конце мая. «Это последний звонок, всего неделю назад, – думал Ступин. – Двадцать четвёртое мая. Было много людей. Очень много».

Тогда, 24 мая, Ступин был настоящим в приподнятом настроении. Ему удалось, как он понимал, что-то важное – справа от него стояли в строю и улыбались всему миру три русских гимназических класса. Это было не просто важно, а, как сказал бы коммунистический вождь – «архиважно». Тем более потому,

что он теперь не имел никакой поддержки ни от Президиума Русского Общества, с которым у него сложились, мягко говоря, натянутые отношения, ни от властей, подозревавших его в «москвофильстве», ни от родительского комитета, который посматривал и на власть, и на Общество. Но пока было всё относительно хорошо. Ступину удалось найти родителя – «спонсора», привезти и поставить для гимназистов компьютерный класс. Ему удалось найти деньги на ремонт школы, ему удалось материально и морально поддерживать танцевальный ансамбль, занявший в конкурсе украинских национальных (подумать только – национальных!) ансамблей первое место. Да и вообще, чёрт возьми, его школа была единственной в городе, где преподавались предметы русской классической гимназии: русская история, русская культура, риторика и латынь. Спаренные уроки физкультуры проводились в бассейне и тренажёрном зале неподалеку от школы. Ступин заметил серьёзную перемену – к нему в школу стали проситься дети богатых нацкадров с явным украинским акцентом. «Если бы эти нацкадры ещё и подписали Русскому Обществу национально-культурную автономию, было бы совсем хорошо», – подумал Ступин и вдруг остро ощутил: он уже ПОЧТИ ВНЕ ОБЩЕСТВА И ПРОПАСТЬ ПРОДОЛЖАЕТ НАРАСТАТЬ. Но всё же, всё же.

Ступин помнил, как ещё на заре «нового порядка» в Городе, он убеждал и «наших», и «не наших» в необходимости подписания документа о национально-культурной автономии, как сказал об этом самому губернатору Черноволу, и как тот, внутренне весь передёрнувшись, ответил: «Хорошо, делайте».

Да, тогда был политический взлёт Русского Общества, с ним власти считались. Прошёл всего год... ВСЕГО ГОД и полгода, как он перестал ходить на Президиум,

всего год и полгода...

Торжественная линейка двигалась своим чередом: приветствия, поздравления, напутствия. Играл духовой оркестр, а в голове его согласно ударам большого барабана звучало: «Всего год и полгода, всего год и полгода». Ступина не волновало, что не было представителей образовательных властей – это была норма для школы, ЕГО ШКОЛЫ. «Пошли к чёрту, лишь бы не лезли», – подумал Ступин и дал команду последнего звонка.

Толпа детей с шумом направилась в классы. Родители стали расходиться, за детьми по классам потянулись учителя. Ступин отдал подаренный ему букет молодой учительнице и медленно, пропуская впереди себя детей и учителей, пошёл ко входу в школу. И именно в этот момент кто-то тронул его за плечо:

– Владислав Петрович!

– Да, – Ступин повернулся и увидел перед собой озабоченное лицо учителя физкультуры.

– Владислав Петрович, мне надо вам что-то сказать. Давайте отойдём.

Они отошли к гаражам. Ступин закурил и глубоко затянулся.

– Ну что, Орест, выкладывай.

– Владислав Петрович, вы извините, но у нас не очень хорошо. Они что-то замышляют. Понимаете, я вчера был в районо. А меня вдруг инспектор спросил о вашем здоровье, а потом – как к вам относятся учителя. А когда я сказал, что всё в порядке, он как-то странно хмыкнул.

– Орест, это холуй. Что на него смотреть. Им всё в нашей школе не нравится. И я не нравлюсь. Я привык. Всё нормально.

– Нет, Владислав Петрович, не нормально, – Орест понизил голос: – Здесь вчера, когда вы только что ушли, и сегодня рано утром был Бодров.

Ступин помрачнел. Бодров – это плохо.

Это уже разведпризнак. Трезвый Бодров с утра – вообще плохая примета. Ступин задумался.

– Ладно, – сказал он. – Не в этом дело. Нехай клеветать – как в том анекдоте. Я не люблю копаться в этой грязи.

– Как знаете, Владислав Петрович. Но кое о чём меня спрашивал вчера брат.

Вот это было чрезвычайно скверно. Двоюродный брат Ореста – внук известного бандеровского генерала Зинкевича – входил в первую десятку новых руководителей.

– Орест, я давно не интересуюсь семейными делами учителей.

– Он спрашивал, не нужна ли вам поддержка в среде власти, в исполкоме, в Раде. И ещё, мне сказали, что Каретникова снова бегала к Драпченко.

Ступин резко бросил сигарету, что-то буркнул и направился к входу в школу. Поднявшись на второй этаж, он зашёл в свой кабинет, закрыл дверь и стал набирать номер телефона, записанный крупно на карточке под стеклом. Номер срывался с третьей цифры. «Чёрт бы меня побрал совсем, чёрт бы побрал совсем с этой благотворительностью. На черта я согласился на эту школу? На черта я связался с этой бандой? Откуда они все повылазили: демократы, партократы, коммунисты, интернационалисты, националисты? Все были комсомольцами, пионерами и октябрятами, а теперь... Шизофреником можно стать, задумываясь». Номер не набирался. В дверь постучали.

– Можно, Владислав Петрович?

На пороге стояла секретарь школы, Эльвира Сергеевна. Она смотрела вечно печальными глазами маленького человека. Не дождавшись разрешения, нерешительно протянула какую-то бумажку.

– Владислав Петрович! Тут два раза звонил начальник районо, – она почему-то осеклась. – Ну, в общем, Лесовой зво-

нил. Он что-то недоволен, просил перезвонить, как появитесь.

– Хорошо, хорошо, я набираю. Позовите мне Тамару Николаевну потом, когда она освободится.

Заходя в свой кабинет, Ступин видел, что напротив, в кабинете завуча, полно учителей и «весьма благодарных» родителей.

«Лесовой звонил, – думал Ступин, – значит шевелятся. Не понятно только, что у них на уме». Хотя это было ему как раз понятно. Им надо как-то его задеть. Опорочить. Обвалить. Причём у них теперь компания одна. Все заговорили на одном языке, когда поняли, что он, Ступин, ПОЛЬЗУЕТСЯ ПОДДЕРЖКОЙ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ.

Резкий телефонный звонок прервал размышления Ступина.

– Алло, пан Ступин? – раздался несколько приглушённый голос Лесового, – добрэ, що я на вас натрапыв, нарэшти. Як у вас справы?

– Добрэ, пан Лисовый, тилькы що закинчылы линийку, – Ступин легко перешёл на мову, – он даже часто бравировал этой способностью настоящего горожанина, – тэпэр чэкаемо подальшых вказивок.

– Я чую, що настрій гарный, як маеэтэ щэ, гумор. Всэ у вас добрэ?

«Опять тот же вопрос. Настойчивый. Нужно держаться спокойно. Это моё единственное оружие», – думал Ступин.

– Добрэ. А цо? Вы щось хочэтэ сказа-ты?

– Ни-ни. До побачэння. Потим зустрэ-нэмося. Чэрэз дэкилька днів. До побачэн-ня.

«Сплошные недомолвки. Что там варит Бодров? Что там вообще варится в этом Русском Обществе?» Ступин вышел из кабинета и пошёл по красивой мраморной лестнице на третий этаж. Там, на третьем

этаже, был танцевальный зал, в котором дети начальных классов проходили обязательные танцы. Он гордился этим залом, гордился зеркалами в полный рост, гордился красивыми стенами и потолком. Ступин за два года вложил в эту школу столько сил, что их хватило бы на десять лет спокойной преподавательской деятельности. «Зачем я ушёл из вуза, зачем мне эта школа?» – привычно подумал он. Это была неправда.

Ступин понимал, что иначе в его жизни просто не могло случиться. Когда год назад стало ясно, что на Союзе, если не произойдёт ничего сверхординарного, можно поставить крест, когда оружие «гэть» старики и старухи – эта главная ударная сила «незалежної України» – перестала вообще уходить с майдана – орала круглосуточно, когда партвлада вдруг страшно забеспокоилась, и Бодров послал его на полуподпольную встречу с первым секретарём обкома КПУ, именно тогда он решил для себя, что будет противостоять «им» всегда, до самой смерти, без всякого КПУ, без заданий и поручений. Только потому, что эта банда тупых ублюдков вела себя слишком самоуверенно. И ещё потому, что всё уже было решено. Это трусливое, жалкое сборище маскарадных шутов вело себя так самоуверенно по одной простой причине: кем-то и где-то уже ВСЁ БЫЛО РЕШЕНО. И осознав РЕШЁННОСТЬ ЖИЗНИ ТЫСЯЧ ЛЮДЕЙ, Ступин согласился на должность ответственного секретаря, на бесплатный ежедневный изнуряющий труд говорить с идиотами, на личную бесперспективность и возможные утраты, на школу, на Общество, на чёрта, на дьявола – на ВСЁ. Ему было отчаянно жаль тех людей, СУДЬБА КОТОРЫХ БЫЛА УЖЕ КЕМ-ТО РЕШЕНА.

Ступин вышел из кабинета и поднялся в столовую. В этом здании, построенном для польской женской гимназии в начале

XX века, столовая – большой двусветный зал с колоннами – располагалась не внизу, а на четвёртом этаже, где были установлены маленькие лестницы на пятый этаж – в дортуары девочек. Он подошёл к стойке, машинально взял чашку кофе, протянутую полной и заботливой рукой поварахи Серафимы, сел на краешек твёрдого стула и, так же машинально отвечая на вопросы подошедшего завуча младших классов Каретниковой, стал пить кофе маленькими глотками:

– Да, конечно, завтра надо провести собрание родителей будущих перво-классников.

– Конечно, все должны знать и понимать правила и традиции. Традиции – это святое. Конечно, святое.

– Да, да, чистота. Особенно на лестнице и в рекреации второго этажа. Это важно с первого до последнего дня. Совершенно правильная мысль.

– И никаких родителей посреди учебных занятий. Конечно. Пусть осуществляют любовь потом. После уроков. Да, да, это важно, очень важно разъяснить.

Каретникова говорила быстро, частила, иногда слова наскикивали одно на другое и получалось: конешочеважно, посероков.

«Погонит вас бандерье, – думал Ступин, глядя на прыгающий рот с маленькими, еле заметными усиками, – сначала меня погонит, а потом сразу вас. Погонит и будет право: это же вы собирали партию разогнанной партии, чтобы устроить забастовку против моего решения убрать из фойе огромный памятник вождю в два человеческих роста. И доносы вы на меня строчили сразу после путча, как будто бы я был виноват в его провале. Нет. Не о том, что я был виноват в провале путча, нет, конечно, тогда бы мне бандвласть дала орден или, на худой конец, денежную премию в сто тысяч фан-

тиков. Нет, вы писали анонимные письма о том, что я не уважаю руководство рай и гороно, хвастаюсь своим знакомством с Черноволом и политическим влиянием на массы. Доносили в лучших советских традициях. Так что – готовьтесь, господа-товарищи хорошие. Никакой Драпченко вам не поможет».

Ступин помнил один день начала прошлой холодной и мокрой осени, когда он в ещё не отапливаемом и потому страшно зябком громадном здании проводил большой педсовет. Прямо перед его началом Ступин подошёл к бригадиру рабочих и сказал: «Если очистите вестибюль за два часа – получите горилку, на всех». Обещание горилки подействовало лучше, чем любые денежные посулы: ровно через два часа бригадир приоткрыл дверь кабинета истории, где всё ещё шёл педсовет, и сказал: «Всё добрз». Тогда Ступин оглядел учителей весёлым оком, хмыкнул и объявил педсовет завершённым. Вечно усталые учителя ручейком потянулись вниз по лестнице к выходу и, машинально бросая взгляд на свежеекрашенный пустой постамент, безразлично отворачивались. Только Каретникова (конечно же Каретникова!) резко остановилась и, строго посмотрев на Ступина, едко спросила: «А где же Ленин?» Именно в этот момент Ступин ответил так, чтобы всем было слышно на двух этажах: «Устал стоять. Я его прогуляться отпустил». Ответил и ушёл в кабинет, не ожидая колких и ироничных реплик вроде «уже и Ленин ему помешал».

Ступин помнил и другой день. Кажется, в начале октября девяностого. Он как раз дежурил в Президиуме Русского Общества, когда в дверь как-то бочком, несмело просочилась группа довольно пожилых людей. Он рассадил их по стульям, предложил чаю. Пожилые люди вежливо отказались, а потом самый активный и мо-

ложавый из них перешёл прямо к делу.

– Нам нужна ваша поддержка, молодой человек, – заявил он, хмурясь и почему-то не глядя в глаза.

– Моя? – удивился Ступин «молодому человеку».

– Да, ваша. Вашего Общества. Нам нужно, чтобы вы нас поддержали сегодня ночью. Мы уже пожилые люди, и нам одним не справиться.

– Вы понимаете, – встряла совершенно высохшая высокая старуха, – сегодня ночью состоится колоссальное злодеяние. Они (старуха драматически посмотрела куда-то в стену), они вознамерились сбросить Ленина. У них (слово «них» она произнесла с шипением: них-х-ш), у них всё готово. А мы будем им противостоять. Мы твёрдо решили.

– Кто это «мы»? – спросил Ступин.

– Мы – это «Союз защиты ленинских идей», – гордо произнёс Председатель (так Ступин окрестил для себя активного пожилого джентльмена). – Мы, – добавил он гордо, – независимая самостоятельная организация ветеранов.

«Ветеранов чего? Парторганов? Конторы глубокого бурения? – подумал Ступин, – хотя какая теперь контора? Тю-тю контора». А вслух сказал: «Как противостоять-то будете? Силой?»

– Да, да, силой, – глаза Председателя горели. – Мы, с вашей помощью, конечно, с помощью нашей молодёжи закроем собой монумент. Не дадим снести.

– Не дадим, – глухо повторили за ним старухи.

– Ну, ну, – сказал Ступин, – только вот что, дорогие мои, наше Общество не политическое, а культурное, да и лично я не особенно в Ленина влюблён. Так, лёгкое увлечение пионерского детства.

– Идёмте отсюда, товарищи, – рванул к двери Председатель, – здесь враги, а не друзья.

И вся стайка в мгновение растаяла в небытии времён.

Уже поздно вечером того же дня Ступин пришёл на площадь перед Оперным театром. Здесь среди колышущейся толпы горели прожектора, и в их свете большой автомобильный кран поднимал удивительно искажённую, раскоряченную тёмную фигуру. Стальной канат за бронзовую шею тащил вверх упирающегося, хватающегося за арматуру растерянного и жалкого вождя. Толпа ревела «Геть! Геть!» Что-то дрогнуло на самом донышке ступинской души. Жалость? Страдание? Страх? Он машинально пошевелил под одеждой своими бицепсами, проверяя их надёжность, прищурил и без того узкие глаза. На скулах шевельнулись желваки. Толпа охнула и ещё раз проревела «Геть!», и бронзовый Ленин с глухим стуком рухнул на площадку тяжёлого тягача. «Как гильотина», – пронеслось в голове Ступина. Раздвинув плечами толпу, он резко протолкнул своё тело вперед, почти к самому постаменту, где что-то делали люди с отбойными молотками. Его заметили. «О, пан Ступин! Просымо дужэ до нас! Тут вельми цікаво!» – весело прокричал, привычно покрывая голосом рёв толпы, один из лидеров Городского майдана. Ступин протолкнулся ещё ближе. «Дывиться, що ваши зобылы», – рыжеусый уже молодой бывший партийный журналист в пиджаке, накинутом на вышитую сорочку, жарко дышал смешанным запахом горилки и кофе в лицо Ступину. Перед ними прямо на земле лежали плиты, некогда составлявшие постамент памятника. Среди этих разбитых отбойными молотками плит выделялись несколько потемневших от времени, не тронутых и очищенных рабочими от мусора. Ступин присмотрелся. Это были плиты с надписями на еврейском языке. «Воны з жидивського кладовища. Дывыся! А звынувачували бандеривцив, –

победно орал усатый. «Да, – подумал Супин, – все хороши. И вы со своими победными рожами – тоже хороши». Чья-то рука опустилась на его плечо. Мягкий голос сказал: «Что вы к нему пристали. Он тут ни при чём. Он честный городской фацет. Вы же его знаете». Супин обернулся на голос – рядом стоял и уже о чём-то оживлённо беседовал в большом кругу активистов этого ночного театра его неофициальный режиссёр – пан Максим Перелаз. «Добрый вечер», – поздоровался Супин. «Да уж и не очень добрый», – ответил по-русски с мягким карпатским акцентом пан Перелаз. «Видите, что творили большевики. Ну, правда, это лично вам не в упрёк – вы другой человек, да и с нами с самого начала почти». Максим говорил последнюю фразу специально громко – для всех.

Супин тогда долго ещё бродил по ночному городу, испытывая то тяжёлое русское чувство, которое задумчивые литературоведы называют то чувством беды, то чувством вины, то тем и другим вместе. Бродил, заглядывая в любимые с детства городские псевдобарочные окна, горевшие голубыми и розовыми огоньками и курил сигареты одну за другой. Он чувствовал, что надвигается страшное, невысказанно страшное, как в том старом, почти забытом детском сне.

Супин больше не слушал Каретникову. Он сбежал вниз, сказал секретарю что-то вроде «я скоро буду» и быстро вышел на улицу. Ему надо было разрядиться: выпить, расплакаться, убежать далеко-далеко, запереться в своей комнате. Отключить телефон. Надо было что-то делать, но он не знал что.

Видение уходило. За ним накатило забытьё, за ним – новый сон, так что никакой границы между ними не случилось.

3

В детстве Супину приснился сон. Он хорошо помнил, когда и где он ему приснился. Супин с родителями ехали в Саратов. Они остановились на один день в Москве – разница во времени между поездками. Отец взял такси (Супин помнил – это была «Победа») и повёз его с матерью в центр Москвы, через Зарядье, мимо Кремля и Красной площади, мимо красивого собора – Храма Василия Блаженного, мимо Манежа на Старый Арбат. Они остановились около небольшого особняка и зашли в него. В подъезде пахло старой краской и деревянной трухой, точно так же, как пахло на чердаке их дома в Городе, куда мать часто брала его помогать вешать бельё. Он уже был большой – через год в школу – и любил помогать матери. Он помнил огромную квартиру с длинным коридором, куда его привели, маленькую комнатку в этой квартире и, конечно, то, что впервые видел в жизни – телевизор. Это был телевизор КВН с крошечным экраном и огромной линзой, искажавшей изображение так, что лица казались вогнуто-выпуклыми с большими рыбьими глазами. Он помнил мягкий красноватый свет матерчатого абажура, вазочку с вареньем и большой чайник на столе. И мягкий голос человека, фамилию и профессию которого он почему-то запомнил: режиссёр Большого театра Соколов. У Соколова были седые волосы и добрые глаза. Его супруга, угощавшая каким-то особенно вкусным розовым вареньем с какими-то особенно вкусными ещё тёплыми бубликами, не запомнилась вовсе.

Супин помнил странный разговор о нём, который вели взрослые: «Пусть он хоть чуточку здесь поживёт, – говорил Соколов, – поспит в своём доме». «Мы завтра должны ехать, у нас билеты», – говорил

отец. «Но вы же ничего не увидите. Покажали бы ему «Турандот» у Вахтангова, или «Синюю птицу» во МХАТе», – продолжал настаивать Соколов. «Нет, нет, ему ещё рано, – возражал в свою очередь отец, – ему ещё очень рано – он у нас мальчик впечатлительный». Мама молчала, как часто это делала в присутствии отца. Потом они торжественно смотрели телевизор – давали фильм «Золото», о каких-то ужасного вида шпионах или контрабандистах. Ступин помнил, что ему было страшно, когда искажённые в призме волосатые руки врага вытаскивали из воды грязный, облепленный водорослями ящик с золотыми монетами, цепями, браслетами и ещё разными непонятными вещами, которым он не знал ни названия, ни применения. Он так и не понял, кто и зачем прятал этот ящик и кто и зачем потом его доставал из тины. Он просто расстроился из-за массы злобы, струившейся с экрана, и захотел спать. Вернее, он сделал вид, что захотел спать, чтобы закрыть входные каналы информации, несущей заряд негативной энергии, разрушительной для клеток мозга (так он делал всегда с самого раннего детства совершенно автоматически). Его уложили в той части комнаты, которая была отгорожена фанерной перегородкой. Эта часть комнаты немного напоминала примерочную с всегдашней портьерной завесой вместо двери. Там стоял неширокий топчан, а на стене (он твёрдо запомнил это на всю жизнь) висел коврик с розово-фиолетово-синим рисунком, изображавшим сказочное озеро с русалкой и лебедями. Русалка сидела на камне и рассматривала своё собственное колеблющееся отражение в воде, а лебеди парой медленно плыли от русалки за обрез ковра – туда, где на гвоздике, вбитом в фанеру, висел отрывной календарь за 1956 год. Тогда Ступин не знал, что 1956 – это прошлый год, что уже наступил 1957, –

течение времени было ему ещё безразлично.

Он лёг на тонкую, застиранную простыню, мама накрыла его до подбородка синим байковым одеялом, поцеловала в лоб и ушла. А он всё лежал без сна и прислушивался к голосам взрослых за перегородкой. Он слышал отрывки взрослого разговора, смысла которого он по-прежнему не понимал: что-то про репрессии и деда (у него с этим словом не было никаких ассоциаций, кроме словосочетания «дед Мороз», а слово «репрессии» он запомнил, потому что слышал его уже много раз), что-то о войне и отце («война» и «отец» у Ступина было одно большое слово-понятие), что-то о Городе и «бандеровцах» (Ступин знал, что это родственное и нехорошее: тот Город, в котором они жили и в котором кроме них жили какие-то «бандеровцы»). Там всё время шёл дождь, было мокро и не было настоящей зимы – от этого всего надо было его, единственного мальчика в семье, увезти хоть на время в Саратов). Ступин засыпал и видел озеро с лебедями, камыши, большое дерево на берегу озера и себя, стоящего у этого дерева на посту. Он был одет в военный мундир и хорошо начищенные хромовые (как у папы) сапоги. В руках Ступин держал большой автомат с круглым диском и решётчатым стволом – один из тех, которые он видел в руках солдат на параде, куда он попал однажды, сидя на шее отца. (Его тогда поразило, что солдаты шли как один, нога в ногу, чёткими, одинаковыми рядами, и все прижимали к себе автоматы). Слово «автомат» и слово «ППШ» сказал ему отец. Он же сказал ему потом: «Мы им дали этими автоматами». Ступин уже знал, что «они» – это были фашисты, бандеровцы, враги, которые хотели убить его маму, тётю Шуру и дядю полковника Петрова. Но никого не убили, потому что папа и дядя Петров им

дали по первое число. Он думал, что и сам бы он им дал, если бы был взрослым. А теперь, во сне, Ступин держал в руках это грозное оружие и стоял «на часах» за деревом. Он знал, что здесь, по тропинке вокруг озера, скоро пойдут враги, но они не должны пройти, потому что у него в руках автомат отца, и он знает, как им распорядиться. Вот из камышей появился враг, одетый в камуфляжный костюм (он видел такой на картинке в книге про войну), весь грязный, в тине и водяных растениях, облепивших промокшую одежду. В руках он держал ружьё и целился в него, Ступина. А из-за деревьев показался ещё один враг (ну, конечно, бандит, фашист, бандеровец), с большим чёрным пистолетом, ствол которого дымился. «Вот сейчас я их, – подумал Ступин, – пусть только подойдут поближе...» Он целился во врагов и напряжённо ждал какого-то известного ему (во сне своё время, как и свои мотивы действия) момента. Момент настал, и тут же Ступин нажал на курок. Но... выстрелов (того знаменитого раскатистого тата-та, которое издают русские автоматы) не последовало. Ничего не последовало. Одна только тишина вокруг, да шуршание камышей под ногами приближающихся врагов. Ступин нажал на курок ещё раз – ничего. Ах, вот что – в руках у него не автомат, а деревянный макет крейсера «Аврора», игрушка, подаренная отцом на Новый год. Она не стреляет, хотя по палубе бегают крошечные матросики и несут к носовому оружию снаряды. «Быстрее, быстрее, – думает Ступин, – враги уже рядом. Быстрее, товарищи матросы». Матросы заряжают пушку, Ступин быстро опускает корабль в озеро. Из высоких труб появляются дымки. Корабль набирает ход, приближаясь по тёмной воде озера к месту, где в нерешительности остановились враги. Высоко на его мачте реет красный флаг, шевелится наводимое

матросами на противника грозное дуло орудия, сейчас грянет выстрел и... Но, что это? Корабль внезапно начинает тонуть. Прямо на полном ходу он погружается в тяжёлые неподвижные волны озера. Всё. Холодок страха пробегает по груди Ступина. Боже мой, какой ужас! Он беззащитен. Враги хорошо понимают, что пришёл их звёздный час и почти бегом, стреляя на ходу, направляются к Ступину. Вот ещё несколько шагов, ещё мгновение и... Ступин проснулся. Рядом, согревая его своим теплом, слегка похрапывая, спала мать. Из-за перегородки чуть слышно доносились два мужских голоса. Папа и Соколов о чём-то говорили вполголоса. Их интонации были тревожными.

Ступин запомнил сон навсегда. Через много лет он понял: сон был вещим.

Вещей была и та встреча в Ленинграде возле Витебского вокзала, когда они стойкой беззаботных студентов-филологов возвращались домой с диалектологической практики, которую проходили под Ленинградом, в Колтушах. Проходить практику в Колтушах было бессмысленно, потому что Колтуши – это НИИ генетики высшей нервной деятельности имени академика Павлова, и никаких диалектов там просто не может быть. Но в Колтушах работал сын их преподавательницы, и по такому счастливому случаю они оказались в летнем парке института, в окружении дивной растительности, цветов, прудов и клеток с обезьянами, выставленными в этом парке на лето. В нескольких километрах езды на автобусе был город его мечты с шикарными дворцами и величественной Невой, а в другую сторону можно было электричкой попасть на берег Ладоги, на песчаный пляж в самом начале знаменитой Дороги жизни. Именно тогда, под влиянием множества впечатлений, избыточных для ступинской впечатлительной души, к нему пришло то, что он

неожиданно для себя посчитал любовью. Причём этих новых для него чувств было не одно, а сразу два (чего только не смастерит хитрая природа человека): одно привело к инфантильной студенческой свадьбе, быстрому разводу и оставило маленькую девочку, которую он обожал, но редко видел, а другое принесло частые, но целомудренные свидания и долголетие близкие, почти родственные, отношения, которые Ступин пронесил через жизнь с ответственностью верного друга. Там, на Витебском вокзале, они ожидали электрички, ехать куда-то на экскурсию. И вдруг появилась старуха в чёрном платке. Именно появилась, потому что за секунду до этого вокруг не было ни души. Старуха подошла к Ступину и, обращаясь ТОЛЬКО К НЕМУ ОДНОМУ, сказала: «Тебе хочу погадать, открыть одну тайну». Ступин растерянно оглянулся, ища поддержки однокурсников, но все молчали и не двигались с места, а старуха продолжала: «Вот твоя тайна, в чёрной книжке. Я не цыганка, я чернокнижница. В церковь хожу. Я скажу тебе правду, но только, если заплатишь мне». Ступин уже хотел отказаться, но не мог, не мог он даже говорить – язык окаменел, во рту стало странно сухо. Ступин молча, внутренне напрягаясь, глядел на старуху. «Вот у тебя в кармане серебряный рубль, дай его, не пожалей рубля бабушке, – не унималась старуха, – я в церкви свечку поставлю за здоровье твое, за упокой твоих родных». «Но все мои родные живы, – подумал Ступин, – живы и здоровы, за кого же свечку? И откуда она знает про рубль, отложенный на билет?» Старуха взяла протянутый мгновенно вспотевшей рукой Ступина рубль и оглядела его. Это был обычный юбилейный рубль с изображением Ленина на лицевой стороне (много позже Ступин узнал, что в 1970 году – в год столетнего юбилея В.И. Ленина – ошибочно в оборот была

выпущена партия серебряных юбилейных рублей, за что ответственные лица страны получили колоссальный нагоняй). «Серебряный рубль уста тайны отверзает, а тайна – вот она». Старуха дунула на маленькую чёрную книжечку, невесть как оказавшуюся в её руке, и та открылась, постепенно увеличиваясь в размерах. Ступин внутренне задрожал. Ему показалось, что он находится на площади один. Он и эта непонятная старуха. Ни звуки толпы, ни гудки машин, ни звонки трамваев не достигали его ушей. Только старческий, но уже заметно окрепший голос: «Ты многое сделаешь. Но что – ни тебе, ни мне не ведомо. Ты будешь повелевать, но чем или кем, – про то не сказано. Ты думаешь, что будешь с этой милой барышней, но нет – ты будешь один. Про то на скрижалях написано, а скрижали те спрятаны глубоко». Книжка в руках бабушки уменьшилась в размерах и скрылась в складках её одежды. Ступин удивился этой мистификации (а то, что это мистификация, он не сомневался) и хотел было что-то сказать товарищам. Обернулся назад, но все товарищи молчали и смотрели перед собой, как будто ничего не видя. Тогда Ступин твёрдо решил категорически возразить странной старухе, сказать, что не верит в её фокусы. Но когда он посмотрел на то место, где только что была старуха, там уже никого не было. Более того, старухи не было и на аллейке, и в скверике, и на всём пространстве до совершенно глухой выкрашенной жёлтой краской стены старого многоквартирного дома без единой двери, окна, какого-либо выступа или впадины. ЕЁ НИГДЕ НЕ БЫЛО. Шум улицы рванулся в уши, как будто из них мгновенно выдернули ватные тампоны. Побежали цветные блики, тёплая волна толкнула его. Ступин услышал знакомый, чуть капризный нежный голос: «Владик, что же ты? Мы опаздываем». И нежная

ручка потянула его за рукав. Они побежали через площадь. Потом долго ехали в вагоне, а потом гуляли по чудесным, полным солнца полянам, рассматривая руины дворцов, беседки и заросшие пруды. Он был счастлив, он забыл эту старуху, забыл её голос, её странные слова. Но иногда потом, через много лет, он вспоминал этот эпизод и рассказывал его своим уже солидно повзрослевшим одноклассникам. И понимал по их реакции, что они ему не верят. Не верят, потому что НЕ ВИДЕЛИ ТОЙ СТАРУХИ. Эта встреча предупреждала его, и он уже догадывался о чём.

4

Вдоль мощёной ухоженной дороги тянулись кое-где поваленные телеграфные столбы и ряды раскидистых пыльных деревьев. Стоял июльский полдень, солнце палило нестерпимо. Командующий фронтом остановил пятнистый виллис (с серебряной монограммой Уинстона Черчилля на правой стороне капота) на пригорке возле небольшой аккуратно выкрашенной небесно-голубой часоушки и ловко спрыгнул с подножки. Это был коротко стриженный красивый молодой военный с четырьмя генеральскими звёздами на погонах. На запыленном френче тускло поблёскивали ордена, во всём его облике, в движениях угадывались энергия и какая-то лёгкая бравада.

– Здесь переждём в тени. Место божье, и видно далеко. Давайте карту, – коротко приказал он адъютанту, – связь развернуть, палатку поставить под деревьями на скате. Быстро разведку ко мне. Сейчас Рыбалко пойдёт. Конев (а это был именно Иван Степанович Конев) любил смотреть на движение танковой армии Рыбалко, которую он не без основания считал лучшей не только на своём фронте, но и вообще в действующей армии. Ещё в страш-

ных боях на Курском выступе Рыбалко впервые в мировой танковой стратегии применил новый способ ведения сражения – марш и встречный бой крупного танкового объединения. Далеко за линией фронта быстро идущие с дополнительными топливными баками походные танковые колонны начинали расходиться по параллельным дорогам и делиться на полковые, затем на батальонные, затем на ротные, а затем, развернувшись в лаву и сбросив пустые баки, на полном ходу врезались в боевые порядки противника. В сочетании со штурмовой авиацией это давало огромное преимущество: фронт оказывался прорванным на большую глубину, в прорыв устремлялись подвижные соединения – в основном кавалерийские корпуса, которые начинали громить тылы, резали линии связи и пути снабжения, сеяли панику, и несмотря на то, что опомнившиеся эсэсовские танковые дивизии наносили прорвавшимся большой урон (горело до половины советских танков), вынуждали немецкую группу армий отступать, искать новые подходящие для обороны рельефы местности, а отдельные армейские части (особенно доблестный вермахт и славных германских союзников) просто бежать, бросая всё имущество и вооружение.

Конев присел на походный стул, адъютант достал из брезентовой сумки термос с крепким чаем, наполнил металлический стаканчик и протянул генералу армии. Пряно пахло хорошей заваркой и лимоном. Всё ближайшее окружение Конева знало, что командующий не переносил запаха спиртного, не курил, на марше и в бою обедал из обычной солдатской кухни, но чаще всего вообще не обедал, а только пил крепкий сладкий чай с лимоном, заедая его галетами или шоколадом «Гвардейский», который всегда держал в походной сумке его ординарец. Он был

вообще образцовый командующий: всегда подтянут, вежлив, гладко выбрит, в любое время суток и в любом походе в выглаженной, красиво подогнанной форме, начищенных до блеска сапогах, с запахом хорошего одеколона и белым крахмальным подворотничком.

Всё это, от чая до подворотничка, было далеко не случайным. Генерал Конев вёл свою, особую, войну с немцами, доказывая им, что не все уроки русского воинского искусства были похерены большевиками, а русские генералы являются не только учениками Суворова и Кутузова, но и Клаузевица, Манштейна и Гудериана – старшего, чья прусская военная закваска так помогла безумному Адольфу в первые месяцы войны. Конев старался навязать противнику свои правила игры, как в многоходовой шахматной партии, он демонстрировал противнику странные фланговые манёвры, передвижения вдоль незначительных транспортных магистралей и бои за отдельные ничего не говорящие населённые пункты. Он ждал, когда противник «прокинется», что-то перепутает, чего-то не поймёт в его тактике, засомневается в стратегии, тогда и только тогда он наносил короткий, но потрясающей точности и силы удар. Он не разрушал городов и городков, он вёл борьбу за них фланговыми атаками на дальних подступах. Он всё время старался вывести фрицев на открытое равнинное место, исподволь пододвигая их небольшими тактическими уколами к излюбленному ристалищу – БОЛЬШОМУ РОВНОМУ ПОЛЮ МЕЖДУ ТРЁХ ДОРОГ, пересечённому рокадами. И здесь он их кончал. Кончал всех, кто не успел уйти, уклониться, закопаться, улизнуть и улететь. Кончал по-коневски решительно, упрямо сжав губы, сузив казавшиеся в такие минуты монгольскими глаза. На этом спрессованном огне и сталью пространстве в считанные часы

не оставалось никого, КТО МОГ БЫ ДВИГАТЬСЯ И ГОВОРИТЬ. Тогда Конев садился в подаренный премьер-министром Великобритании сэром Уинстоном Черчиллем пятнистый виллис с серебряной монограммой на капоте и, не оглядываясь по сторонам, уезжал вслед за уходящими на запад механизированными колоннами – за всеми этими студебеккерами, тягачами, танками, самоходками, ревущими и извергающими дым, как миллион огненных драконов, пыхтящими на подъёмах и поворотах разбитых фронтовых дорог. Кто хотя бы один раз видел Конева во время сражения, понимал, что перед ним в это мгновение не совсем человек, и даже вовсе не человек, а воплощённое в человеке некое взмезное существо, что-то среднее между богом войны Марсом и богиней возмездия Немезидой. И это существо настолько впечатляло наблюдателей, что потом ни один из них до конца жизни ничего об этом не мог сказать. Вы не найдёте фронтовых воспоминаний, записок, не найдёте журналистских легенд и баек, героем которых был бы Конев. О Жукове найдёте, о Рокоссовском множество найдёте (даже о том, как он баню строил в магаданской зоне), найдёте о Сталине, Берии и болтуне Хрущёве, найдёте о менее значительных маршалах, генералах и адмиралах, но не найдёте откровений о Коневе, потому что их просто нет, и ещё потому, что Конев, в отличие от многих других, не красовался, а просто делал свою работу. И в конце концов сделал её замечательно: втоптал в пыль все гитлеровские лейбштандарты И ВЪЕХАЛ В БЕРЛИН. А ПОТОМ РАЗВЕРНУЛ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ТАНКОВ И В ТЕЧЕНИЕ ТРЁХ СУТОК ВЪЕХАЛ В ПРАГУ, НА ЧЁМ И БЫЛА ОКОНЧЕНА ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА РОССИИ ПРОТИВ ГЕРМАНИИ. На этом, а не на тысячах трупов советских пехотинцев, положенных Жуковым и Сталиным на Зееловских

высотах под Берлином в бессмысленной лобовой атаке города, в обход которого по хорошим немецким бетонкам страшным огненным серпом уже накатывалась, наваливалась давившая и выжигавшая всё на своём пути армада любимых Коневым танковых армий Лелюшенко и Рыбалко. Эта неудержимая стальная армада лупила почти в упор прямой наводкой из сотен и сотен 152 миллиметровых самоходных корабельных (ранга крейсеров!) орудий, поставленных на мощные бронированные танковые шасси и прозванных народом почти мистически «Зверобой», потому что от прямого взрыва их фугасного снаряда хваленый немецкий танк «тигр» практически полностью разваливался, а бетонированный дот ЛОПАЛСЯ, КАК ПЕРЕВАРЕННОЕ ЯЙЦО, являя миру свои вонючие внутренности. Именно так и только так, – как приход смертельного зноя Армагеддона, как взрыв сверхновой, как жуткая месть великой империи, – была окончена самая кровавая в истории человечества война. Тогда, в мае 1945 года, это знал и понимал каждый. Понимал не любивший Конева Сталин, сказавший как бы нехотя о нём: «Этот унтер научил-таки фельдмаршалов воевать». Понимал ненавидевший Конева Берия. Понимал маршал Жуков, весьма неохотно деливший с Коневым лавры победителя немцев. Как, кстати, все понимали, почему именно Конев «холодным летом 1953 года» участвовал в аресте Берии. И почему именно Конев провёл быстрый и справедливый военный суд над сталинским наследником. Скупой на похвалы и суховатый британский фельдмаршал Монтгомери напишет в сорок пятом: «Ничего подобного согласному движению громадных танковых и людских масс, предпринятому в сорок четвёртом – сорок пятом годах маршалом Коневым, ИСТОРИЯ НЕ ЗНАЕТ». А Британская корона, по рекомендации

находившегося от Конева буквально без ума Черчилля, наградит его высшим рыцарским крестом, дававшим право именовать лордом и право наследовать этот титул.

Конев допил чай, отдал ординарцу металлический посеребрённый стаканчик, и сказал, подмигнув генералу свиты, известному своим пристрастием к курению:

– Сейчас бы добрую сигарку, правда, Иван Матвеевич? Потом добавил, не дожидаясь ответа:

– Жалко, времени нет.

Конев склонился над предупредительного разложенной на большом планшетном столе офицерами оперативного отдела штаба фронта картой, пестревшей синими и красными кружочками, ровным каллиграфическим почерком сделанными надписями и дугообразными линиями. В центре этой привычной армейскому глазу композиции были нарисованы две заострённые на конце красные стрелы: так было обозначено направление удара танковых армий Рыбалко и Лелюшенко в охват Города. Красные стрелы стремительно проходили через синие кружочки немецких частей прикрытия, форсировали несколько небольших речушек, сворачивали с шоссейных дорог на просёлки вблизи зелёных лесопарковых зон, окаймлявших Город, огибали городские кварталы и уходили на запад, к небольшим возвышенностям у предгорий Карпат.

– Вот такая картина, товарищи генералы. Город – ключ ко всей второй половине войны – к войне на Западе Европы, – говорил Конев чётким спокойным размеренным голосом, каким он отдавал приказы и выносил смертные приговоры. – Верховный Главнокомандующий ставит перед нами задачу – взять Город и выйти к границе Союза Советских Социалистических Республик.

Конев остановился и оглядел присутствующих: он видел, какой эффект произвели на них сказанные им простые, но символически прозвучавшие слова.

– Напоминаю задачу дня: завтра в 7.00 массовой атакой танковых и механизированных корпусов сбить части прикрытия у населённого пункта Золочев, выйти на шоссе, ведущее в город. При непрерывной поддержке штурмовой и истребительной авиации воздушной армии генерала Кожедуба, имея во втором эшелоне усиленный самоходной артиллерией и танками гвардейский кавалерийский корпус, сходу окружить немецкую группировку генерала Гота, но... (он сделал паузу и обвёл глазами всех присутствующих) дать их танкам и штабным автомашинам возможность выхода в направлении Любимы Великого. Это необходимо для того (он повысил голос), это необходимо для того, чтобы Город не был разрушен.

Конев помолчал и добавил уже совсем спокойно, чуть глуховато:

– Товарищи генералы, Город разрушать нельзя.

Конев ещё мгновение помолчал, а потом вдруг повернулся, обращаясь к начальнику артиллерии фронта.

– Особая просьба к артиллеристам: главными калибрами и по площадям не бить, цели тщательно выбирать и уничтожать аккуратно прямой наводкой. Что же касается центра Города, – артиллерийский начальник поймал тяжёлый пронизывающий взгляд командующего, – вести артиллерийский огонь запрещая.

– Товарищ генерал армии, – официально обратился к нему начальник артиллерии, – а что делать, если враг укрепился на узких улицах центра и выходить оттуда не станет? Его же придётся из каждой щели выкуривать.

– Повторяю, – сказал Конев, не меняя тона, – вести огонь из главных калибров

по Городу и артиллерийский огонь в центре Города категорически запрещая. Ещё вопросы есть?

Хорошо знавшие своего командующего генералы молчали.

– Вопросов нет, – немного подождя, сам подытожил Конев. – Тогда вперёд. И не забудьте выслать в передовые части офицеров артиллерийской и авиа разведки, а то наломаете там...

Через минуту-другую на пригорке возле голубой часовни уже никого не было. По дороге, огибающей холм, натужно ревя дизелями и покачивая длинными хоботами орудий, двигались танки и самоходки. Далеко впереди, ловко маневрируя среди походных колонн, идущих к линии фронта, мелькал пятнистый виллис с серебряной монограммой на капоте, уносивший подтянутого красивого генерала армии по дороге вечной славы.

5

Капитан Воронцов отстал от своих, потому что просто-напросто проспал. С вечера он хорошо «посидел» с ребятами из штаба воздушной армии, у которых всегда наготове был замечательный коктейль из антиоблещенителя с трофейным яблочным сиропом: вещь совершенно незаменимая, но обладающая удивительным свойством – при употреблении ударять не в голову (голова соображала отлично), а в ноги, которые тут же отказывались идти. Вот так он до утра и оставался у соседей, а под утро, вернувшись в своё расположение, там никого не застал, кроме водителя оперативного «доджа три четверти» (так на фронте окрестили американский грузовичок с повышенной проходимостью) рядового Верёвкина, да своего ординарца – пожилого добровольца из кубанских казаков – старшину Андрея Петровича Вырина, по молчаливому

разрешению начальника штаба носившего неуставную кубанку с малиновым верхом и длинные вислые усы. Старшина Вырин достался Воронцову ещё тогда, когда он начинал тянуть фронтовую лямку в казачьем кубанском корпусе, который под командованием бывшего царского кавалерийского офицера, а ныне советского кавалерийского генерала Иссы Александровича Плиева, осетина по крови и русского патриота по духу, в страшных боях сорок второго года за Грозный отправил в небытие 6-й Особый корпус генерала Липпмана, наполовину состоявший из на вербованных в Ливийской пустыне арабских кочевников на лошадях и верблюдах. Нелёгкая занесла этих не ведавших, что они творят, людей на край света – в предгорья Кавказа и Голодную степь. Где-то там они и легли все до единого, потому что судьба корпуса и его командира так и осталась совершенно неизвестной потерявшему с ним связь немецкому командованию. Тогда Воронцову много раз казалось, что следующего рассвета ему не удастся увидеть никогда. Так бы и случилось, если бы не старшина, обладавший каким-то невероятным нечеловеческим чувством опасности. Таким чувством обладают только потомственные линейные казаки, с детства обученные искусству убивать и оставаться в живых. Воронцов никогда не забывал, что Вырин дважды спас ему жизнь, и, как ни трудно было это устроить в различных инстанциях, забрал его на новое место службы – в артиллерийскую фронтовую разведку, куда он сам был переведён после госпиталя.

Старшина Вырин, увидев Воронцова, просиял так, как будто уже похоронил его. Он кинулся навстречу, заговорив враз на своём кубанском наречии, позабыв про чины и уставы внутренней службы.

– Ото ж бо и я говорил, что вы скоро будете, чтоб мы вас дочекались. Ну, теперь

добре, теперь поспиемо як кум до кумы, в самое яблочко, и не тильки пид трибунал не пидемо, так ещё и орден заработаем, щоб той сатана сказився.

Из всего этого потока сознания, при помощи дополнительных вопросов Воронцов выяснил, что начальник разведки генерал Ионов был вне себя от гнева и только по причине их (Воронцова и старшины) героизма и отсутствия проступков в прошлом дал им возможность оправдаться отличным выполнением специального задания. Это специальное задание находится в конверте, который им принёс сегодня рано утром офицер из штаба, а на словах просил передать, что выехать надо как можно раньше, постараться присоединиться к указанной танковой бригаде, которая уже идёт маршем на город и добавил, что вопрос на контроле у самого командующего фронтом, так что можно не сносить головы. Воронцов распечатал конверт и узнал из содержания небольшой записки, что он направляется офицером артиллерийской разведки в танковую бригаду полковника Петрова, которая уже (судя по времени, указанному в записке) находится на марше, выходя на позицию для атаки. Суть его миссии заключалась в хорошо знакомом деле: в наблюдении за работой фронтовой артиллерии, обеспечении целеуказания и – самое главное – контроле за выполнением приказа Конева о недопущении артиллерийских обстрелов кварталов Города.

– Вот здесь, – сказал Воронцов, – написано, что мне предоставляется связь, а где же эта связь?

– Ах, божечки, забыл совсем, – запричитал Вырин, – оце ж вона и есть связь, прикомандированная.

Он показал в угол комнаты, где на скамейке сидела маленькая светловолосая девушка, в новенькой гимнастёрке с сердитым выражением на лице. Было

похоже, что она обижена длительным отсутствием своего временного начальства и думает о возможности прекратить это не начавшееся знакомство. Всё в ней: выбивающаяся из-под пилотки непокорная чёлка, длинные, придающие глазам вопросительное выражение, ресницы, чуть-чуть приподнимающаяся на груди в такт, по-видимому, взволнованному дыханию гимнастёрка – выдавали эту нетерпеливую и неоправданную ревность.

– Здравствуйте, вы с нами? – спросил, прерывая цепочку наблюдений, Воронцов.

– Так точно, – приподнялась со скамейки девушка, – младший лейтенант спецсвязи Смирнова. Прикомандирована...

– Ну, не надо, без доклада давайте. Вас как зовут? – прервал её Воронцов.

– Людмила... ну, Люся, – почему-то покраснела девушка.

– Вот так лучше. Люся, так Люся. Будете при мне в течение всей операции. Выполнять все приказания быстро и не переспрашивая, и главное...

Он посмотрел на неё, её тоненькую фигурку и большие миндалевидные глаза.

– И главное – не лезьте вы никуда, Люся. Ваше место в укрытии.

– Хорошо, – чуть слышно ответила девушка, – есть в укрытии.

– В бою были?

– Была. Один раз.

– Ладно, по машинам. Там разберёмся. Воронцов быстро сбежал с крыльца и в одно движение прыгнул в кузов доджа.

– Смирнова с рацией – в кабину, остальные – ко мне с пулемётом.

Этими «остальными», разумеется, был старый кубанский казак, который неожиданно ловко забрался в кузов, молодежато поправил кубанку и стал устанавливать зенитный спаренный ручной пулемёт в специальный кранец на крыше кабины.

– Всё, поехали, – сказал Воронцов, – инструкции по дороге.

Додж с места рванул по пыльной улице маленького еврейского местечка и, вылетев на шоссе, помчался на запад, обгоняя медленно идущие воинские колонны. В сторону фронта шли тяжело гружённые студебекеры со снарядами, армейским имуществом, бочками с бензином и мазутом, тянулись дивизионные и армейские госпитали, походные мастерские, натужно подвывали, погромыхая гусеницами о дорожные камни, тягачи, везущие зачехлённые длинноствольные орудия главного калибра. Проходили фронтовые тылы, а значит, он, Воронцов, сильно отстал от танковой бригады полковника Петрова, где-то впереди форсированным маршем идущего уже на подступах к Городу.

Воронцов перегнулся через борт доджа и крикнул водителю:

– Гони, служивый, жми на полную катушку. Что мы так тащимся, прости господи.

– Так дорога забита, товарищ капитан, – сквозь вой встречного ветра прокричал Верёвкин, – никак ехать.

– Жми, Верёвкин, успеем – пол-литра с меня. Жми, родной.

Низко над дорогой прошла в сторону фронта девятка штурмовиков, за ней чуть выше – ещё одна, потом ещё, над ними, на большой высоте показались истребители прикрытия. «Сейчас начнётся, – подумал Воронцов, – начнётся, а меня в части и близко нет». Такая ситуация не сулила Воронцову ничего хорошего. «Надо попробовать срезать, – думал Воронцов, – раскладывая на колене планшет с картой. Вот здесь – поворот на просёлок, по нему при хорошей скорости и проходимости нашего доджа мы вполне срежем за полчаса десяток километров, а там уже и хвосты наступающих танковых частей догоним. Глядишь – окажемся в самом пекле насту-

пления, никто и не заметит, когда и откуда мы появились».

Воронцов трижды стукнул по кабине, что означало остановку.

– Всё, перекур, – коротко приказал он вылезшим из кабины Верёвкину и Люсе. – Сейчас возле развилки перед населённым пунктом Винники сворачиваем налево – на просёлок, здесь по карте есть какой-то хутор, его проскакиваем, потом огибаем озеро слева и выходим точно на пригородную лесопарковую зону с подходящим названием Погулянка. Там бригада Петрова должна совершать быстрый обходный манёвр. При Петрове надлежит быть и нам. Причём уже давным-давно. Всё ясно?

– Ясно, товарищ капитан, – сказал старшина, чувствовавший себя главным в команде после Воронцова, если не по званию (девушка была младшим лейтенантом), то по опыту и возрасту. – Надо быть – будем.

– А как же приказ №100? – еле слышно спросила Люся.

– Какой приказ? – удивился Воронцов. – А... по борьбе с бандеровцами?

Ещё две недели тому назад до всех офицеров фронта был доведён под расписку приказ Конева за номером 100. В этом приказе в связи с возросшей угрозой бандеровских нападений отдельным автомашинам и небольшим группам военнослужащих передвигаться запрещалось не только по просёлочным дорогам, но и по основным дорогам, охраняемым днём и ночью конными и пешими патрулями. Из состава войск фронта были созданы подвижные группы (в основном, кавалерийские), которые круглые сутки должны были разыскивать и уничтожать бандформирования, прочёсывать подозрительные лесные массивы и, как говорилось в приказе, «совместно с органами контрразведки СМЕРШ и политорганами

вести работу с местным населением по разъяснению значения освободительного похода Красной Армии на территорию Западной Украины». На простом языке этот приказ означал, что местное население признавалось потенциально опасным для личного состава частей и соединений фронта и с ним, этим местным населением, надо было вести работу, то есть проводить опросы и допросы, выяснять судьбу отсутствующих в семье мужчин, обыскивать хаты и сараи и при этом ещё и «разъяснять» освободительную миссию Красной Армии. А пока следовало быть осторожным и передвигаться исключительно в группах, имеющих достаточные силы и огневые средства для отражения любого внезапного нападения. Воронцов хорошо знал об этом приказе, более того, он несколько раз успел поучаствовать в выездах фронтовых оперативных групп на место гибели от рук неизвестных бандитов офицеров и солдат. Так что он своими глазами видел и взорванные автомашины, и тела убитых, и даже выколотые глаза и отрезанные уши у тех, кто, к их несчастью, попадал в руки бандеровцев живыми.

Лучше других понимал Воронцов и реальность опасности, подстерегавшей додж и его небольшой экипаж на этом коротком отрезке пути по бездорожью в тылу собственного фронта. Но перспектива военного трибунала была ненамного лучше, тем более, что эта перспектива не имела сослагательного наклонения: генерал Ионов своей запиской занёс над его, Воронцова, головой меч палача, который обязательно опустится, если он, Воронцов, не прибудет в часть полковника Петрова, и тот не доложит вовремя по команде.

– Приказ 100 не регламентирует действий в условиях боя, а мы уже в бою, это во-первых, а во-вторых, где-то впереди нас прошёл гвардейский кавалерийский корпус, и именно нашим маршрутом. А

после гвардейцев-кавалеристов, я думаю, врагов в живых не остаётся.

Это была сущая правда. О гвардейских кавалеристах ходили легенды. Они не просто проходили маршем. Они вели постоянную разведку в движении, их подвижные небольшие группы прочёсывали весь лес, по которому должны были пройти кавалерийские дивизии и тылы корпуса. И бдительности этой конной разведки могли бы позавидовать все разведки мира, как и свойству разведчиков-казаков видеть в темноте так же хорошо, как и днём, слышать и понимать любой шорох в лесу, замечать самый незаметный и маленький след, оставленный человеком или животным на траве, на деревьях или кустах. Причём делать это быстро, не снижая темпа движения. А уж уйти от казачьего разъезда в лесу ли, в поле ли, была затея вовсе пустая и бессмысленная: пуля догонит, а шашка прикончит. Гвардейские кавалеристы наводили такую панику на любого, кто хотел бы посидеть в кустах и покараулить одинокую машину со шмайсером в руках, что за ними ещё долго можно было бы ехать без боязни. Всё так, но, поворачивая на просёлочную дорогу, Воронцов не знал, что гвардейский кавалерийский корпус прошёл намного правее, точнее, даже не прошёл, а ещё шёл, догоняя танковые бригады и мотопехоту первого эшелона, разворачиваясь для поддержки атаки на Город. И его разведка, расчищая путь дивизиям и полкам, свернула с дороги намного дальше, стороной обогнув лесной массив, через который пролегал теперь путь капитана Воронцова.

6

За последний год Оксана подросла и как-то немного повзрослела. Матери стало казаться, что дочь выросла и всё больше и больше напоминала ей покой-

ницу бабушку: рассудительностью, спокойным характером, упрямой складкой на лбу, когда она говорила: «Ни, я цього нэ буду, – или по-другому: – Нэ трэба, мамо, нэ пытайтэ, я потим сама скажу». У Оксаны было мало свободного времени: самая старшая из детей, после гибели от случайной бомбы отца ещё при первом приходе советской армии или «москалив» (как говорили местные жители – «за пэршых совитив») в 1939 году, она во всём помогала матери: стирала, готовила, мыла полы. Ещё делала с маленькими, которые учились в местной начальной школе, уроки, да и сама в течение двух лет успела закончить советскую семилетку в соседнем большом селе, куда каждый день добиралась пешком через Винниковский лес, который при австрийцах и поляках назывался Королевским, а ещё раньше Чёрным. В этом лесу, пугающем хуторских детей, по преданиям водились черти и лешие, в болотистых озёрах жили водяные, а когда-то давно в дальнем урочище была поляна разбойников. Там они несколько раз в году жгли большие костры, делили добычу, хвастались своими разбойничьими подвигами и пели длинные печальные песни. Да и прозвище, ставшее потом по воле австрийского сейма фамилией, у половины здешних хуторян было Лисовый. А какое ещё прозвище можно дать людям, живущим в самом большом на всё Прикарпатье лесу? В этом лесу как будто специально сошлись север и юг, запад и восток: ели и сосны, дубы, буки и грабы, берёзы и лиственницы – представляли в нём разные природные ландшафты. Всё поросло орешниками, малинниками, кустами волчьих ягод, а густые заросли папоротников часто скрывали целые земляничные поляны – райские уголки европейских реликтовых лесов.

Оксана с детства боялась леса. Она никогда, подобно соседским детям и своим

младшим братьям и сестрёнкам, не заходила в него далеко, аж за дальнее озеро, туда, где начинались тёмные, густые, мшистые заросли. За грибами, за ягодами бегала она только в ближний, светлый, лес, в котором было много полян и тропинок. Но даже этот лес казался ей загадочным и страшным. Все удивлялись тому, что в семье лесника (а её покойный отец прослужил в лесничестве при всех властях более двадцати лет) живёт такая девочка. «Як нэ ридна йому», – поговаривали соседи. Да и во всём другом Оксана была особенной девочкой. Прежде всего поражала в ней способность сопереживать, сочувствовать чужому горю, чужой беде. Ещё в детстве она подбирала на опушке выпавших из гнезда птенцов и пыталась их выкармливать и выхаживать. Бездомной кошке она могла тайком от домашних вынести блюдо молока, а потом долго и ласково смотреть, как бедное голодное животное жадно лакает это молочко и приговаривать при этом: «Бидна моя, йиж, йиж, я щэ прынэсу». Из всех своих занятий Оксана больше всего любила доить корову и ходить в церковь. От коровы так приятно пахло домом, сеном и молоком, она так ласково тыкалась в руки Оксаны, что той хотелось обнять Ганьку (так звали корову) за шею, прижаться к ней лицом и почему-то заплакать. Церковь, куда часто ходила Оксана, находилась в соседнем большом селе. Церковь Воскресения была каменной, построенной хорошим архитектором на деньги какого-то австрийского графа-мецената ещё в XVIII веке и принадлежала греко-католикам. Поэтому в ней было очень красиво: большой пышный православный иконостас соседствовал с деревянными резными изображениями святых, раскрашенными в яркие тона масляной краской. В углу у входа всегда горела лампадка у деревянной резной скульптуры Матери Божьей с маленьким

ребёночком на руках. В полутьме Оксана останавливалась и начинала молиться и всегда просила у Матери Божьей только одного: чтобы все люди – близкие и дальние, большие и маленькие (маленькие – особенно) – были живы и здоровы, а если и умирали, то попадали в рай. Как там красиво, она видела в церковной книжке для детей, купленной в Городе и ещё давно подаренной ей отцом. В этой книжке была нарисована поляна, окружённая кустами и деревьями с цветами невиданной красоты, на которой маленькая девочка обнимала за шею белую пушистую козочку, а вокруг неё собрались в кружок звери: медведи, волки, олени, львы, кабаны с кабанятами и странные на вид единороги, но все, несмотря на свой иногда свирепый нрав, были с большими добрыми глазами. Они смотрели на девочку и радовались вместе с ней, а в небе над поляной летела стайка белых ангелочков, которые дули в золотые трубы и пели песенку, восхваляющую Боженьку. И всё было хорошо и спокойно, все любили друг друга, не было ни ненависти, ни злобы, ни войны. Оксана всегда хотела, чтобы всё было так: ни ненависти, ни злобы, ни войны, но особенно она хотела этого в последние годы, начавшиеся смертью отца. Тогда, в сентябре 1939, никто ничего толком не знал. Хуторской войт на все вопросы отвечал односложно «Якось будэ». Но эта его, унаследованная от предков, многовековая мудрость галицийских мужиков, всё равно не помогла: немцы (как говорили потом в управе – по ошибке) отбомбились по окраине хутора, где стояли два стога сена и под навесом пыхтела паровая молотилка, которую приспособили для распиливания толстых сосновых брёвен на доски местные умельцы. Этим нужным для хутора делом и занимался Оксанин отец, выбиравший для односельчан лес для рубки из тех отбракованных ле-

син, которые ещё могли быть использованы для изготовления такого нужного в хозяйстве материала. Лётчики, гонявшиеся на бреющем полёте за разбредавшимися остатками польского войска, наверное, приняли самодельную пилораму за что-то военное или несущее потенциальную угрозу. А может быть, просто спикировали из охотничьего инстинкта. Когда Оксаниного отца нашли, он был ещё жив, но говорить уже не мог. Так закончилась для Оксаны жизнь света и началась жизнь во тьме страдания и горя.

Прошлой весной Оксана стала уединяться всё чаще, часами бродила по окрестностям, собирая маленькие лесные фиалки, которые ранним весенним утром походили на капельки росы, выпавшие из слёз неутешных сестёр Лазаря, которые так тронули Господа, что он воскресил им брата. Оксана думала, что если бы что-то ужасное случилось с её любимым маленьким братиком Миколой, она бы тоже умоляла Господа, тоже плакала бы над его тельцем так сильно, что Бог вернул бы его. Оксана шла по тропинке к часовенке у трёх дорог, которую соорудили местные умельцы после гибели её отца, отрешённая и одинокая в целом мире. А там, у часовни, возложив к ногам Божьей Матери лесные цветы и подлив масла в лампадку, которая благодаря её стараниям никогда не гасла, она начинала тихо плакать. Комкая в руках белый платок, она вспоминала сильные натруженные руки отца, его улыбку, его карие добрые глаза и не могла поверить, что отца уже нет – нет ни улыбки, ни прокуренных усов, ни карих глаз – нет ничего, кроме памяти и страшных слов, которые прокричал ей соседский парень Мирон в тот чёрный для неё день: «Оксана, тата вбылы». Даже теперь Оксана не могла представить себе отца мёртвым, лежащим в гробу. Она поднимала свои глаза к небу, по которому высоко-высоко

плыли белесые облачка и там, среди этих облаков, на зелёной небесной полянке, внутренним оком неистраченной любви она видела отца, белых больших очень красивых птиц и ещё кого-то, кого она всегда чувствовала в своей душе.

Тогда Оксана вдруг улыбалась чему-то далёкому и хорошему, тёплое чувство любви и страдания охватывало её целиком, и она шла домой по лесной тропинке, думая уже о своих маленьких, но важных делах.

В последнее время ещё одно беспокойство вмешалось в её жизнь: Мирон. Вот уже скоро год, как возле криницы он внезапно прижал её к себе и сказал горячо в самое ухо: «Дружиною мэни будэш. Ни за кого нэ пидеш. Вбью, якщо взнау». После этого отец Мирона заходил к её матери, её отослали к соседке, а мать с сивоусым Иваном – отцом Мирона – проговорили о чём-то целый час. Оксана по глазам матери поняла: говорили о ней. Она тихонько зашла в хату в самом конце разговора и услышала, как сивоусый Иван сказал: «Так и выришылы, Марийка, не встыглы мы колысь пориднытыся, нэхай диты риднятыся». Оксана густо покраснела, но взрослые тогда сделали вид, будто бы ничего не заметили. Только поздно вечером мать подошла к её постели и тихо поцеловала в лоб. И от этого молчаливого и печального, будто бы прощального поцелуя Оксана заплакала в подушку, чтобы никто-никто в доме – ни мать, ни братья, ни сёстры – этого не слышали.

Мирон нравился Оксане своими независимыми манерами, сильным и гибким телом, красивыми тёмными глазами. Нравился тем, что всё умел делать ладно и быстро – этим он напоминал Оксаниного отца. Нравился, когда пел и плясал на редких в последние военные годы хуторских посиделках. В большой клуне войта под островерхой крышей собирались по

сельским праздникам хлопцы и девчата, занимали места на длинных, вынесенных из хаты скамьях и обрубках толстых пней напротив друг друга и слушали музыку: скрипача, гармониста и барабанщика, изображавшего традиционное молодецкое «бум-цык-цык» на барабане с прикреплённой сверху медной тарелкой. Музыкантов на возу с сеном привозили из большого села за лесом и благодарили их деньгами от войта и богатой «гостыною» от хуторян. На этих посиделках повторялось одно и то же. Сначала долго все стеснялись и только переглядывались, но вот одна, две, три пары входили в круг, а потом ноги сами начинали подскакивать на одном месте, губы вдруг начинали подпевать мелодии «скрыпаля», и вот уже сам собою создавался разноцветный круг, руки сцепляли его в единое целое, и он начинал крутиться, всё убыстряясь и убыстряясь, весь подчиняясь коллективной воле давно забытых предков. А потом, устав плясать, молодёжь в темноте южного вечера ещё долго пела печальное: «В чэрэси крис, в руках топир, гуляе хлопэц з журбою».

Оксана даже стала привыкать к мысли о замужестве, стала иногда думать о своём собственном большом доме, о детях, представляла в мыслях картины спокойной семейной жизни, о которой она с самого детства мечтала. Иногда она открывала створки скрини, где хранилось собранное ещё отцом приданое, и смотрела на вышитые красными и чёрными крестиками рушники, наволочки, сорочки и совсем новое платье с киптариком, обшитым золотыми нитками. «Як бы я хотила, щоб всэ було добрэ», – думала Оксана, и в эти минуты глаза её застилались каким-то белесым туманом – это накатывала непрошенная слеза.

Одно только мучило Оксану: в последние месяцы, с тех пор, когда он добро-

вольцем вступил во вспомогательный батальон (а проще – боивку Украинской повстанческой армии – УПА), Мирон сильно изменился. Старики, которые называли боивку УПА проще – бандривци, неодобрительно отзывались о них: «Молода кров грае – прыйдуть нови паны – чубы пообскубують», а Мирон и его друг Юрко только посмеивались, щеголяя в новенькой униформе с нашивками «УПА» и серебряными тризубцами в петлице. Мирон, наведываясь на хутор к отцу, хвастался, что служит в боивке самого генерала Зинкевича по партийной кличке «Тур», что происходит генерал из давнего галицийского «руського» рода, чуть ли не от Галицких князей, что человек он замечательный, смелый и решительный, что с немцами он не дружит, а москалив не боится. «Нехай тильки полизуть – зараз юшку выпустымо», – хвалился Мирон, хватанув за обедом стакан доброй самодельной горилки.

– Ты нэ дужэ пыскай, – урезонивал его сивоусый Иван, – тэпэр москали, кажуть, нэ ти, що булы у сорок пэршому, колы йих тысячи, як справжне быдло, нимци гналы по Глинянському тракту. Тэпэр кажуть у них танкы е, навить литакы е.

– А, тату, кыньтэ ту пропаганду москальску. На фронти в них тильки диды лышылыся, та татарва, що хочэ бигты з фронту. Що воны нам зроблять? Нас у боивци тильки тут пивтысячи, а шэ скількы боивок?

Сивоусый Иван не спорил, только качал головою да пыхкал трубкой с длинным мундштуком.

А Оксана, слыша иногда обрывки разговоров и споров, сильно мрачнела и глаза опускала вниз. Больше всего она боялась потерять хуторских хлопцев. За всех их, как ей казалось, она переживала одинаково – все ей как братья были. Но в глубине души больше всего она боялась

за Мирона, который с каждым днём становился всё роднее. «Нэ хочу, щоб Мырона, як татусю, забылы», – иногда думалось Оксане, но она тут же отгоняла эту казавшуюся ей абсолютно дикой мысль. Она думала ещё и о том, что, становясь роднее, он всё больше отдаляется от неё. Не только потому, что всё чаще неделями не появлялся на хуторе, но и потому, что всё чаще она не понимала его разговоры, а то и не одобряла их. Оксане запомнился вечер (это было поздней весной), когда он позвал её к ограде, разделявшей их дворы и, жарко поцеловав пахнущим самогоном ртом, сказал своим ломким баском: «Я москаля вбив, Оксана. Хлопци москальського льотчика зи збытого вчора литака знайшли в лиси. А мэни сам гэнэрал Тур наказав: «Стриль його, энкэвэди́ста-розвидны́ка». Я стрилив. За батьку твого, Оксана, я лышыв його жы́т-тя».

– Ой, Мырончику, батька ж мого нимци выбылы, а нэ москали.

– Москали, Оксана, я тэпэр точно знаю, що всих наших москали вбивають, а кажуть – нимци.

– Так литак же люды бачылы – з нямэцьким хрэстом на пузи.

– Оксанко, дытына моя бидна, цэ всэ москали роблять. И хрэсты малюють, щоб потим на иншых покарання звэсты. Я йому так и сказав: цэ тоби куля за наших людэй. А вин – ничого. Мовчкы помэр.

– Ой, Мыронэ. А тоби нэ страшно людэй вбиваты?

– Та хйба ж то люды – покыдькы москальски – однэ слово.

Оксана не чувствовала в себе ненависти ни к немцам, ни к тем москалям, которых она видела перед войной в райцентре и в школе, где впервые ей рассказали про большую страну на севере и писателя Пушкина. Она даже стихотворение запомнила, хорошее, жалостливое, на рус-

ском языке, понимать который ей было почему-то не сложно: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя, то как зверь она завоет, то заплачет, как дитя». Оксана представляла эту холодную, вьюжную страну со страшным названием «Сибирь», и ей становилось жалко всех живущих там людей в их затерянных среди снегов и тайги избушках: «Всэ ж и воны люды», – думала Оксана. И ей ещё долго потом (после того памятного разговора) было жаль молодого расстрелянного Мироном лётчика, жаль его одинокую мать в далёкой сибирской деревушке, напрасно ждущую сына с войны. Как было ей жаль и Мирона, и хлопцев с хутора, и даже этого неизвестного ей бандеровского генерала, испытывавшего, наверное, много горя и потому такого злого и отчаянного.

Как-то мать, когда они вдвоём что-то делали в стайне, сказала ей между делом: «Щось нэ выдно Мырона, й додому вжэ нэ приходьты».

– Ой, мамо, – вспыхнула вся Оксана, – Мырон в лиси, наши спильни справы заладовуе.

– Нэма там нияких справ, – розбий цэ и вбивство, – резко ответила мать, – И тэбэ вин нэ любыть. Як любыв бы – приходыв.

– Ой, мамо, нэ трэба так казаты. Мырон – файный хлопэць.

– А, файный, як вбьють – щэ файнишый будэ. Нам, дытыно, нэ вояк, а чоловик до хаты потрибный.

Оксана ничего не сказала, но очень расстроилась. А два дня назад Юрко передал, что русские фронт прорвали, и они с Мироном идут куда-то в поход – не скоро вернутся. И добавил, что Мирон её любит, просил ждать, когда закончатся бои, а с ними – и его служба. Потом вечером её мать и сивоусый Иван долго стояли во дворе и смотрели на небо, на котором там, на востоке, уже были видны багряные сполохи и слышен страшный

подземный гул. Этот гул иногда сменялся визгом и грохотом, как будто кто-то водил куском железа по огромному стеклу, а потом – снова наступало однотонное громоуханье.

– Цэ йихня артылэрия бье, – со знанием дела говорил сивоусый Иван, служивший в первую мировую в австрийской армии. – Воны як зачнуть лупыты, то дэнь и нич лупають. Зараз нимцям тым я б нэ позаздрыв.

– Ой-ой-ой. Беда будэ, страшна беда, – то ли соглашаясь, то ли о свёем говорила мать. – Тилькы б божечка дав нам порятунку.

– То страшна бийка, Мария, всэ можэ буты, – отозвался из подкрашенной далёкими багровыми отсветами темноты сивоусый Иван.

Оксана чувствовала, что приближается что-то страшное, но ни подумать, ни сказать ничего не могла.

Два дня хуторяне прятались в погребе, слушая приближение смертного гула. Над хутором несколько раз с рёвом и визгом проносились маленькие серебристые самолёты с яркими красными звёздами на крыльях. А высоко в небе беспрестанно гудели по ночам тяжёлые бомбардировщики, пронося свою смерть дальше, куда-то за хутор, и за Город, так что разрывов бомб слышно не было.

На третий день гул перенёсся вправо, за лес, и потом стал стихать, самолёты пролетали на большой высоте, и в хуторе наступила тишина. Рано утром мальчишки разнесли по хутору весть от старосты: бои у Золочева закончены, русские колонны идут на Город, поэтому им не до хутора. Из домов войт просил не выходить, по улицам не шляться, будет новая власть – он оповестит. И ещё добавил: «молиться». Мать с Оксаной спрятали младших детей в подпол, туда же отправили из погреба и печки еду: булку хлеба, большую миску

свеженьких картофельных лепёшек, немного сала и жбан молока.

– Сыдить тыхо, нэ вымахуйтэсь, нэ крычить, биду наклычэтэ, – сказала им Оксана.

– Добрэ, Сяню, мы посыдымо, тилькы ты до нас прыходь, щось повидай, а то страшно, – ответил ей из схрона маленький Микола.

Уже было около восьми утра, когда Оксана прибралась в хате и вышла во двор подсыпать запёртым в курятнике с вечера курам зерна на день. Не успела она пройти и половину двора, когда услышала со стороны ближнего леса сильный взрыв и стрельбу. Потом раздался звук приближающегося автомобиля. Мотор автомобиля сильно ревел, как от боли, на подъёме возле хутора. Оксана опустила ведро и стояла, как замороженная. Услышав стрельбу, она сразу же подумала о Мироне, – не зря же они пропадали в лесу неделями, о том принесённом Юрко известии, что уходят в поход. Кто-то как будто шепнул ей «Мирон», и она замерла посреди двора, не побежала в хату. В конце улицы уже показался военный грузовичок на небывало высоких колёсах. Шёл он быстро, с воющим и почему-то чадающим двигателем, и как-то боком, неудобно покосившись в одну сторону. Машина приближалась, и Оксана хорошо различила мужчину в чёрной маленькой папаше с красным верхом, держащегося за какую-то толстую палку на треноге. «Боженько, хто ж цэ? Цэ руськи, що цэ воны роблять тут?» – успела подумать Оксана и вдруг увидела, как из дверей дома выскакивает маленькая фигурка и с криком «Сяню! Я боюся!» кидается к улице, прямо наперерез мчащемуся грузовику.

– Мыкола! Назад! Мыкола! – закричала Оксана и кинулась что было сил за братом. Она догнала его почти у дороги, схватила и повалила на землю, инстин-

ктивно прикрыв своим телом. И уже падая на брата, она вдруг почувствовала, что горячие, огромные огненные иглы впились в её грудь, вонзились в тонкую белую шею, перехватили дыхание. Оксана увидела, как медленно-медленно взлетает с яблоньки, посаженной отцом той давней весной, когда она была маленькой и счастливой, большая красивая белая птица, как поднимается она в воздух и исчезает в белесо-голубом небе. Она улыбнулась чему-то хорошему, доброму, вечному и перестала быть.

7

Комдив – семь (Седьмой Гвардейской Дальневосточной кавалерийской Орденов Красного Знамени и Богдана Хмельницкого дивизии) остановил свою разболтанную военными дорогами «эмку» с двумя ведущими мостами (коня конюводы водили за генералом в обозе) и дождался, когда к нему подбежит штабной порученец с блокнотом. Комдив уже давно приучил тех, от кого зависела быстрота и чёткость исполнения приказаний без слов угадывать его намерения.

– Лейтенант Егоров, – вытянулся лейтенант связи и приготовил блокнот.

Комдив не спешил, достал портсигар, вынул папиросу (ему «Казбек» специально присылали из Москвы – он курил только папиросы «Казбек» и только фабрики «Ява»), чиркнул серебряной зажигалкой и затаился.

– Не нравится мне это, – сказал он, ни на кого не глядя, – не нравится.

Он хмуро оглядел собравшуюся у его «эмки» уже довольно большую кучку офицеров штаба и продолжил.

– Слышите, бой позади влево от шоссе. Что это за бой в тылу дивизии? И почему это, – он возвысил командный голос, – я его чую (бывший донской казак, получив-

ший хорошее военное образование, он вставлял иногда в речь слова казацкого диалекта), а вы, начальник разведки, – комдив посмотрел на подбежавшего майора, – вы не чуете.

– Чуем, товарищ генерал, – усмехнулся начальник разведки, – я уже готовлю взвод из разведэскадрона с двумя пулемётами – разобраться.

– Да там не взвод, – он обернулся к адъютанту, – передайте Барабанову, это как раз в его направлении, – пусть выделит полуэскадрон прочесать лес. Карту, Дима, быстро, – приказал он адъютанту, и когда перед ним развернули карту продолжил: – Прочесать лес в квадрате К-8. И хорошо прочесать. Вы читали шифровки разведуправления фронта?

– Так точно читал, – ответил майор-разведчик.

– А если читал, то знаешь, что делать. Сам возглавишь операцию, возьми опытных казаков, связь наладь – не мне тебя учить.

– Думаете – там что-то есть?

– Я не думаю, майор, я знаю. Здесь лес вековой, где же ещё схронам быть. Нам все эти схроны не нужны, пусть там сидят, их НКВД потом пособирает, – генерал наклонился к уху майора Ступина, и шепнул так, чтобы слышал только тот, – нам генерал Зинкевич нужен, штаб его нужен и документы. Там его, видно, кто-то случайно пуганул, он пальбу открыл. Думаю, демаскировал он себя, вояка грёбанный.

Ещё после Жмеринки и Подволочиска комдив-7 по приказу командующего начал заниматься подготовкой к окружению и взятию Города. Он получил и бессонными ночами знакомился со всеми материалами, которые были подготовлены Москвой о бандеровском движении. Он узнал о них всё: коды и пароли, места дислокации, связи и биографии, послужной список руководителей ОУН, он узнал и глав-

ное – его дивизия не только прикрывает тылы танковых и общевойсковых армий на направлении Города, его дивизия вместе с другими выделенными частями – в основном пограничными – БЛОКИРУЕТ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ УПА-УГА, уничтожает бандформирования в районах дислокации и не даёт им возможности переместиться в сторону Карпат, Закарпатья или Польши. Поэтому начальник разведки дивизии майор Ступин был откомандирован на специальные курсы при разведуправлении фронта и возвратился только несколько дней назад, перед самой операцией. Поэтому и дивизия, продвигаясь в лесистом массиве, позади войск и фронта, и армии, и корпуса, как бы медленно маневрировала, готовясь своими подразделениями к молниеносному броску при первом же поступлении развединформации от десятка разведгрупп, разосланных во все стороны. Но разведгруппы молчали. И тут, видимо, в дело вступил случай: кто-то другой, просто напоровшись на бандгруппу, вёл бой сзади и левее места их дислокации. Это было внезапно, и комдив почувствовал, что это неспроста. Так на охоте (а он был заядлый охотник) выходят часто на медвежью берлогу, – ищут в одном месте, и кто-то вдруг случайно напарывается на берлогу в другом.

– Давайте, хлопцы, быстро по коням, – генерал вышел из машины, – а мы здесь пока ноги разомнём, связь развернём, да почекаем трошки.

– Да, – добавил он, повернувшись к начштаба, – вы, Виктор Петрович, запросите авиаразведку, пусть посмотрят квадрат.

– Есть, – чётко ответил начштаба, повернулся через левое плечо и побежал, придерживая рукой шашку, к машине с радиопередатчиком, мачту которого уже устанавливали ловкие связисты на краю лесной поляны.

Ещё через несколько мгновений слышались команды, и с опушки донёсся топот лошадей уходящего с конной разведкой полуэскадрона. Приказы комдива-7 исполнялись с завидной чёткостью.

Полуэскадрон барабановского полка под командованием майора Ступина шёл на рысях в направлении лесного массива за озером, откуда только что были слышны звуки боя. Здесь, на лесной узкой дорожке, усеянной корнями вековых деревьев, освещённых пятнами пробивающегося сквозь кроны высоченных дубов и сосен света, устеленных ковром прошлогодних листьев и иголок, кони бежали мягко и пружинисто, зная своё место в строю слившихся с седлами всадников. Ничто не звякало и не стучало, кони, обученные казаками с самых жеребьих лет беспрекословно повиноваться, зная все команды и чётко нести службу, понимать слова, сказанные хозяином в ухо и самостоятельно держать место в строю с ослабленными трензелями, беззвучно и мощно несли своих седоков по заросшему тёмному лесу. Эта мощь неслышного быстрого движения полутора сотен всадников, мелькавших среди деревьев, как пущенные гулять по лесу тени ордынских конников средних веков, высматривающих свою несчастную жертву, являла собой что-то бесконечно мистическое, странное и завораживающее. Неподвижные тёмные кубанки над неподвижными в этом мощном неостановимом движении сосредоточенными лицами, освещёнными пронзительными взглядами прижмуренных глаз под насупленными бровями выдавали то историческое, даже генетическое сходство, которое несли эти молодые люди через седые века. Вот так – насупленно и пронзительно, неслышно и внезапно, в соединённом быстром и мощном порыве – столетиями приходили

русские казаки, основная станова́я сила русской армии, приходили на Кавказ, в Персию, в Сибирь, в Среднюю Азию, на Балканы, в Крым и Турцию, в Вену, Берлин, Париж, Варшаву, Будапешт, Белград, Варну, Софию, Манчжурию, Гоби, Хинган, Киев, Львов, Кенигсберг и Хельсинки. В этом священном порыве они преобразались из обычной кавалерийской воинской части в Воинство, их лица озарялись отблесками неземного света и руки, согласно выхватывающие из ножен шашки, возносились высоко над головами, а над ними вспыхивал в зените света острый лучик, отражённый зеркальной смертельной сталью клинка. И для многих, считавших себя врагами русского ору́жного Воинства, это и была сама Мечь, ниспосланная свыше.

Лесная дорога сделала поворот вправо, отряд конников поднялся на пригорок, деревья расступились, и перед ними заблестело серебряным блеском лесное озеро, окружённое рядами плакучих ив, вокруг озера шла едва заметная в высокой траве тропинка, а за озером виден был высокий сосновый лес, который простирался очень далеко, поднимаясь на невысокие взгорья и скрываясь за ними.

– Эскадрон, шагом! Стой! – привстав на стременах, крикнул привычным командирским голосом майор Ступин. – Слезай. Коней не поить, седла не расседлывать. Разведка, вперёд. Осмотреться!

Конный дозор вытянулся по одному и пошёл мелкой рысью вокруг озера, скрываясь в высокой траве так, что из неё были видны только кубанки да чубы казаков. Капитан – командир полуэскадрона – подбежал к Ступину, спешившемуся и поправлявшему седло и подпругу у тяжело дышавшей после бега высокой длинноногой кобылы Звёздочки, и доложил.

– Товарищ майор, визуальный осмотр озера показывает, что здесь недавно от-

дыхала большая вооружённая группа, потом она разделилась и почти половина, ну, или чуть больше, ушли на юго-запад, там ещё километров десять сосновый и буковый лес, потом окраины города, а другая отошла назад.

– Молодец, Тарас, хорошо смотришь и всё видишь, – как всегда полусерьёзно-полуиронично ответил Ступин, делая маленький глоток из фляжки с водой (очень опытный боец, он никогда не ел и почти не пил ни перед боем, ни в бою). Главный вопрос знаешь сам – это вопрос «когда» и «сколько».

– Ну, – крутанул рукой свой длинный ус комэск, – ну, часа два тому, а было их (он вспомнил примятую траву, окурки, несколько консервных банок, размер костра, забытый котелок, следы от повозки), а было их до сотни или чуть больше. С ними, видать, рация и начальство, потому что ему плащ-палатку настилали, чтобы поел и отдохнул.

– Вот-вот, «часа два», «или чуть больше», – неясно, какое решение принимать.

– Думаю, к западу двигаться надо, туда главные их силы ушли, туда они и бумажки свои унесли, – усмехнулся сквозь усы комэск.

– Шустрый ты, капитан, – недовольным тоном протянул Ступин, – шустрый и сильно догадливый. Когда не надо.

Он взглянул на комэска, тот опустил голову.

– Ладно, не тушуйся. Давай лучше вместе подумаем. Ушли-то ушли, но бой был вон за тем лесом. И бой был совсем недавно. Уже после их привала у озера. Что думаешь по этому поводу?

– Думаю, засёк их кто-то. Стали на себя отвлекать, пока начальство ихнее с документами хорошенько не оторвётся от преследования.

– Вот тут ты, брат, прав, но прав наполовину. Они заставу оставили, а застава

та подалась назад, к тому лесу, откуда вышли. И там, через час после разделения на две группы, напоролась та застава на кого-то, кого в районе этом и быть не должно. И дала бой.

Комэск хотел что-то добавить или возразить, но вдруг показал рукой за озеро:

– Смотри, командир, разъезд возвращается.

Из-за озера галопом возвращался разъезд, в руках они держали готовые к стрельбе кавалерийские карабины, было видно, что торопились. Старший разъезда – известный в дивизии разведчик – казачий старшина по фамилии Беда – ловко на ходу соскочил с коня (как умеют делать только потомственные казаки) и подбежал к офицерам:

– Товарищ майор, – слегка запыхался, но выражался ясно старшина, – там за озером дорога в село поворачивает, недалеко через лес идёт, а потом там взгорочек и сразу село ихнее, лесное такое село, глухое. Так там ещё другая дорога есть – к большаку, к шоссе то есть ведёт, и на той дороге – наш грузовик сгоревший, и два трупа около него – девушки-связиста и капитана артиллерийской разведки. Обоих из шмайсеров положили. Там водитель ещё был. И ещё кто-то был. Так по следам их в лес увели. Следов много там. Надо подмогу, разъездом не совладать.

– Вот, капитан, – радостно блеснул улыбкой комэску Ступин, – вот кто им карты попутал. Напугал их капитан этот, упокой его душу, в бой вступил, расшифровал. Теперь задача наша ясная: идти, куда старшина покажет, и преследовать их, пока не догоним. Потому что, – и он ещё веселее посмотрел на капитана, – там у них и бумажки, там и начальство, а весь этот срач, – он показал на бугор перед озером, на котором они обнаружили след от стоянки, – а весь этот срач – для отвода глаз и только.

– По коням! – прозвучал знакомый приказ. – Разведчики, вперёд. Ни звука. Первый взвод – с комэска – от леса! Второй взвод со мной – от дороги! Смотрите в оба, казаки, – крикнул он уже из седла, – там наши есть!

И уже обернувшись через плечо, напрягшись всем телом:

– К бою! Генерала – в живых, остальных – в расход! Ма-а-а-рш! И, больше не оглядываясь, Ступин послал свою Звездочку вперёд. Серыми тенями, на ходу перестраиваясь в два строя, разделяясь уже на том берегу озера на два ручейка, пошла казачья лава. Теперь каждый казак знал свой манёвр. Каждый казак знал, что проскакав минут тридцать-сорок, они перейдут с рыси на галоп, потом развернутся в цепь и, захлестнув петлю своего строя на вражеском горле, вырвутся на врага в упор и, сделав по выстрелу из карабинов, бросят их в седельные сумки и выхватят шашки. И тогда кто-то из старых казаков залихватски свистнет тем знаменитым свистом, от которого у противника в момент холодеет душа, и они ворвутся во вражеский круг, и начнётся то, вида чего не выдерживали на фронте даже бывалые вояки из пехотных и танковых частей и что называется простым словом «рубка».

Старшина Беда шёл на корпус лошади впереди Ступина. Потомственный казак дальневосточной станицы Сибирского казачьего войска, он ещё в детстве слышал от стариков рассказы о Первой мировой, когда где-то тут, возле Города, сшибались они с венгерскими гусарами и, как правило, гнали их, нещадно рубая, много километров в тыл австрийских позиций. Старики говорили и о том, что местное население относилось к русским неплохо, хотя мужское население говорить особенно не любило, а любило посасывать молча трубку, сидя на скамеечке возле хаты.

Женское же население казаков дичилось и ни о какой любви и слышать не хотело.

И вот теперь его конь меряет, может быть, последние метры перед схваткой с врагом, которого он никогда не видел, и в которого теперь, уже во Второй мировой войне, превратились сыновья тех молчаливых мужиков и несговорчивых женщин. Впереди была большая, поросшая по краям зарослями папоротника, поляна. Беда дружинисто приподнялся на стремянах, поднял руку, и строй затормозил, на мгновение, казалось, почти замер. На поляне кто-то был. Там что-то шевелилось, брякало и вскрикивало. Доносились голоса. И вдруг раздался душераздирающий, нечеловеческий вопль, от которого привычный к разрывам снарядов конь Беды присел. Ступин молча показал рукой вперёд. Беда выхватил из ножен шашку, отпустил коня, тот, как будто мысленно повинувшись старшине, вынес его на открытое место. Двое человек, что-то делавших у дерева, оглянулись на страшного конника в кубанке с синим верхом, и их лица выразили последнее в жизни крайнее удивление: справа грянул выстрел из карабина, тонко свистнул клинок, и обоих не стало. По поляне, пытаясь отстреливаться, бежали люди в незнакомой униформе со шмайсерами в руках. Они растерянно озирались, направляясь к противоположной опушке, но оттуда уже выносился на галопе конный взвод, впереди которого развевалась бурка козёска. Кто-то пронзительно свистнул, и две лавы сомкнулись в центре поляны. Раздались характерные свистящие удары шашек и звуки, похожие на звуки скотобойни в разгар рабочего дня: сдавленные хрипы, мычание, треск рвущегося на части тела, хлюпанье и бульканье крови. Ступин нахмурился, отвернулся и поехал к тому месту, где возле векового дуба что-то белело и краснело одновременно,

и где виднелась повозка, запряжённая парой крестьянских лошадок. Возле дуба в одиночестве, держа коня в поводу, стоял старшина Беда и тупо смотрел перед собой. То, что увидел Ступин, присмотревшись, не поддавалось никакому описанию: у дерева, на ремнях, закрученных за толстые ветки, висел со связанными, вздёрнутыми и вывернутыми вверх руками пожилой военный, свесивши безвольно вниз голову с седым чубом. Вместо глаз, языка и ушей у него зияли безобразные рваные раны, вокруг которых уже вился рой жирных навозных мух. Но самое страшное было на его голом, исполосованном ударами ременной плётки торсе. От груди и до пупа живот был криво распорот, и из него вываливались грязные багровые кишки вперемешку с зерном, которым палачи набили его как будто в насмешку. На шее трупа была привязана фанерка с надписью крупно чернильным карандашом: «Смерть москалям». Ступин протянул руку и, внутренне вздрогнув, снял фанерку. Майор поднёс её к лицу и вдруг увидел едва заметную в полутьме вековых деревьев приписку внизу, причём уже другим – дрожащим – почерком: «За Оксану». «Так, так, – подумал Ступин, – ну тебя-то мы найдём, подруга».

– Что делают, сволочи, – не замечая того, что вокруг дерева уже начинают собираться спешивающиеся кавалеристы, заговорил Беда. – По всему видно – казак был, геройский мужик, вон и кубанку я подобрал.

Старшина поднял к лицу кубанку с красным верхом, перевернул её подкладкой вверх и прочитал:

– Старшина Вырин. Вот так-то. Геройский, значит, был старшина, – что-то дрогнуло в голосе Беды, и он замолчал.

Угрюмо насупившись, молчали казаки.

Чёткий голос Ступина прервал молчание.

– Значит так. Комэска – ко мне! – И подбежавшему капитану. – Подсчитать потери. Трофеи осмотреть. Убитых военнослужащих здесь и у дороги похоронить. Мне связь, немедленно. Разведку – в направлении хутора. Всех подозрительных задерживать. При сопротивлении расстреливать на месте. Да шевелитесь вы!

– Есть, – козырнул капитан и, отдавая на ходу приказы, побежал к выючным лошадям, где связисты уже снимали походную сумку с рацией и забрасывали антенну на высокую отдельно стоящую сосну.

Ступин взял за локоть всё ещё оторопело стоявшего Беду и сказал ему тихо, но властно:

– Похороните Вырина, и тех, у дороги, вы знаете, где они лежат. Поищите документы. Пометьте место временным знаком – потом будем памятники ставить, если вернёмся. Разберитесь, Беда, с этим делом. Я укажу их имена в донесении. Надо, чтобы всё по-человечески было. А этих, – он обернулся к разбросанным по поляне трупам в непривычной зелёной форме, – положите на повозки и отправьте в село. Пусть их свои хоронят. Нам они теперь без надобности.

Ступин уже знал, что генерала Зинкевича здесь нет. Что нет и его связников, и его архива. Теперь он понимал, что ещё тогда, когда они стояли у озера, генерал оставил свою группу и, повинаясь только волчьему чутью, ушёл налегке, унося с собой минимальный груз: шифровальные книги, рацию, списки агентуры, деньги, которые всегда необходимы, а особенно в подполье, новые, прибережённые на крайний случай явки и пароли, отлично сделанные советские документы. Ушёл с двумя-тремя особо доверенными людьми и уже завтра объявится в каком-либо райцентре под личиной уполномоченного по заготовкам или, ещё лучше, инспектора наробраза с

чистым паспортом и чужой биографией. Да, брат Зинкевича надо было сейчас. Или хотя бы попытаться брать. Но где он? И был ли здесь?

Ступин обошёл поляну, внимательно рассматривая разложенные казаками на траве трофеи: оружие, ящики с боеприпасами, мешки с немецкими продуктами: тушёнкой, консервированным молоком, плитками эрзац-шоколада и яичным порошком в больших железных банках. Ничего интересного не было. Только возле повозки прямо на траве он нашёл окурки сигареты с необычным золотым ободком. Он поднял его и прочитал на папиросной бумаге «Camel». «Ага, Америка, – подумал Ступин, – в грёбаном диком лесу – Америка». Потом он поднял голову и долго всматривался в ветви деревьев на краю поляны недалеко от того места, где стояла повозка. «Ага, – подумал он, – антенну то разворачивали, причём в спешке собирались – верхушку сосенки надломили, видно, антенна запуталась. Насвистывая мотив из кинофильма «Волга-Волга», Ступин быстро перебежал поляну и подошёл к связистам, спросил:

– Ну, что, есть связь?

– Есть, товарищ майор. Давайте шифровку.

В своём спецблокноте Ступин быстро написал шифрограмму и передал сержанту-шифровальщику. В блокноте значилось:

«Комдиву-7 Дроздову. Начальнику Особого отдела управления контрразведки СМЕРШ 6 Гвардейского кавалерийского корпуса Данилову.

Разведгруппой 7 кавалерийской дивизии проведена разведка лесистой местности в направлении Винники-Залесье. Обнаружены следы дислокации большой группы боевиков УПА-УГА восточнее хутора Лесного, а также арьергард этого подразделения в составе около пятидесяти

сяти человек. В результате боя арьергард уничтожен. Продолжаю преследование быстро отходящей части боевой группы, среди которой предположительно объект Пастух. Потерь не имею.

Майор Ступин».

Объектом «Пастух» в шифрограммах именовался руководитель боевой организации УПА-УГА генерал Зинкевич.

Ещё через несколько минут казаки стояли возле только что открытой могилы. На большом брезенте, найденном на месте боя, лежали собранные казаками трупы советских военнослужащих, закрытые плащ-палатками. На одной из них кто-то оставил кубанку с красным верхом, которая напоминала собой об ужасной гибели кубанского казака.

Ступин подошёл к могиле, взглянул на плащ-палатки, на лица казаков:

– Братья-казаки! – начал он свою речь по обычаю. – Сегодня мы провожаем в последний путь героев, наших товарищей – артиллеристов, погибших здесь, на этой украинской земле от рук бандитов. Враг – он поднял голос, добавляя в него нотку металла, – враг думает, что он запугает нас жестокостью и коварством (Ступин посмотрел на красноверхую кубанку), враг думает, что он посеет в наших душах сомнение и страх. Враг хочет нас сломить, но он жестоко ошибается. Красные кавалеристы, воспетые в легендах и народных песнях, разгромят любого врага, как бы коварен и жесток он не был. Прощайте, товарищи. Спите спокойно. Мы отомстим за вас.

– Давай, – повернулся он к комэска, и тот скомандовал отделению, стоявшему с поднятыми в небо карабинами, готовыми для салюта:

– Отделение, огонь!

Грянули три прощальных залпа, разорвав заветную тишину леса. Ступин бросил горсть земли на опущенные в могилу

тела, и казаки быстро и ловко заработали сапёрными лопатками, закапывая могилу. «Да, – подумал Ступин, – что-то, а зарывать могилы они научились хорошо». Пока одни казаки быстро забрасывали землёй могилу, другие соорудили из нескольких досок от разломанных оружейных ящиков пирамидку со звездой. Звезда, как и всё надгробие, получилась зелёного защитного цвета. По зелёному старшина Беда относительно ровно вырезал надпись: «Капитан Воронцов, мл. лейтенант Смирнова, старшина Вырин».

– Вот так-то, – сказал со вздохом Беда, – пока вот так-то сделаем, по простому, а потом – вернёмся назад из Берлина – памятник поставим, мраморный, как на Новодевичьем в Москве.

Беда был перед войной с делегацией коневодов на ВДНХ и часто – к месту и не к месту – вспоминал всё, что видел во время многочисленных экскурсий.

– На всех мрамора не хватит, – откликнулся кто-то из группы казаков, – сколько полегло, за сто лет не счесть.

Майор резко отвернулся и, не оглядываясь, пошёл к коновязи. Навстречу ему коновод уже вёл в поводу рослую рыжую с подпалинами кобылу. Вскивая в одно касание в седло, Ступин подумал о том, что он, в сущности, добрый и глубоко гражданский человек, который всё никак не может привыкнуть к этой бесконечной жестокости войны: «Учителем бы мне в школу. Истории детишек учить. Как было бы славно». Ступин нахмурился, привычно отогнал ненужные, как ему казалось, мысли и крикнул: «Взвод разведки, за мной, остальным привал!» Он пришпорил кобылу и на рысях пошёл по направлению к лесному хутору. Надо было попытаться отыскать того, кого называли в шифровках Пастухом, а для начала надо было найти Оксану, чьё имя так некстати осталось на фанерке,

найденной на шее замученного бандеровцами казака. «Разберёмся, во всём разберёмся», – подумал Ступин.

8

Ступин лежал в небольшом углублении, между двух молодых сосенок, тянувшихся к летнему солнечному небу. Сознание то уходило, то возвращалось, то как будто мерцало в отдалении, представляясь небольшим костерком, догоравшим на занавешенной туманом лесной поляне. Огоньки мерцали всё меньше, всё отдалённее, и кто-то издалека, казалось, говорил ему ласковым, нежным, до боли знакомым голосом: «Потерпи, сыночек, скоро всё закончится, всё будет хорошо». «Мама, мама, – хотел позвать Ступин, – мама, я здесь». Но тьма набегала на него, и начинались видения.

А было вот что. В маленьком кафе на улице Армянской (многие улицы в центральной части Города носили по средневековой традиции названия населявших их национальных общин: «армянская», «русская», «сербская») Ступин ждал человека. Вернее – женщину. Вернее ту, которую любил. Или казалось, что любил. Ступин никогда не мог бы сказать однозначно, что он кого-то любил. Он испытывал сильные чувства, страдал, писал стихи, сочинял песни, которые нравились его немногим друзьям, но любить... Это было что-то неуловимое, что-то не совсем понятное. Несмотря на хорошее филологическое образование, массу прочитанных книг и достаточный (как он всегда думал) жизненный опыт, любовь для Ступина была таким состоянием (вернее – «экзистенцией», ему нравились умные слова), которое заканчивалось, как только начиналась не-свобода. Вообще говоря, больше всего на свете он ценил свободу, ту свободу, которую давала его относительная жизненная

и финансовая независимость (он закончил университет и долго работал на «престижной» работе, которая к тому же не была противной и не обременяла слишком). Однако, не эти прагматические факторы составляли его ТАК ОБЕРЕГАЕМУЮ свободу. Он ощущал свободу не философским способом (как высшую ценность), не умозрительно (как некий словарный смысл), а так, как ощущают дыхание майского утра – как форму ощущаемого всеми клетками тела существования, форму единственного возможного бытия. При этом (как и многие известные ему граждане Города) он ощущал эту свободу в любом случае, даже на заседании кафедры или партийном собрании факультета, где обсуждался все годы его работы в советском вузе только один вопрос: «О практической направленности образования». Этот не поддававшийся позитивному решению вопрос, как он предполагал, был своего рода свидетельством мании преследования, постепенно развившейся у партийного руководства вуза.

Много позже, занимаясь культурной антропологией, Ступин поймёт, что ГРАЖДАНИН их Города – это был некий особый этнос, рождённый природной человеческой мутацией периода Ренессанса, когда триста лет Городом правили венецианские дожи и чешские банкиры-аристократы, буквально наполнившие Город не только каменными домами и памятниками ренессансного и барочного стиля, но и ренессансным и барочным стилями мышления, идеями самосознания и самоопределения.

Здесь, на Армянской улице, в подъездах, называемых на польский манер «брамами», были замечательные каменные дворики, застроенные со всех сторон высокими каменными домами в два-три этажа. Эти внешне не похожие друг на друга дома были исчерчены по внутреннему

фасаду длинными балконами, на которых когда-то проходила вся жизнь южных городских семей: стирка белья, выбивание и вытряхивание вещей, готовка, мойка, прогулка, свидание, рождение, старость и смерть. Ступин сам вырос в подобном дворе, правда, более поздней архитектуры, но сохранившем неизбывные черты ренессансного двора: с балконами по периметру, с одиноким деревом и маленькой каменной капличкой, в которой стояла раскрашенная фигурка божьей матери и когда-то, в досоветские времена, теплилась по ночам лампадка. Образ Города оставался для него навсегда таким: стиснутый с четырёх сторон домами двор, нависающие по периметру балконы и квадрат неба, то синего-синего с белыми далёкими облачками, то серо-стального, низкого с мохнатыми, цепляющимися за крыши грязно-коричневыми клочками.

Ступин ждал, потягивая горький горячий кофе, приготовленный в джезве на раскалённом речном песке, когда тепло распределяется ровным слоем по всей поверхности маленькой медной посуды, и кофеин полностью выпаривается из порошка в раствор. По всему пространству зала со сводчатым потолком разносился замечательный запах свежемолотого жареного кофе – запах, преследующий тех, кто вырос в Городе, всегда и везде. Ступин смотрел в окно: на камни мостовой, на окна дома напротив, над каждым из которых был помещён вылепленный из гипса маленький ангелочек, на редких прохожих, спешащих по своим делам под разноцветными зонтиками (как часто бывает в Городе – накрапывал мелкий затяжной дождь). Потом взгляд его переместился внутрь кафе: вот за столиком в углу как обычно сидят молодые художники, этот, с бородкой и усиками «а ля мушкетёр», чуть ли не самый известный в их компании. Он и скульптор,

и график, и портретист. Обычно очень экспансивный, он был каким-то грустным сегодня. Тихонько пил кофе и только изредка бросал фразы, разрывая диалог двух его поклонниц – студенток художественного института, часто повторявших «Мадильяни, Мадильяни, Ван Гог, Боттичелли, ну это вообще, правда, Толик?» «Угу, вообще, угу», – мрачно вставлял Толик. «Да, – думал Ступин, – теперь ему достаётся от бандерлогов за двух Иванов Федоровых – за памятник на его КАК БЫ МОГИЛЕ, да за памятную доску на доме, в котором он ЯКОБЫ УМЕР. Напомнят, кто был по национальности «первопечатник московский».

Дверь с мелодичным звоном колокольчика отворилась, и в кафе зашли двое молодых мужчин, один – в шикарной фетровой шляпе, с которой на пол стекала вода. «О, привит, пановэ», – поздоровался первый, стряхивая со шляпы крупные капли дождя. «Оксанцю, нам дві кавуси і прошу одну найсмачнішу «Прагу», – добавил он барменше за стойкой и положил шляпу на ближайший к входу столик. Второй всмотрелся в полутьму кафе, и его вислые литовские усы приподнялись кривой улыбкой: «О, сам пан Ступин! Катэгорычна вітаю выдатнаго москаля Еўропы. Можна до вас пидсисти?» И не ожидая ответа, он пододвинул к себе стул и опустился на него всем телом.

– Привет, – уже другим тоном сказал Богдан, протягивая руку. – Скучаешь?

– Жду.

– Кого, Оксану, наверное?

– Ну да, Оксану. Хотя... – Ступин отпил кофе и снова уставился в окно.

– Ага. Понятно. Если он сидит и пьёт мрачно кофе, весь мир должен замолчать в тоске, – сказал Богдан на том приятном русском языке со смягчёнными согласными и немножечко дифтонгальными гласными, на котором говорят все образован-

ные западные славяне.

– Депрессия, учит Зигмунд Фрейд, не-пременный спутник цивилизованного человека, – ответил Ступин и перевёл взгляд на человека со шляпой. – Дэнэ добрый, маэстро.

Человек со шляпой на столике и длинными волосами, завязанными резинкой в пучок, мельком глянул на Ступина и продолжил сосредоточенно помешивать деревянной палочкой в джезве.

– Нэ чуче? – спросил Ступин, почувствовав, что заводится.

– Чуче, напэвно, – ответил Богдан, – алэ нэ хочэ з москалямы справу маты. – За столиком в углу громко засмеялись.

– Я думаю, що про москалив вжэ до-сыть, – тон Ступина повысился, а голос стал звонче и чётче. Так он говорил на митингах, куда в последние годы его часто приглашали от имени Русского Общества. – Давайтэ про славни дила новойи влады, пановэ.

– О-о-о! Пан Ступин нарэшти образывся на москаля. А мы думалы, що вы вжэ зовсим звыклы до нового соцяльного стану. – Богдан явно шёл на попятный и при этом, как обычно случалось в интеллигентской среде, совершал переход на русский язык. – Не обижайся, Петрович, все мы дураки.

Он обернулся к товарищу в шляпе.

– Там кавуся вжэ зигрилася? Дай мэни сюды, я з Владыславом побалакаю. А ты пиды та з Толиком про мыстэцтво щось помиркуйтэ.

Человек со шляпой буркнул «Мэни и тут добрэ» и демонстративно сел за крайний от дверей столик один, разглядывая какой-то рисунок, добытый из кармана чёрного не по сезону пальто.

– Не обращай внимания, – бросил Богдан, – одно слово – украинский гений. Кстати, помнишь, мы лет пять тому были у него в мастерской, и он предложил на-

писать твой портрет, а потом все нарезались до поросычьего визга (как вы, москали, говорите), и портрет твой, правду сказать, накрылся.

– Не помню, – ответил Ступин и снова посмотрел в окно на узкую мощёную улицу старого города. Ему не хотелось говорить ни с кем, а тем более с Богданом, но старые приятельские отношения не давали ему возможности резко прекратить беседу.

– Ты зря на нас обижаешься, – заговорил вдруг Богдан спокойным и вдумчивым голосом. – Ты сам виноват. Ты сам делаешь странные вещи. Знаешь, ты ведь не какой-нибудь Вася из Донецка. Ты, извини, – наша интеллигенция. Родился ты здесь. Школу закончил здесь. Университет наш закончил, тот же факультет, что Иван Франко. Столько лет проработал в нашем вузе и не каком-нибудь задрипанном, а медицинском, где всегда была лучшая профессура Европы. У тебя, Владислав, квартира в самом центре, в панских домах.

– И что?

– А то. – Богдан отпил кофе. – Вот, например, на кой тебе сдался этот Бодров? Я тут у сведущих людей справки навёл – неприглядная картина получается: как человек – дерьмо, как политик – болтун и провокатор, только не поймёшь, на кого работает, как писатель, ну, здесь ты сам специалист. Я слышал, у вас с Бодровым отношения испортились. Умные люди говорят, что подставит он тебя, как пацана, извини, подставит, а сам умоеет руки – и будь здоров.

– Я не Макиавелли – политические интриги крутить. Мне надо, чтобы русские дети не выросли вне своей культуры. Чтобы всё было цивилизованно – церковь, школа, библиотека, театр. Люди не должны чувствовать себя обделёнными. Мир русской культуры...

– Какой культуры? – весело вскрикнул Богдан. – Русской? Да ты шутишь. Где же эта культура живёт? В России? Колхоз – вот русская культура XX века. Помнишь у Малевича – крестьяне без лиц? Не смеши меня, Владислав. Колхоз как модель общества, колхоз в политике, колхоз в мозгах. И правительство, как счетоводы. Культура. Культура не может быть без нации. А нации, нации такой нет – есть татарско-мордовский субстрат, который может быть, когда-нибудь, если не пропёт себя окончательно, станет каким-нибудь народом. Не нацией, слышишь, Ступин, а народом. Или скорее всего – народами. Двумя, тремя, десятью – неважно. Народом окраины Европы. Через десять-двадцать лет не мы, а вы будете окраиной – Украиной, то есть. По вашей же версии.

– Богдан, ты говоришь не о русской культуре, а о России, той России, которая сложилась под прессом большевизма. Русская культура жива и будет жить. Она в текстах, музыке, церковном хоре, колыбельной песенке, спетой ребёнку, в образовании и науке, где бы ни жили и ни работали русские люди. В США, Франции, здесь в городе. Трудом немногих она будет жить и пробыть себе путь. Кто бы ни правил в России, и что бы ни думали русские.

– Боже, Владислав (Богдан говорил «боже» с акцентом на польский манер), Матка Боска Ченстоховска, куда тебя несёт? Что тебе эти теории? Ты видишь, что происходит? Я читал твои статьи, думал – ты идеалистом стал, кто бы мог подумать. А ты... Ты просто болен, Владислав, приди в себя. Никто не хочет вашего стойла. Ни русские (хотя этнически я не понимаю, кто это такие), ни украинцы, ни литовцы, – никто. Ты же сам был делегатом Второго съезда демократических сил в Харькове. Руховцы о тебе рассказывали, как ты там по ночам проекты резолюций писал. Ты

сам понимаешь – никто не хочет быть в союзе с вами, никто не хочет ходить под вашими вертухаями и братками, которые там, в России, всю власть захватили на века. Красно дякуемо.

– Богдан, Россия экономически...

– Экономически? Нефть и газ – вся ваша экономика. Как всё разворуют – закончится экономика. Ты же не ребёнок, Владислав, да и книг прочитал достаточно: человеческий материал в России в клинической стадии. На Севере – потомки тех, кто сидел и тех, кто охранял. На юге – Дон, Кубань и Ставрополье – сплошные хохлы. «Коренная Россия» – мордва. Москва – вообще столица эс-эр-эс-эр (Богдан произнёс аббревиатуру СССР по украинской модели: Союз Радянських Соціалістичних Республік – СРСР). Там в авторитете маргиналы из Средней Азии и Закавказья: купить, продать, украсть. Такого беспредела даже Германия бы не выдержала, а тут... Москве чеченские кланы диктуют политику на Кавказе, о чём может идти речь? О каком великом государстве? Привыкли быть данниками, крепостными, пушечным мясом, теперь стали «лохами» и «отстоем».

– Всё это не так, Богдан, не так. Посмотри, какой демократический порыв, какое стремление. Нельзя не поверить в искренность желания жить по-человечески.

– «Демократический порыв», – Богдан рассмеялся. – Да, удивил ты меня. Ты в этом «Русском Обществе» своём (слова «русское общество» Богдан умудрился произнести именно в кавычках) поднабрался всякой ерунды, такой, знаешь, смеси политической наивности с шовинистическим чванством: «великая нация», «возрождение». Это не порыв и это не возрождение – это начало конца. И если ты подумаешь хорошенько, то поймёшь, что я прав. Если украинский народ начинает формироваться как нация, то русский на-

род прекращает это формирование. Это два слишком близких народа – им тесно будет в Европе. У нас, украинцев, – наука СССР, оборонка СССР, мозги СССР, природная хитрость, коварство и желание жить лучше всех. Мы победим.

– А что, уже дело к войне, если разговор пошёл о победе? Мне казалось, что русские и украинцы – союзники в демократическом процессе. Так мы договаривались с Черноволом.

– Черновол – не вся Украина, и даже – не весь Город. Тебе, Владислав, лучше отдавать себе отчёт в том, что НЭЗАЛЭЖНИСТЬ УКРАЙИНЫ (он автоматически перешёл на украинский язык) ЦЭ ВЖЭ ПЭРЭМОГА НАД РОСИЕЮ, над вами, москалями. А вы, що тут живэтэ, повинни з цым змырытыся.

– Ни тут, ни там, – Ступин показал куда-то за окно, – мы ничего вам не должны (Ступин подчёркнуто продолжил по-русски), и не будем должны никогда. Мы дали вам свободу просто так, по широте русской души, но если вы будете выступать, мы вам устроим такую Полтаву – ваши ряженные «сичовыки» и «бойовыки» пожалеют, что на свет появились. А здесь, в Городе, всё будет так, как договорились – паритет, уважение интересов и спокойная жизнь в европейских кондициях свободы слова, вероисповедания, выбора языка обучения и культурных ценностей. Вот так, Богданцю.

– Ни, нэ так. Зовсим нэ так. – Богдан стал чётко выговаривать слова, уже и не пытаясь переходить на русский язык. – Вы, панэ Ступин, дырэктор украинської школы з російською мовою навчання. Цэ вжэ, я думаю, вам казали в Мисськради. И ваши громадьски погляды и позиції зовсим никого нэ цікавлять. Вы виховуйте дитэй, пан Ступин, а сами сыдытэ тут сэрэд нэвидомо кого и выпивуетэ нам идэи імперського видродження Росії.

А каву файну пьэтэ, миж иншим, за рахунок України. – И увидев расширяющиеся ступинские зрачки, успокаивающе положил руку на его плечо и улыбнулся. – Да это я так, шучу, Владислав, не обижайся.

За соседними столиками снова засмеялись. Ступин сидел напрягшись и пытался успокоиться. «Хорошенькое дело, – думал он, – теряю чувство реальности, совсем плохие нервы – всё это дурацкое Общество, всё этот Бодров с его маниакальными вселенскими идеями».

– Ты устал, Владислав, – вдруг мягко добавил Богдан. – Поехал бы куда-нибудь или выпил бы шнапсу, что ли.

– Поехать – это идея, а шнапс... Не то настроение, Богдан.

– А-а, вот и долгожданная ваша подруга. – Богдан встал, отодвинул соседний стул и указал на него женщине в красивом кожаном костюме, быстрой походкой вошедшей в кафе. – Прошу сидаты, вэльмышановна пани, кавы, коньяку, цукэркы?

Оксана неопределённо и несколько раздражённо дёрнула плечом и, присев на стул, обратилась к Владиславу:

– Долго ждёшь?

– Да нет, как обычно, полчаса, не больше.

– Ой, – Оксана улыбнулась, показав ряд белоснежных ровненьких зубов, – ты знаешь, Носик (Оксана почему-то называла его Носиком, что, как ни странно, не злило) ты не должен ворчать. Такой дождь, я боялась промочить новые туфли. Ну как они тебе, правда класс?

– Правда. Класс, – не глядя на её стройные ноги в новых туфлях, сказал Супин и пошёл к стойке заказывать кофе.

Богдан посмотрел на Оксану в упор, почему-то нахмурился и тихо спросил:

– Пани чомусь нэ в дуси? – В дуси, Богдан, алэмаю залатвытыщэбагато справ з Владыславом. Розумиеш?

– Добрэ розумію и вжэ іду до свойий

компании. Чэсть.

Богдан взял свою чашку и переставил на стол весёлой группы Толика в углу: «Агов, прыймаеэ, дивчата и хлопци?» – «Що, нэ выходыть в тэбэ з москалямы?» И все опять дружно засмеялись.

Ступин вернулся на своё место с чашкой кофе и маленьким пирожным, которое любила Оксана. Она посмотрела на него своим немного влажным и глубоким взглядом и провела рукой по его шевелюре.

– Опять зарос? Некому подстричь, беденького. Хочешь я? Я умею. Ты помнишь?

Ступин хорошо помнил всё, что было связано с Оксаной: их внезапную и пылкую страсть, недолгий брак, глухую ненависть родителей, развод и годы регулярных и не очень регулярных встреч. Не зная о любви почти ничего, Ступин мог сказать определённо только одно: если и бывает любовь, то любил он одну Оксану. Или, наверное, любил. Он взял её за маленькие пальчики, немного сжал их в руке:

– Я ждал тебя.

– Я знаю, я тоже соскучилась. Сколько мы не виделись?

– Две недели, Оксана.

– Это так долго.

– Долго, Оксана. Тем более сейчас.

– А что, что сейчас?

– Совсем плохо сейчас. Совсем.

– Что? Тоска? Депрессия? Ты пьешь? У тебя часто депрессия, Владик. Слишком часто. Надо что-то делать.

– Ну конечно, депрессия. Как наш Город, так сейчас же депрессия, Фрейд, Юнг, Адлер, комплексы, сублимация, компенсация. У меня не депрессия. Просто плохо. Всё плохо.

– Ну что плохо? Достают на работе? В твоём дурацком обществе? Кто? Этот алкоголик Бодров? Уйди ты из школы, дай Бодрову в морду публично и уйди отовсюду: из Общества, из школы. Они всё равно

не понимают, что ты для них делаешь.

– Нет, Оксана, в том то и дело, что понимают. И поэтому всё плохо. Им нужна не реальная работа, а видимость. Им нужен кто-то, кто умеет хорошо изображать. Всё это дурь, Оксана. Никому не нужна ни эта культура, ни эта нация, ни это образование. Нужно изобразить Европу, нужно иметь общественные организации, нужно иметь приличное лицо, нужно не выглядеть хамом. Вот и крутят комедию.

– А кто ты, Носик, в этой комедии? – Оксана взяла его пальцем за подбородок, развернула глаза в глаза.

– Я? А я, Сяня, в этой комедии последний паяц. Причём с очень опасной ролью – на выбывание.

– Мне трудно понимать, что тебя не будет рядом (Оксана иногда говорила прелестными кальками с западноукраинского), но вот что – уезжай. Уезжай, ты так больше жить не можешь. Тебя рвёт на части: граница между двумя странами прошла через тебя. Я давно это вижу.

Ступин вздрогнул, Оксана предугадала его мысли. В углу Богдан закончил очередной анекдот, и компания весело засмеялась.

– Оксана. Ты знаешь, у меня мама одна останется. Я не могу.

– Ты никому ничем уже не поможешь. Здесь – всё кончено. Здесь будет всё другое и для тебя чужое. Да и для нас чужое тоже. Я знаю, Владик, я чувствую. Я знаю, конечно, что без Города ты не можешь. Я знаю, что ты будешь вспоминать меня, что ты будешь плакать по ночам. Но – уезжай. Начни всё сначала. Понимаешь, я не знаю, как это сказать, слишком много крови и зла. Не ты виноват, но это зло должно было выплеснуться. И оно обязательно выплеснется. На тебя, Владик. Я чувствую. Я люблю тебя.

– И я тебя люблю, – сказал Ступин. Он слышал свой голос издали, и в нём была ложь.

Ступин закурил сигарету с золотым ободком, затаился, снова посмотрел в окно. В окне он увидел улицу: каменные узоры на стене дома напротив, часть серой каменной мостовой. Дождь закончился, выглянуло солнце и осветило два окна на третьем этаже, которые вдруг засияли отражённым чистым светом. В маленьком проёме стены между зданиями Ступин увидел кусочек синего-синего неба и тут же понял с холодной отчётливостью: «Скоро конец». Но эта страшная мысль не смутила его, а даже как-то обрадовала возможным прекращением невыносимых мучений.

9

С того момента, когда, подпрыгивая на ухабах, дождь артиллерийской разведки вылетел на относительно прямой участок лесного просёлка и до следующего поворота, за которым виднелись островерхие крыши лесного хутора и притаилась его смерть, Воронцов стал жить как во сне. Его дождь, старшина Вырин, эта милая девочка с чёлкой и погонами на плечах, тёмно-малахитовая стена сосен, пролетающая назад мимо грузовичка – всё подёрнулось тонкой прозрачной дымкой и отодвинулось. Воронцов вдруг увидел заросший пруд, ивы, склонившиеся над водой, небольшой каменный мостик с чугунными перилами и женщину, идущую навстречу. Женщина была в длинном чёрном платье, шляпке, а за руку она держала мальчика лет шести в красивом морском костюмчике с медными пуговицами, на голове мальчика красовался берет с красным помпончиком. «Мама, – подумал Воронцов, – это же мама». Женщина подошла чуть ближе, и он тихо позвал: «Мама, мамочка». Но она, не услышав, наклонилась к малышу: «Посмотри, Барсик, какие уточки, хочешь их покормить?» «Барсик?

Ну, конечно, так в детстве мама, несмотря на протесты отца, называла его». Воронцов хорошо знал этот пруд у стен величественного, пахнущего торжественной вечностью Новодевичьего монастыря. Сюда много раз приходил он с любимой мамой, учительницей, бывшей московской гимназисткой, навсегда сохранившей в озорной улыбке, летящей походке и серых глазах девичьи черты. «Мама, мама», – ещё раз позвал Воронцов. Нет, она не слышит. Вот облокотилась на перила моста, дала малышу кусочек хлеба. «Ну, Барсичек, бросай уточке хлебушек, видишь, у неё деточки, они есть хотят. Смотри, как хлебушек берут. Они только у добрых людей хлебушек берут, сынок». «Вот оно что. Она не может меня увидеть, потому что меня там нет, я здесь, в другом времени», – думает Воронцов. И снова на мгновение видит несущуюся ему навстречу дорогу, ряды высоченных сосен, сливающиеся в один малахитово-зелёный сплошной узор. Потом Воронцов видит высокий дом с облупившейся краской на кирпичных стенах. Дверь в подъезд открыта, он поднимется по грязной, расшатанной лестнице на второй этаж. Видит номер квартиры. «Номер 13! Это же наша квартира! Почему открыта дверь, почему мать не выбегает навстречу с обычным радостным возгласом «Барсик пришёл! Мой руки и за стол, сынуля дорогой!» Почему не целует тихо в лоб. Что случилось? Он переступает порог, кругом пустые стены, нет картин, нет мебели, посреди большой комнаты стоит одинокая кровать. На ней кто-то лежит, вытянувшись под простыней. Горит свеча, пахнет ладаном, как в церкви в Новодевичьем монастыре, куда они часто заходили с мамой. Кто это? Боже мой, это мама, что с ней, она заболела, или... Воронцов хочет подойти к кровати, но не может. Чувство смертельной тревоги охватывает его, дрема слетает с глаз: так же несётся на-

встречу лес, так же ревёт мотор грузовичка, но что-то резко изменилось. Что? И за секунду до того самого, что прекратит его движение по лесной дороге, он холодным умом офицера-разведчика с трёхлетним военным стажем, вдруг отчётливо понимает: надо в одно движение выпрыгивать из кузова, кубарем лететь в кювет, на ходу открывая огонь из ППШ по ТОМУ ШЕВЕЛЯЩЕМУСЯ КУСТУ НА ОПУШКЕ, откуда зияет зрачком автомата смерть. Много раз за последние три года именно это чувство смертельной опасности спасало ему жизнь. Он внезапно для самого себя падал, отскакивал, уворачивался, перепрыгивал, наносил удар в кромешной темноте, стрелял на звук, вспышку, солнечный зайчик, на шевелящуюся ветку, взлетевшую птицу, хруст, свист, вздох и попадал, попадал, попадал. После одной операции в немецком тылу оперативник вышестоящего разведуправления сказал ему, прощаясь: «Может быть... ты и довоюешь до победы. У тебя, Воронцов, нюх будь здоров». И представил к Знамени. Теперь это Знамя хранится в сейфе разведупра, в коробке с его орденами, медалями и партбилетом, которые на операции с собой брать не положено. И вот теперь, именно теперь, он впервые НЕ СДЕЛАЛ НИЧЕГО. Как в немом замедленном кино он увидел пыхнувший из придорожных кустов дымок. Краем глаза отметил, что пулемёт в руках старшины заревел обоими стволами, будто огромными механическими ножницами отстригая враждебные кусты до половины. Потом он почувствовал резкий удар в грудь, опрокинувший его на дно кузова, увидел высоко над собой бледно-голубое небо, по которому проплывали редкие белесые облачка, отчётливо и со всей очевидностью подумал: «Меня убили, это смерть».

Воронцов не чувствовал боли, не чувствовал, как его тело вздрагивало в пред-

смертной агонии, как плачущий Вырин накрыл его лицо брезентом. Он не чувствовал боли, и свет для него не померк. Он увидел себя лежащим на дне кузова мчащегося с дымящимся мотором грузовика, увидел старшину Вырина, стреляющего из пулемёта вдоль сельской улицы. Увидел мальчика, метнувшегося под колёса грузовика. Увидел высокую статную девушку, падающую, раскинув руки, во дворе дома с красиво расписанными стенами. Он видел всё как бы с двух точек одновременно: со дна грузовика, хотя его глаза были закрыты грязным брезентом, и чуть сверху, свободно перемещаясь над дорогой. Он увидел и белую птицу, пролетевшую прямо над дорогой, которая ввинчивалась большими кругами в зовущую голубизну неба. Эта голубизна так манила его, что он всем своим ОСТАВШИМСЯ ЕЩЁ СУЩЕСТВОМ рванулсЯ ввысь, за птицей, но прикрывающий его лицо брезент не поддавался, надёжно отгораживая от того бесконечного пространства, которое он теперь ясно видел над собой. Воронцов в какой-то полудрёме думал о войне, Вырине, смерти, и даже о том, что ещё не случилось. И обо всём он думал КАК О ПРОШЛОМ. Иногда он мог уходить в это прошлое через маленькую дверь, которая нехотя открывалась перед ним, или, точнее, которую представлял он себе как ту, которая нехотя открывается перед ним. И он уже не знал, были ли этот взрыв гранаты, падение из кузова перевернувшегося грузовика, старшина Вырин с выкрученными назад руками и разбитым в кровь лицом, чьи-то любопытные взгляды, заляпанные грязью короткие сапоги, команды, голос: «Цэй напэвно вжэ здох», – были ли они прошлым или будущим, потому что ТЕПЕРЬ ВСЁ БЫЛО ПРОШЛЫМ.

Воронцов не слышал, что говорили над его могилой, он только видел статного молодого майора в красивой бурке и

кубанке с синим верхом. Потом он увидел больничную палату, лежащего старика в полосатой пижаме и молодого человека, очень похожего на этого лежащего старика и понял, что то, что у бравого майора пока в будущем, для него, Воронцова, сейчас в прошлом, потому что ВСЯ ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ ДЛЯ НЕГО УЖЕ БЫЛА В ПРОШЛОМ.

Потом все ушли, и он остался в лесу один. Он больше не чувствовал своего тела, не чувствовал давления земли на то, что от него осталось в мягкой шевелящейся тесноте одинокой могилы. Он не чувствовал ничего, но мог видеть каким-то странным нематериальным зрением поляну, обступившие её деревья, зараставшую травой заброшенную тропинку, лесную дорогу и край хутора с несколькими островерхими домами. Он не чувствовал и не знал, с кем и где он похоронен, как не мог вообще думать, что он похоронен. Всякий раз, когда земной мир возвращался, он видел себя в тех же измерениях: в тесной темноте ВНУТРИ могилы и со стороны, чуть сверху – под глинистым холмиком на краю лесной поляны. Со временем он начал всё точнее и точнее понимать, что с ним произошло, он начал понимать, что, умерев, он не умер ВСЕЦЕЛО, а растворился в природе того места, ГДЕ ВРЕМЯ ДЛЯ НЕГО ОСТАНОВИЛОСЬ. Это состояние бесконечной вневременности небытия угнетало его, и он начинал ЖДАТЬ ИЗБАВЛЕНИЯ. За годы этого жуткого планирующего полёта над дорогой, хутором, собственной могилой Воронцов много раз возвращался к тому мгновению, когда жизнь вдруг окончилась, и ввинчиваясь в пространство, растаяла в небесной голубой выси большая белая птица. Именно эта улетающая красивая белая птица стала представляться желанным ИЗБАВЛЕНИЕМ от тесной земной юдоли, окончательно потерять

которую ему не доставало сил. Он стал понимать, что белая птица почему-то не прилетает за ним и начинал догадываться почему. В глухой тоске НЕБЫТИЯ он возвращался через едва заметную дверь в прошлое своих воспоминаний и видел оттуда всё время сразу: прошлое, настоящее и будущее – всё время вместе как прошлое, потому что для него ВСЁ ВРЕМЯ УЖЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ.

За дверью земного бытия Воронцов видел кирпичный, почерневший от сырости дом над Язуой. Деревянные прогнившие ступени вели от дома вниз к воде, возле которой у небольшого деревянного дебаркадера были привязаны узкие длинные ялики местных жителей, иногда рыбачивших на реке. Он слышал протяжный гудок инструментального завода и просыпался в холодной полутьме только что наступившего рассвета. На кухне за занавеской, разделявшей половины их единственной комнаты на кухню и спальню, слышались звон посуды, приглушённые голоса: отец уходил на смену. «Тихо, Саша, тихо, сына разбудишь», – говорила вполголоса мать, но он всё равно слышал их разговор и просыпался. Воронцов любил этот ранний утренний час, когда так остро ощущается РАДОСТЬ НОВОГО ДНЯ, когда холодок, пробегающий по телу приносит чувство ПРЕДВОСХИЩЕНИЯ того радостного чуда, которое произойдёт сегодня, и которое потом, по прошествии многих лет, станет памятью о счастливых детских годах. Воронцов слышал, как скрипит пол под ногами отца, как, посапывая, он надевает свою тяжёлую солдатскую шинель, с которой не расставался с гражданской, как целует в голову мать и, выходя в наполненный запахами коммуналки коридор, тихо говорит матери: «Буди, буди гвардейца, в школу опоздает». Воронцов знал, что мама, жалея его, подождёт ещё пять-десять минут, а потом

подойдёт к его солдатской железной койке у окна, проведёт рукой по волосам и скажет заветное: «Барсик, вставай». И на его обычное «Ну, мама» счастливо засмеётся и поцелует в лоб: «Пора, Барсичек». Она никогда не сердилась на него, да и он не мог думать о маме никак, как только с тем теплым ощущением, которое зовётся у живых ЛЮБОВЬЮ. Для Воронцова «любить» было очень понятным словом: он любил свой наполненный шумом и запахами многосемейный старый дом, любил двор, поросший крапивой и лопухами, не видевший метлы и хозяйского глаза с самой революции, любил инструментальный завод с его чадящими трубами и гудками, любил старую школу в двух деревянных зданиях (младших и старших классов), которую гороно всё время грозило снести и построить на его месте новую «образцовую» школу с чистыми блестящими фарфоровыми унитазами, токарными мастерскими и спортивным залом. Но теперь всё это не имело никакого смысла, потому что УЖЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ вместе с жизнью. Воронцов уставал от этих бесконечных грёз, проходил через невидимый порог в обратном направлении и, возвратившись к своему НЕСУЩЕСТВУЮЩЕМУ НАСТОЯЩЕМУ, начинал вслушиваться в звуки прикарпатского леса. Вот дятел выстукивает мелодию птичьего труда «тук-тук, тук-тук», вот дрозд просвистел и затююкал, вот сорока опустилась на ветку и громко застрекотала, что-то рассказывая всему лесу. Вот хрустнула ветка под мягкими лапами рыси, она в один прыжок перелетела через тропинку и скрылась среди деревьев. Воронцов много раз видел хуторских детей, проходивших по тропинке летом и осенью. Из леса они возвращались шумной гурьбой, неся корзинки с ягодами и грибами. Иногда в лес за орехами в начале осени ходили взрослые. Тогда в лесу раздавалось

их перекрикивание. Проходили лесники, постукивая палками по деревьям, иногда они ставили на деревьях знаки красной или белой краской, и тогда приезжали на дребезжащем грузовике статные парни в ватниках, подпоясанных армейскими ремнями, с пилами и топорами в руках. Они спиливали отстоявшие свой век сосны и дубы, а взамен другие люди, приезжавшие на телеге, запряжённой парой коричневых низкорослых пузатых лошадей с длинными хвостами, иногда по осени высаживали маленькие сосенки и ёлочки. Воронцов не понимал, о чём они говорили, как не понимал, что их веселило или печалило – ОН ПЕРЕСТАЛ ПОНИМАТЬ ЯЗЫК ЖИВЫХ. Пролетали мгновения или проходили годы – для Воронцова БЫЛО ВСЁ РАВНО, как всё равно было ему будущее. Будущего попросту не было в том временном пространстве, в котором он очутился: переходы из одного времени в другое были просты и очевидны, как было просто и очевидно, что ничего этого для него уже не существует: ни утра, ни вечера, ни времён года, ни пионерского детства, ни комсомольской юности, ни учёбы в военном училище, ни службы на границе, ни первого дня войны, когда ему пришлось четыре раза поднимать заставу в рукопашную – сбрасывать полупьяных орущих немецких grenадер в кипящую от осколков воду Прута.

Часто из небытия возвращался один и тот же день: день, когда он, новопринятый в ВЛКСМ ученик десятого класса сто двадцать четвёртой московской школы, радостно сообщил дома: «Мама, завтра у нас не будет уроков. У нас коммунистический субботник по разборке снесённых зданий». «Это каких же зданий?» – мрачно спросил отец, прихлёбывая чай из большой «отцовой» кружки с алыми и золотыми маками на чёрном фоне. – «Не тех ли, что сапёры взрывали вчера на Ордынке?» –

«Тех самых, старого монастыря руины разбирать будем, комсомольцы двух школ и ещё трансформаторного завода. Там будет новый проспект, дом культуры с кинотеатром, дома коммунистического быта построят с общественными столовыми быстро... чего?» – «Быстропита. Это значит быстрого питания. А ещё там будет стадион с настоящим футбольным полем». «Всё это хорошо, сынок, – продолжил отец, – но зачем рушить, люди же строили, монастырь всё-таки». – «Так сколько этих монастырей по Москве понатыкано – транспорту не проехать, а город развиваться должен. Я был, папа, на лекции в Политехническом, там лектор – академик Шухов, он архитектор, так он говорил, что город должен к солнцу тянуться, а не в землю вращаться». Отец прекратил пить чай, отставил чашку в сторону и сказал серьёзно, глядя Воронцову в глаза: «Не город должен к солнцу тянуться, а человек. На руинах, сынок, новой жизни не построишь. Не ходил бы ты никуда, не знаю я, как сказать, но нехорошо это». «Ну что ты, папа, как же я не пойду, я же комсомолец, нет, я со всеми». Воронцов помнил тот день весь до конца: сначала разбирали кирпичные кучи, отделяли бой, а целые кирпичи складывали в ровные стопки и отправляли на грузовиках, как им сказали начальники в одинаковых полувоенных френчах, «метрополитен строить». Потом из-под груды битого кирпича они достали несколько икон, и кто-то из райкомковцев предложил иконы сжечь: «Давай, ребята, подпалим, конец поповщине устроим. Долой бесовское отродье!» Чьи-то молодые руки выхватили из стопки сложенных икон несколько больших досок с потемневшими от времени ликами седобородых старцев и с гиканьем и свистом принялись их ломать, складывать в поленницу, поджигать.

Огонь быстро охватил обломки икон, стал рваться ввысь, к белесо-голубому небу. Воронцову почему-то перестало нравиться то, что происходило. Он отошёл в сторону, туда, где были сложены носилки и инструмент, присел на каменную плиту бывшего монастырского кладбища. «Эй, Воронцов, – крикнули ему, – иди сюда, погреемся!» И тут он увидел, как райкомовец бросил в огонь изображение, суть которого он знал и понимал – это была Богородица с младенцем на руках. Краски на потемневшей иконе сияли ярко в лучах последнего осеннего солнышка, и Воронцов отчётливо увидел, как обхватила младенца Богородица, защищая от пожара. Ему захотелось крикнуть «Стойте! Прекратите!», хотелось выхватить из огня образ и унести его отсюда, домой, далеко – в бабушкину деревню, спрятать, сберечь. Но он молча наблюдал, как загорелись яркие позолоченные краски, как вспыхнула вся доска и полетели от неё вверх, в бесконечное голубое с белыми облачками небо, искорки. Он вдруг почувствовал, что плачет, и услышал где-то внутри себя: «Господь поруган быть не может».

Видел Воронцов и другое. Видел лицо матери перед иконой, лицо, которого он не знал при жизни. Видел её губы, шептавшие его имя и повторявшие «Господи, господи, помоги, спаси!» Он теперь знал, что эти две картины связаны в его жизни, но пока не знал как.

В ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА (Воронцов перестал понимать счёт времени сразу после смерти), откуда-то всё ближе и чаще стали возникать картины незнакомой жизни. Вот мальчик идёт в школу в первый раз с большим букетом в руке, его торжественно сопровождают молодая женщина и мужчина в парадной военной форме. Это тот самый brave майор, которого увидел Воронцов сразу за по-

рогом смерти. Вот мужчина и женщина с мальчиком на берегу моря. Воронцов никогда при жизни не видел моря и теперь только внутренним чутьём БЕСКОНЕЧНО-ГО РАЗУМА понимал, что это именно море. Они весело плещутся в воде, и взрослые по очереди учат мальчика плавать. Вот мальчик подросток: он с красным галстуком на фоне памятника Ленину что-то говорит – наверное, читает стихи. Вот он уже юноша. Краснея и стыдясь, он сжимает в руке маленький букетик фиалок – это, наверное, первое свидание – понимает Воронцов. Вот что-то случилось: юноша один бредёт по тёмному Городу, садится на скамейку на бульваре, нервно курит. Вот он в красивом тёмно-сером костюме ведёт счастливую девушку в белом платье по большому красивому залу: свадьба, наверное. Вот этот молодой человек в аудитории, в библиотеке, вот, волнуясь, выступает перед солидными и напыщенными мужчинами и женщинами, а те, видимо, не очень соглашаясь, покачивают головами. Вот он сам входит в аудиторию с папкой, перед ним сидят молодые люди, он им что-то рассказывает, иногда взмахивая перед собой рукой, а они пишут у себя в тетрадках тонкими ручками без чернильниц. Вот молодой человек стал старше, он шагает по городу, в котором Воронцов узнаёт Москву. Вот и Яуза, но вокруг всё застроено новыми высокими домами и понять, где его старый дом, невозможно.

Воронцов почувствовал, что в бесконечности его НЕБЫТИЯ наступают какие-то перемены, когда увидел внутренним зрением оголённого сознания, как этот молодой, ставший с возрастом ещё более похожим на бравого майора, человек, выступает на площади перед красивым зданием с колоннами, что-то кричит в толпу, а толпа что-то выкрикивает в разную, поднимая сжатые кулаки. Потом Ворон-

цов увидел этого человека ночью, в свете огней ресторана, сажающегося в большую чёрную машину. Потом он увидел саму машину, остановившуюся на дороге ВОЗЛЕ ЕГО МОГИЛЫ. Двое мужчин вытащили из автомобиля обмякшее тело, бросили его на заросший травой холм. Машина уехала. И здесь Воронцов почувствовал, что КРУГ ЗАМКНУЛСЯ. Когда первая капля крови из большой раны на горле молодого человека упала на траву, поляна, деревья, кусты осветились мягким голубым светом, тёплая волна подхватила Воронцова, он увидел костёр из обломков икон, лик Божьей матери, защищающий младенца от огня, заплакал ВСЕЙ БЕСКОНЕЧНОЙ СКОРБЬЮ ДУШИ, поднялся высоко над могилой с лежащим на ней чёрным телом незнакомого человека, над деревьями, дорогой и стал с громадной скоростью ввинчиваться в белесо-голубое небо, уносясь скорее и скорее прочь от этой закончившейся для него ЮДОЛИ ПЕЧАЛИ.

На окраине хутора Лесного женщина, вставшая перед рассветом доить корову, увидела сполох света над лесом и большую белую птицу, высоко летящую к далёкому, закрытому белесыми облаками голубеющему небу. «Почтовая машина проехала, лес переполошила», – подумала женщина, но по древней родовой привычке несколько раз перекрестилась.

10

Ступин чувствовал, что теряет ощущение бытия. Его сознание металось не между жизнью и смертью, а между бытием и небытием, которые всё больше представлялись чем-то похожим, не противоречащим одно другому. В этих состояниях можно было находиться ОДНОВРЕМЕННО при свете мерцающего сознания, которое продолжало менять и перемешивать яркие и цветные образы, трудно осмыс-

ляемые и различимые на фоне манящей БЕСКОНЕЧНОСТИ. Бесконечность фосфоризировала, оставляя на сетчатке закрытых и, казалось, потухших глаз Ступина солнечные зайчики воспоминаний.

Вот какое-то воспоминание на мгновение осветило угасающее сознание, и поплыли кадры давно окончившегося кино: снова весна, лёгкое, как после дождя, дыхание утренней свежести, бывшая улица Саксаганского (теперь названная именем украинского историка Грушевского, обосновавшего «священное право незалежности» Украины), маленький бар без названия, в котором по сто раз на дню встречалась пишущая и рисующая братия, забегавшая «на каву». Он сидит как всегда за крохотным столиком в углу, потягивая кофе-экспресс из малюсенькой белой фарфоровой чашечки. Ступин видит себя как будто немного со стороны: бледного, худого, с мрачным перевёрнутым внутрь – в себя – взглядом: всё уже не так. СО ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ ВСЁ УЖЕ НЕ ТАК.

Вчера, в эту злополучную субботу, его внезапно, по-воровски вызвали (именно не пригласили, а вызвали, передав официально через школьного секретаря и завучей) в школу на окраине Города, где должно было, по сообщённой для него версии, состояться «срочное заседание Президиума Русского Общества». По своей давней глупой привычке относиться ответственно к официальным вещам (но уже без всякого желания, – понимая, что в Обществе творится «бодровский беспредел», что Бодров напрапалую лжёт, «накручивая» членов Президиума против него) он, напившись крепкого кофе, направился в это «вельмишановное» собрание.

Ступин всё ещё не понимал, что не случайно заседание Президиума проводится в окраинной школе, что не случай-

но никто в городе широко не оповещён (это хорошо ему было известно от одной из дам-секретарей Общества, очень не любившей любвеобильного сверх меры Председателя и поэтому, а ещё по обычной инерции, докладываявшей ему обо всех действиях Бодрова). Он не понимал того, что ходить туда просто не надо. И почему-то, – наверное, в силу навалившейся СМЕРТЕЛЬНОЙ усталости, ему это было всё равно. Он шёл на собрание пешком, по раскисшим от проливных дождей аллеям университетского парка, по тёмным вечерним улицам района богатых особняков (двухэтажных каменных домов архитектуры австрийского и польского модерна начала XX века), мимо кирпично-красного здания Политехники и костёла св. Марии Магдалины, в котором часто бывал на концертах органной музыки. Он шёл и думал, что всё, что он мог сделать для тех людей, которые два года тому назад избирали его в большом зале на общем собрании, он сделал. Всё, что смог, вернее, что смог, то и сделал. И больше УЖЕ НИЧЕГО НЕ МОГЛО БЫТЬ.

Заседание Президиума, на которое собралось необычно много народу, проходило в учительской. Было странно темно, комната зловеще освещалась уличными фонарями. «Электричество отключилось, – почему-то дрожащим голосом сказала директриса, – сейчас электрик там что-то чинит». «Ну, не в лесу же, – хохотнул Бодров, – сойдёт и так». «Вот именно в лесу, – подумал Ступин, – вот именно в лесу вам и надо собираться... с кистенями. По вашим привычкам и повадкам». А вслух сказал знакомым для всех тоном, может быть, чуть более напряжённым, чем обычно: «Бодрее, товарищи, расслаживайтесь, пора начинать, а то передумаете ещё».

– Шутите всё, – тоненько взвизгнула директриса, – а нам не до шуток. Такое

дело, и где – в нашем Русском Обществе!

Слово «наше» она произнесла так же, как произносила его ещё недавно в словосочетании «наша ленинская партия».

– Да, – иронично сказал председатель двух оккультных организаций, – дело шить, это вам не носки вязать.

– Господи, и вы туда же, – начинайте уже! – беспокоилась директриса, нервно поглядывая на дверь, как будто кто-то мог вдруг ворваться и помешать их занятию.

– Начинаем, начинаем, – потирая свои маленькие ручки, – затараторил Семёнов. – Надо привести, так сказать, к знаменателю, а то волнение, так сказать, возрастает, так сказать, в массах.

Вошёл электрик. «Это... вот, – сказал он, – можно в розетку... настольную лампу включить... в розетке ток это... есть ток».

– Хорошо, хорошо, – согласилась с электриком директриса и включила настольную лампу на ближайшем столе.

Большая комната осветилась слабым зеленоватым светом. Почему-то стало ещё мрачнее. Ветер хлестнул в оконное стекло дождём, со стуком распахнул форточку. Тяжёлые портьеры затрепетали.

– Всё, – убирая ухмылку и нахмурившись, сказал Бодров. – Надо начинать. Сегодня у нас на повестке дня один вопрос, ну и ещё, как всегда, – «разное». Вопрос этот звучит так: «О работе ответственного секретаря Русского Общества Владислава Ступина». Мы тут посоветовались с членами Президиума...

– Со всеми? – перебил Ступин.

– Ну, с теми, – не глядя на него ответил Бодров, – с кем необходимо было посоветоваться, и решили предложить такой порядок: сначала заслушать Председателя Общества, то есть меня, затем дать слово записавшимся для выступлений. Вот тут, – Бодров показал какую-то помятую бумажку, – тут вот есть этот список, заранее составлен, а затем, ну... – он поскрёб бо-

роду, – дать, конечно, слово и виновнику, в общем, нашего торжества. Владислав Петрович сможет, надеюсь, ответить нам всем, если это, как говорится, необходимо, по демократической, как говорится, процедуре.

Бодров замолк, в плохо освещённой учительской запала жуткая тишина. Ступин молчал, слегка покачивая головой, Сергеев высоко поднял брови (с ним, видимо, никто не советовался), случайно забредший на заседание известный местный философ и диссидент Эдик Еленевский присвистнул.

– О, да это политический процесс, господа. Как интересно!

– А вы, вы вообще не имеете права здесь находиться, – взвизгнула директриса, взявшая по-настоящему на себя права хозяйки вечера.

– О! – радостно воскликнул Еленевский. – Какая замечательная трактовка понятия прав человека! Я вами лишён всех прав, или только отдельных?

– Все имеют право присутствовать – от рядовых членов Общества у нас нет секретов, – недовольно заметил Бодров и постарался твёрдо взять собрание в руки. – Итак, если нет возражений и замечаний, – Бодров выразительно посмотрел на Еленевского, – слово предоставляется, как вы понимаете, мне. Постараюсь кратко.

И Бодров принялся читать, очевидно, заготовленный заранее доклад. Доклад Ступин слышал плохо: тяжёлая волна обиды и ненависти захлестнула его сознание, погасила звуки, сплющила интонации и превратила эмоциональную обличительную речь в звуковые инверсии «У-у-у-у! У-У-У-У! У-у-у-у!» Из этих подвываний сознание Ступина только изредка извлекало фразы, из которых не могло составить ничего путного:

– Владислав Петрович забыл, какая ответственность лежит на всех нас... Он

проявил себя как безответственный политик и плохой организатор... Мне доложили, что он несколько раз в тайне от меня встречался с нашими главными врагами – я имею в виду Колынец... Его видели в кафе с известным доцентом университета... Развалил работу секретариата и Президиума... груб с людьми, приходящими в Русское Общество за поддержкой... Поставил на грань существования... Не справился с поручением Президиума... Как директор школы... Это форменный развал... Постоянные жалобы учителей и родителей... У-У-У... Вывести из состава Президиума... У-у-у... Ходатайствовать перед Ассоциацией «Русская школа» о принятии мер... У-У-У... Не воздержан в быту... Его жена неоднократно... У-у-у.

Ступину стало душно. «Вот это текст, – думал он, – даже посильнее, чем тройка. Интересно, кто готовил? Бодров так не сумеет – компартийная закваска не та. Гэбисты, к которым, по свидетельству очевидцев, просто льнул когда-то Бодров? Что я гэбистам? Или новая власть? Или этот – на двух стульях одной попой председатель нерушимого блока директоров русских школ Драпченко? Похоже на Драпченко... Во всяком случае, письма завучей он собственноручно организовывал, вместе с Бодровым. И это точно – Ступин случайно подслушал разговор по параллельному телефону, где они наперебой уговаривали завучей организовать анонимные письма в различные инстанции. Не может Драпченко смириться с успехами ступинской школы, на всё пойдёт, чтобы топить. Скотина и урод, – глянул Ступин на вечно самодовольного Драпченко, – хоть и с благообразным видом, а форменная скотина, причём знает об этом. Вон как на меня зыркает – делает вид, что ни при чём».

Вдруг подвывания Бодрова стихли. Ступин будто очнулся от противного

дремотного состояния и увидел плохо освещённую комнату и сидящих в нахолившихся позах людей, у большинства голова была опущена. Несколько секунд стояла мёртвая тишина.

– Ничего себе текст, – вдруг возник в тишине Еленевский. – Этот текст тянет на приговор по пятьдесят восьмой, часть четвёртая: «Нанесение ущерба рабочекрестьянскому государству путём саботажа». Расстрел полагается.

– Да, действительно, Евгений Сергеевич, – не дожидаясь официального продолжения заседания, заговорил Сергеев, что-то я не совсем понимаю. Во-первых, по уставу мы должны ответственного секретаря избирать и снимать на конференции. Президиум не имеет этого права. И потом – Владислав Петрович много сделал для Общества, особенно в трудный момент перехода власти. Он буквально сутками работал, один ходил на всяческие митинги и рады, встречался с лидерами толпы, за всех отдувался. Вы-то, Евгений Сергеевич, как я понимаю, побаивались их тогда. Как-то непорядочно получается.

– Непорядочно – ещё мягко сказано, – добавил председатель рериховского и двух оккультных обществ. – Это прецедент. Мы возвращаемся к самым похабным временам русской истории. А здесь, в зарубежье, этого отродясь не бывало. Помните, господа, что мы продолжаем дело графа Аристов, создавшего русское общество в Галиции не в пример в более трудное время. Это был поистине русский интеллигент.

– При чём здесь граф, – настойчиво продолжил Сергеев, – не в графе дело. Я вот слышал, что причина вашего раздора со Ступиным – личная. Он, как директор школы, не пожелал липовые оценки в свидетельство вашей доченьке выставить. А доченька ваша, извините, разбалована сверх меры, да и поведения не образцо-

вого. А вы руки учителям выкручивали, угрожали. Скандалили. Ваша жена драку с учительницей затеяла при детях на перемене. Было это? Ответьте Президиуму, было это или не было?

Ступин вздрогнул, Сергеев попал в точку, это была действительно главная причина происходящего, о которой Ступин умалчивал потому, ЧТО СТЫДИЛСЯ ПОВЕДЕНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Стыдился быть ТАКИМ РУССКИМ и ответственным секретарём ТАКОГО общества.

– Ах, вот в чём дело, – пронзительно, как будто ужаленный внезапно пчелой, закричал Бодров. – Так это я во всём виноват! Так это я виноват в развале работы Общества. Да, я виноват, но только в том, – Бодров принял картинную позу с задранной вверх бородой и поднятым пальцем, – что привёл в Общество этого человека, – он ткнул пальцем в сторону Ступина, – что поверил в него и сделал Ответственным секретарём.

– Вы не юлите, ответьте Сергееву на его вопрос, – опять возник Еленевский. – Мы ждём. Это очень интересный поворот событий получается. И потом, у Владислава, насколько я знаю, нет жены. Вы что здесь нам гоните, Бодров?

– Вот оно что, – трагическим театральным шёпотом сказал Бодров, – вот оно что. Это раскол. Это сговор. Это создание оппозиции. Вы договорились поддерживать Ступина. Хорошо! Тогда я поставлю вопрос по другому: или я, или Ступин, двоим нам в Обществе быть невозможно. И если вы не согласны изгнать его, – он опять ткнул пальцем в сторону Ступина, – тогда уйду я.

Снова наступила тишина.

– Товарищи, – раздался внезапно подчёркнуто спокойный голос Драпченко, – товарищи, вы понимаете, что Общество без Бодрова не может существовать, Евгений Сергеевич – не только мотор Обще-

ства, он и его сердце. Я согласен, Владислав Петрович, конечно, наделал много ошибок, в последнее время особенно, есть к нему претензии и у руководства народным образованием, и у нашей ассоциации. Конечно, в прошлом Владислав Петрович немало сделал для Общества, но, как говорится, слава приходяща. Я думаю, давайте ценить время и идти по сценарию собрания. А что касается благодарности, то мы можем поблагодарить, конечно, Владислава Петровича, в устной форме, от имени членов Президиума.

– Какая может быть благодарность, – вскрикнул Бодров. – Нет, вы сговорились сегодня, просто разваливаете организацию, которую я с таким трудом создавал. Я повторяю: или я, или он. Давайте выступать по существу вопроса.

Ступин почувствовал, что он больше ни секунды не может находиться в этой полутёмной комнате. Он понимал, что должен дать Бодрову бой, что многие присутствующие ждут его реакции, НО ТЕРПЕТЬ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО НЕ БЫЛО СИЛ. Ступин встал, накинул пальто и уже почти на выходе громко сказал:

– Вот что. Вас, Бодров, и вас, дорогие коллеги, я хочу поблагодарить за долготерпение, за ту поддержку, которую оказал мне Президиум в наше нелёгкое время. Я ухожу из Президиума и Общества с тяжёлым сердцем: сколько я здесь оставляю друзей! И каких! И последнее. Это касается специально Евгения Сергеевича и, конечно, товарища Драпченко: идите в жопу, господа!

Ступин вышел на улицу в распахнутом пальто, холодный ветер и вечная мокрая взвесь, покрывающая Город большее время года, приняли его в свои объятия. Было противно от осознания ГАДОСТНОЙ СУЩНОСТИ ПРОИЗОШЕДШЕГО, от ощущения ВНУТРЕННЕГО БЕССИЛИЯ и от мокрых объятий каменного холодного Города.

Впрочем, мокрые объятия Города были для него не чужими.

Сознание Ступина мерцало, переключаясь на новые картины, уводя его по дороге времени то вперёд, то назад. Тогда, в непонятные теперь времена, недалеко от здания Рады, он встретил одного из лидеров Народного Руха – Максима Перелаза. Нет, это было совсем недавно, на прошлой неделе. Это была суббота, когда Ступин, как всегда по субботам, отправился на утреннюю прогулку. Он шёл по своему любимому маршруту: от Академического бульвара, через Рыночную площадь, мимо ратуши, украшенной мраморными львами на входе, мимо гордо возносящего вверх белый купол Доминиканского собора, на фронте которого красовался позолоченный символ веры «Единому господу честь и слава». Потом по мощёной камнем круто уходящей вверх улице он взбирался на Высокий замок – руками горожан насыпанный холм, поросший высокими деревьями, и оттуда, вместе с многочисленными туристами он смотрел на Город, центральную часть которого отсюда можно было охватить одним взглядом. Именно в тот день возле ратуши его остановил голос Максима Перелаза:

– Добрый дэнь! Пан дырэктор кудысь поспишае по справах?

– Добрый дэнь, Максимэ. Ни, зовсим ни. Сьогодня маю дэнь цилковытого видпочинку.

– Ну тоди може зайдэмо на филижанку кавы?

Они прошли в стрельчатую браму, спустились в подвал, сели за дальний столик. Официантка в чёрном с золотой вышивкой костюмчике принесла кофе в керамических чашках и два маленьких бутерброда с сыром, которые здесь называли «канапочки». Ступин выжидательно посмотрел на Максима, тот перехватил взгляд.

– Вот что, Владислав, – начал он по-русски с небольшим карпатским акцентом, медленно помешивая ложечкой кофе, – ты знаешь, что я к тебе отношусь с уважением. Это не только потому, что помню по Второму конгрессу демократических сил Союза в Харькове – ты тогда всем не давал спать, отстаивая пункт о правах русского меньшинства после распада СССР в итоговом документе. Никогда не забуду лиц кое-кого из украинской делегации, когда этот пункт внёс Богдан Горынь, который был из нас самым непримиримым. Все удивлялись, чем ты его достал?

Ступин передёрнул плечами: он не любил вспоминать эту позорную сходку демократических сил бывшего СССР, где тон задавали садисты из Литвы и украинские руховцы, обливавшие тоннами ненависти не только «преступную партноменклатуру», но и Россию с её «имперским населением», десятилетиями горбавившимся за гроши для создания иллюзии «процветания» национальных окраин. Тогда он ещё раз поразился московским «демороссам», легонечко раздающим общие земли, даже не поставившим хотя бы для соблюдения приличий вопрос о будущем многих миллионов русских, становящихся иностранцами в собственной стране. Тогда в течение ночи ему удалось внести один (только один!) пункт о национально-культурной автономии русских в будущем ближнем зарубежье. Но это оказалось бесполезным, так как в том тексте, который был очень скоро подписан в Вискулях, несмотря на его поразительное сходство с харьковской резолюцией, никакого упоминания о русских в «ближнем зарубежье» не было.

– Мне не интересны харьковские воспоминания. Это всё в прошлом. Ты ведь мне что-то другое хотел сказать?

– Конечно, Владислав, что-то другое, и,

конечно, я ценю твоё время, но, извини, я продолжу в своей манере. Хорошо? – Максим не дождался ответа, помолчал немного и заговорил мягким тоном. – Тебя ведь многие в Городе знают и к твоему мнению прислушиваются. И очень хорошо, что в трудное время перехода власти ты показал себя образцом культурной и политической толерантности. Моё мнение: в том, что в Городе обошлось без эксцессов, твоя немалая заслуга.

Заслуга моя, подумал Ступин, в том, что я **ВЫДЕРЖИВАЛ ВЕСЬ ВАШ БЕСПРЕДЕЛ И НЕ ДАВАЛ СЕБЯ СПРОВОЦИРОВАТЬ**. Он вынул из пачки с золотым львом сигарету и закурил.

– Я думаю, Владислав, – Максим достал из кармана кожаного пиджака трубку, которую обычно не курил, а посасывал, и начал её рассматривать, – что причина твоей толерантности – твоя бикультуральность (если ты позволишь мне так выразиться). Наша западная культура для тебя не чужая, но и русским человеком ты не переставал быть. По-моему, всё дело в воспитании, среди русской интеллигенции всегда было много людей не имперского типа, воспитанных в принципах европейской гуманности...

Господи, подумал Ступин, куда его несёт? Что за провинциальная привычка философствовать по любому поводу?

– Вот на хуторе, откуда родом моя жена, а, кстати, и заведующий твоим районом Лесовой, рассказывали, что в самом начале русской оккупации (тогда ещё Город русские не взяли) к ним ворвались страшные сибирские казаки – бандеровцев искали. Ими командовал молодой майор, говорят, красивый был парень, с усами, чубом – всё как полагается. Так вот казаки хотели хутор спалить – он им не разрешил. Нашли одного парня в соседском погребе в форме бандеровской, так казаки хотели его сразу повесить – не

дал, сказал, судить будут. А жена моя говорила, что парня того после войны многие видели. Люди говорили, что казачий майор его отпустил. Вот так, Владислав. Твой отец тоже офицером на войне был?

– Ты хорошо знаешь мою биографию. Изучил?

– Ну, а как ты думаешь, мы же должны знать, кому доверяем, с кем общаемся.

– Да, Максим, мой отец на войне был офицером. Кстати, служил в кавалерийских частях. Но врагов, я думаю, он так просто не отпускал.

– Ну, ладно, ладно, не брыкайся, – примирительно и насмешливо сказал Максим. Он пососал трубочку и уже с другой, немного официальной, интонацией спросил:

– Как у тебя отношения с Бодровым?

Вот оно, мысленно воскликнул Ступин, вот цель твоего разговора. Хочешь к общему выводу подойти.

– У меня с Бодровым никаких отношений нет. И не будет.

– Это плохо, Владислав. Большинство в Раде считает Бодрова ещё нужным движению. Он – болтун и пьяница, и человек нехороший, но он управляем, а это главное.

– Ну что ж, управляйте им на здоровье.

– Плохо то, – Максим отчётливо выговаривал каждое слово, глядя Ступину в глаза, – плохо то, что не все считают, что ты управляем.

Вот как, понял Ступин, – настучали по полной. Ну, подонки. А что ты от них ожидал? Что их совесть заест?

– Я так понимаю, что «не все» – это Драпченко? – волна глухой ненависти поднималась на поверхность.

– Не только Драпченко. Другие директора. Лесовой. В общем, честно говоря, много таких. Я, конечно, своё мнение выскажу, но...

Ступин молчал, прикуривая вторую сигарету.

– Ты, Владислав, не психуй. Может быть, тебе стоит поменять работу, уехать на время, отдохнуть, вон ты какой бледный, – и прогулки не помогают.

– Я уеду, – Ступин услышал свой хриплый голос со стороны, – к чёртовой матери уеду. Живите сами, пока вам ДАЮТ ЖИТЬ, пока ЕЩЁ дают.

Ступин резко встал, покачнув столик, уронил стул, тихо ругнулся и пошёл, не оглядываясь, к выходу. В тот самый момент КРУГ НАЧАЛ ЗАМЫКАТЬСЯ.

Сознание Ступина нащупало какое-то яркое пятно: это был свет автомобильных фар. Они светили двоим одетым в спортивные костюмы мужчинам, которые вытащили его из машины и понесли в лес. Сквозь страшную боль и ужас приближающегося небытия он услышал фразу: «До утра сдохнет». И матерную ругань. Его бросили под сосну – на глиняный холмик, поросший травой. Ступину показалось, что он начал проваливаться в длинный чёрный туннель, потом он перестал падать, и всё в сознании смешалось. Только память время от времени возвращала ему картины, звуки, образы того далёкого минувшего, КОТОРОЕ ТЕПЕРЬ УХОДИЛО БЕЗВОЗВРАТНО. «До утра сдохнет», – тикали в глубине сознания невидимые часы. – До утра сдохнет». «Утро, когда будет утро?», – подумал Ступин и вдруг понял – сейчас будет утро. Вот он откроет глаза – и будет утро. Он открыл глаза и увидел верхушку сосны, освещённую высоко-высоко солнцем, увидел тёмную лесную поляну. На ветке прямо над ним сидела большая красивая белая птица – она готовилась взлететь. «Господи, Господи, да будет воля твоя», – ещё успело прозвучать в сознании, или ему только показалось.

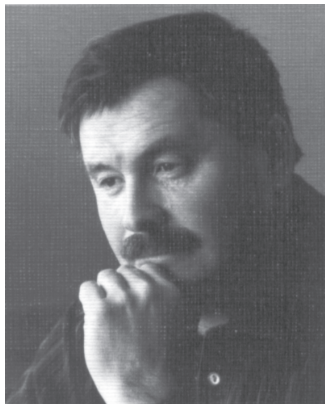
Далеко впереди в кромешной тьме вспыхивает маленький лучик света. Он

приближается, разрастается, охватывает всё внутреннее пространство мозга, глаза открываются, и Ступин видит перед собой деревянный потолок, на котором проложил свою солнечную дорожку ранний летний рассвет. Он поворачивает голову на бок и обводит взглядом комнату с деревянными стенами и полом, с крестьянской печкой в углу и домотканым ковриком у кровати. «Господи, опять этот сон, каждую ночь один и тот же сон!» Ступин встаёт и выходит на крыльцо большого деревянного дома, стоящего на лесистом холме над рекой. Внизу, под обрывом, течёт быстрая холодная река, на другом её берегу начинается тёмно-зелёный хвойный лес, уходящий далеко за горизонт. Справа, вдоль просёлочной дороги, выстроились в ряд такие же деревянные похожие друг на друга дома большого посёлка. За крышами домов виднеются купола сельской церкви, поблёскивающие на утреннем солнце золотыми искорками крестов. Ступин смотрит на солнце, на дальний лес и бежит по откосу к реке умываться в её ледяной прозрачной воде. Ему надо спешить, ещё очень много дел.

Теперь, в общем, всё хорошо, только что ему делать с этими бесконечными мучительными снами, которые приходят каждую ночь и не отпускают до утра, он не знает.

8 ноября 2006 года.

Михаил Елькин

Михаил Андреевич Елькин чужис 1958-өд воын Сыктывдин районса Сёська сиктын.

Помалис А.М. Горький нима Литературной институт. 1986-өд восянь уджаліс «Войвыв кодзув» журнал редакцияын. Уна во тайо журналас воли главной редакторон. Йозодліс кывбурьясё, вуджодомьясё «Войвыв кодзув», «Арт» журналъясын, альманахьясын да кывбур чукорясын. Авторлон петісны «Озын», «Восьса сёлөмөн», «Лысва», «Бурас эскөмөн», «Арся дзоридзьяс», «Кодзула эжа» ашөр кывбур чукоряс. Комиодіс К.Ф.Жаковльсь «Биармия» поэма.

М.А. Елькин – Коми Республикаса Государственной премия лауреат, Коми Республикаса Правительстволон премия лауреат. Коми Республикаса заслуженной уджалысь. Пырö Россияса гижысь котырö.

Кытлөдз олан

Шондіyslön пöртмассис да ёрсис –
Ывла вивсö арлы гожöм ворссис.

Чужаніной кодзыд зэръяс кытшын –
Онi арыс быдöн вылын ыджыд...

Мыйöн тэнö шонта, чужан муöй?
Аслам öнi арся олан руöй...

Шогся – этша ветлі эрдö-виддзö
Нимкодьясны гожа ывла мичөн...

Кодыр видзсö уна рöмö вöйтліс –
Шоча тöдса ордымьясöд шöйтлі.

Мукöд колан төждъяс пиö сунлі.
Дзоридзьяснас нимкодьясны вунлі –

Бобöняньöн, катшасинöн, марьямольöн...
Гожöмыслы уджйöзаон коли...

Дöзмöма вотчысьысь расыс.
Сулалö зумыш да нор.
Бур сылы войтöла асыв –
Пыркöдö кор бöрся кор.

Мудзёма лөзавны енеж...
 Кымёра лун бөрся лун.
 Пармасё чөв-лөньыс венё,
 Ньёжйёник шымыртё ун.

Дөзмёма дзирдавны юис...
 Воштёма рөмпёштан мич!
 Дзебсясьё зэр сора руын –
 Мудзёма розъявны видз.

Видзёдлан водзё ли бөрё...
 Кытчөдз коть синмыд оз судз –
 Ю вылын, видз вылын, вёрын –
 Быдлаын дөзмём да мудз.

Лэбёны турияс, лэбёны...
 Шогнысё борд улас дзебёны.

Дзебёны синваа шогнысё –
 Гортныскөд янсөдчан могнысё.

Шлывгёны. Налён быд горөдём
 Ныж пуртён сьөлөмөс орөдө.

Ті вөсна майшася, буръясёй –
 Егыртөг, мырпома нюръястөг,

Өзимён вежөдысь муястөг,
 Енежсё гильөдысь пуястөг,

Тёлысьсё кылөдысь ютөгыс,
 Тыяссё шебралысь рутөгыс –

Төвйыны тырмас-ө эбөсныд?
 Лэбисны турияс, лэбисны...

Ланьтёма муза, и ланьтёма сьөлөм...
 Көдзалём шондіыс егыръяс пөлөн
 Ньёжйёник исковтё, дышмёма помтөг,
 Бипур моз, муртсышт ас гөгөрсё шонтё.

Ланьтöма сьöлöм, и ланьтöма ывла...
 Кор нин тэ, гыöра енэжöй, сывлан?
 Шондiй, кор нин тэ кыпöдчан весьтам,
 Югьдас эскöмсö ловзьöдан-пестан?

Кыаяс донöсь, и войясыс сэзьöсь!
 Енэжас пасьтала – кодзула эзысь...
 Качöдö арлыдöй кодзувьяс пöвстö,
 Шогöдан эзысьсö юрсиö көвтö...

Буракö, сёрнисьыс гажыс жö бырö,
 Керкаö вой шөрнас тöлысьыс пырö.

Пыр! Он тай менсьым ун торкысьөн шусьы –
 Мөвпавсьö-бергавсьö, войбыд оз узьсьы.

Тэтöг мед ывлаыс здук-мөдтö олас...
 Мый öнi ывлаыс? Турöб да тола.

Пызантор корсьышта. Чай тэныд кисьта,
 Пуксьы да чöсмась да быдтор мен висьтав.

Ов тан, оз быр кытчөдз чукöрмöм дойыд!
 Кыкөнлы сёрнитны кузь төвся войыс.

Вой чөжөн сёрниным миян оз быр на!
 Лыдтöм вой кежлö на сёрниным тырмас.

Уна ог кор, кельыд бандзиба тунöй –
 Енвевтад каян да менö эн вунöд.

Пырав на бара, кор вой шöрыс воас –
 Гашкö, кык öтка, бур ёртъясөн лоам...

Тöрыт на зэрис да ва лымйөн шötис,
 Туйвывса няйтсö нянь шомöсö көтис.

Сэссия и төв бара петкөдліс вынсö –
 Гөгөрбок лымъяліс, гөгөрбок кынтіс.

Сöмын и төвнас мый лачатö торкас?
Талуннас олан, а водзланьö дзорган.

Муртса на тыдовтчас пыдöсыс волөн –
Сьöлөмöй бара нин тулысөн олö.

Кодыр тувсовъя шондiыс пöлыштас бисö,
Сэки ю вывсьыс сырчикъяс жугласны йисö.

Луныс ыпмунö, вой бара кельдöдас-югзяс,
Бара беринöсь шондiыс коз йылö пуксяс.

Ылі му сайö лэччывтöг ломавны кутас...
Бара дзодзöг-юсь вöйтчас сэк быдтысян шудас.

Ловзьысь рас лэбач гöлöсьяс асывнас ёсьтас!
Бара радейтöм ытва моз сьöлөмъяс босьтас –

Кутны-лелькуйтны ки пытшкын мусалысь кисö,
Кодыр сырчикъяс ю вывсьыс жугласны йисö.

Оланногöй сьöлөм бердам,
Меысь некытчö оз коль –
Берба лунö вая берба,
Ыджыд лунö сёя кольк.

Мый и таладорас олан,
Он кө шуда здукъяс кый?
Ставсьыс меным овлö долыд,
Бытьö пытшкö киссьö вый.

Ставсö вöча сьöлөм пöсьөн –
Ковтöг кывъясөн ог дур! –
Медым аслым вöлі лöсьыд,
Но и матысалы бур.

Пыдди пункта Енлысь индöм...
Гашкö, казялас, да сэк
Кöть нин öти вылö чинтас
Олөм чöжөн öкмөм грек.

Збыльö кöсйöмъясöс пöртö
Воом тулыс – авъя, збой!
Тöвсö парма сайö йöртö,
Содтö лун да чинтö вой.

Лöсталö нин енэж лöзыс,
Лун төв вöтлö тöвся ун...
Шудö эскöдöны йöзöс
Берба лун да Ыджыд лун!

Юньыс юльö вуджö...
Луныс эз на чин!
Быдөн корсьö вуджөр –
Жарсьыс дзебсянин.

Шонді улас петны
Кöсйысь öнi шоч.
Öтнам сэтi ветла,
Кöнi шонді водз.

Морöс разя-восьта.
Медым лоö жан!
Жарсö пытшкö босьта:
Пöжав, шонді бан!

Ло тэ мекöд лышкыд...
Яйö-сöнö пыр!
Медым сэсся пытшкын
Биыд олiс дыр.

Гожöм тэнад пымнад
Дырсö тан оз ов!
Кöдзыдысь да лымйысь
Сэсся мед эг пов.

Турöбъяс оз вины,
Кодыр воас төв.
Пытшкын чöжсьöм бинад
Вуджа еджыд чöv.

Льомъюю, Льомъюю, Льомъюю чөдла!
Бара на пармалысь олөмсö тöдла.

Бара на расъяслысь сёрнисö кывла,
Бордйодас сёлөмсö лунтöла ывла!

Букуш көть шондіа – Льомъюю кайла,
Мед көть и зэр меным кымöрыс вайлас.

Зэрас да зэрас да коркö öд коблас...
Ветла сэк Льомъюю ягсерла-гобла!

Сэсса кор войыс бөр суныштас сёдас,
Асывнас корсюрö пужъявны мөдас,

Тöлысьыс бергөдчас сюръяснас увлань –
Льомъюю, Льомъюю мөдөдча пувла!

Льомъюкөд арсö и гожөмсö ола,
Туйясöс кытчөдз оз вомöнав тола.

Карас оз йöрт кытчөдз турöба тöлыс!
Ар помас Льомъюлы копыртча чöла –

Ог сöмын сыысь, мый вотöссö новла –
Сыысь, мый корсюрö шудаөн овла!

Кытчөдз тай олан –
Сэтчөдз и гажыд!
Няня и сола
Выльыс и важыс.

Гумлалан содзнад
Мый сетö луныс!
Видзөдан водзö –
Важсö он вунөд.

Олөмас волан
Төждас да нокас.
Кытчөдз тай олан –
Сэтчөдз и мога.

Эскана эмас
Йёзыскөд олан.
Мед сөмын нэмад
Кодлыкө колан.

Нэмтө мед кустөг,
Сьёкыдсьыс повтөг,
Ыпъялысь муслун
Шымыртіс ловтө.

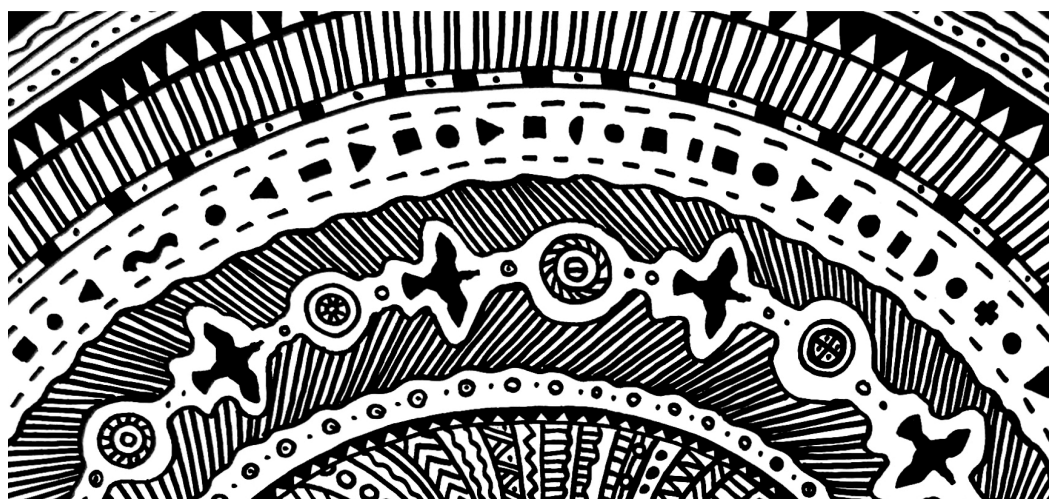
Өдтө пыр содтан,
Писькөдчан чөла...
Мед сөмын кодкө
Виччысьысь вөлі.

Унатор венан...
Мудзсө и лёксө –
Мед сөмын Енмыс
Сетас на могсө!

Киа да кока
Вуджан сё тола...
Кытчөдз тай мога –
Сэтчөдз и олан!

СЫКТЫВДИН

Михаил Таскаев

Михаил Владимирович Таскаев, кандидат исторических наук, зав. отделом истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, член-корреспондент Академии военно-исторических наук, автор и соавтор свыше 200 научных и научно-популярных работ, среди них энциклопедии, монографии и книги («Они любили край родной», «Небольшевистские партии и Белая Армия в Коми крае (1917–1920 гг.)», «Огненные вехи (Очерки истории пожарной охраны Республики Коми)», «Магелланы нефтяных океанов», «Крашенные», «Чёрные годы (Революция и гражданская война в Коми крае)», «Связь времён», «Охранять – наша обязанность (Страницы истории вневедомственной охраны Республики Коми)», «Историческая хроника (Республика Коми с древнейших времён)», «Создатели Коми автономии», «Первые коми политики», «Их объединило краеведение», «История Коми с древнейших времён до конца XX века» в 2 томах, «Социально-политические процессы на Европейском северо-востоке России (1901 – первая половина 1930-х гг.)», «Коми край в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)» и др.). Уроженец села Ыб.

Сыктывдинский район: страницы истории

МО «Сыктывдинский район» находится в юго-западной части Республики Коми, со всех сторон окружая республиканскую столицу Сыктывкар. Граничит на юго-западе с Сысольским, на юге – с Койгородским, на севере – с Усть-Вымским и Княжпогостским, на северо-востоке – с Корткеросским районами Республики Коми, на западе – с Архангельской областью. По территории района протекают две реки – Сысола и Вычегда. В переводе на русский язык слово «Сыктив» — принятое у коми название реки Сысола, а «дин» — «устье», т. е. Сыктывдин означает «место у устья Сысолы». Территория района занимает 1,8% площади Республики Коми – всего 7404,7 кв. км, она довольно плотно населена. Сыктывдинцы проживают в 49 сёлах и деревнях, которые объединены в 13 сельских поселений. На 2015 г. здесь проживает 23936 чел., из них в райцентре Выльгорт 11574, Зеленце 3438, Пажге 2313, Палевицы 1145, Ыбе 866 чел.

Рельеф Сыктывдинского района достаточно разнообразен: на общем равнинном фоне встречаются и возвышенности (например, знаменитые Ыбские горки), долины рек, овраги. Климат умеренно-континентальный, снег может держаться более полугода (Сыктывдин приравнен к районам Крайнего Севера). Район богат лесами различных пород (ель, сосна, берёза, осина), которые занимают 85% земель района, запас

лесонасаждений составляет 65 тыс. куб. м. Флора и фауна района весьма насыщены (много ягод: брусника, черника, клюква, морошка; в лесах водятся белки, медведи, лоси, лисицы, волки, зайцы, бурундуки; промысловые птицы: тетерев-косач, глухарь, кряква, чирок, рябчик). Реки и озёра богаты рыбой (карась, щука, ерш, плотва, окунь, лещ и др.). Относительно неплохие почвенно-климатические условия для земледелия, наличие заливных лугов в речных долинах для животноводства, возможность охоты и рыболовства, удобство сообщений по воде – всё это способствовало исторической миграции населения по побережьям рек Вычегда и Сысола и их притоков.

Миллионы лет назад территория района была покрыта субтропическими лесами, здесь располагалось море юрского периода, обитали динозавры, кости которых обнаружены палеонтологами, например, в селе Ыб. Первый человек появился в здешних местах примерно 5-6 тысяч лет назад, о чём свидетельствуют археологические раскопки. В легендарный период сыктывдинская земля входила, как и многие другие коми земли, в волость «Перемь» (Пермь) и номинально подчинялась Великому Новгороду (первый уцелевший документ о новгородских волостях «Перемь, Печера и Югра» относится к 1264 г.). В XIV-XV вв. в ходе феодальной войны между Новгородом и Москвой Коми край вошёл в состав Московского царства, став первым значительным инородным регионом в централизованном русском государстве. В 1586 г. при царе Фёдоре Иоанновиче дьяк И. Огарев и подьячий Ф. Юрьев провели описание земель и населения Коми края, в т.ч. переписали все имевшиеся по Сыsole населённые пункты, количество дворов в них и имена дворовладельцев. Писцовая книга хранилась в Москве и со временем, как и многие другие ценнейшие документы, была утрачена. Выписки из неё (т.н. «сотные») хранились в Вотчинском храме и сгорели от пожара в 1599 г. Сысольцы в 1600 г. били челом государю, царю и великому князю всея Руси Борису Годунову, дабы тот дал им на хранение новую грамоту. Эта копия с писцовой книги сохранилась, и, заглянув в сотную, можно узнать, что в 1586 г. на территории современного Сыктывдинского района уже существовали Вильгорт, Шошка, Ыб, Пажга, Гарья, Лозым, Палевицы, Часово, Парчег. Точная дата возникновения этих поселений не известна. По косвенным данным можно предположить, что к более древним относятся Ыб (на его каргортских холмах во времена феодальных междоусобиц XV в. была построена одна из немногих на Сыsole русских военных крепостей «Сосновое городище», имевшая гарнизон, пушки, пищали и солидный запас пороха и ядер), Шошка, Пажга, Гарья, Лозым.

На Зырянском Севере, в отличие от центральной России, никогда не было крепостного права, коми-зыряне (в т.ч. и из Сыктывдина) являлись государственными крестьянами, участвовали в освоении Урала, Сибири и даже Русской Америки; храбро вызывались «охотниками» (добровольцами) на войну с Наполеоном во время Отечественной войны 1812 г., Крымскую кампанию XIX в., Первую мировую войну. Отгремели революция и гражданская война... В XX столетии тысячелетний уклад крестьянской жизни в Коми крае стремительно изменился, массивная индустриализация за счёт принудительного труда рабсилы ГУЛАГа за несколько десятилетий полностью изменила аграрный регион.

Официальная дата рождения Сыктывдинского района 15 июля 1929 г. Село Вильгорт стало историческим и административным центром района. От райцентра до г. Сыктывкар – всего 7 км. До революции территория района входила в состав Усть-

Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии. С образованием Коми автономной области возник Усть-Сысольский (Сысольский) уезд Коми АО, куда вошли почти все основные сёла и деревни современного Сыктывдинского района (за исключением северных поселений, вошедших в состав Усть-Вымского уезда Коми АО). С вхождением Коми АО в Северный край в 1929 г. был образован Усть-Сысольский район, администрация которого первоначально находилась в г. Усть-Сысольск, а в 1931 г. переехала в Выльгорт. С переименованием Усть-Сысольска в Сыктывкар район получил название Сыктывкарского, в его состав входили нынешние Сыктывдинский и Корткеросский районы, а также г. Сыктывкар. 10 февраля 1935 г. был выделен Сыктывдинский район в нынешних границах. Однако в 1963–1964 гг. Сыктывдинский и Корткеросский районы на короткое время вновь объединяли. Современные административные границы Сыктывдинского района окончательно утвердились в январе 1965 г.

Район богат историческими событиями, православными святынями, археологическими, историческими и архитектурными памятниками. Здесь расположено одно из старейших промышленных предприятий Коми края – Нювчимский чугунолитейный завод. В годы Великой Отечественной войны на фронт ушло 6300 сыктывдинцев, не вернулось свыше трех тысяч. В честь погибших земляков во всех поселениях установлены обелиски, в т.ч. в Выльгорте установлена мемориальная доска в честь уроженца района генерал-лейтенанта Д.Г. Дубровского (Сивкова), участника Великой Отече-

ственной войны. Люди являются главным богатством района: труженики сельского хозяйства, лесной промышленности, работники образования, здравоохранения, культуры, торговли, сферы обслуживания. Многие уроженцы района стали известными учёными, писателями, деятелями искусства, из них надо назвать в первую очередь самого знаменитого в Российской империи мастера русских народных инструментов («балалаечного Страдивариуса», как его называли современники), обладателя многих выставочных медалей Семёна Налимова; философа Каллистрата Жакова, этнографа и лингвиста Алексея Сидорова, историка Павла Доронина, народную артистку СССР Глафиру Сидорову и др.

Сыктывдинский район – крупнейший сельскохозяйственный регион Республики Коми. Агропромышленный комплекс Сыктывдинского района представлен 19 сельскохозяйственными организациями, 23 крестьянскими фермерскими хозяйствами и 9,5 тыс. личными подсобными хозяйствами. На всю республику известны сыктывдинские предприятия: «Зеленецкая птицефабрика», «Сыктывкарская птицефабрика», «Вильгортская сапоговаляльная фабрика», «Сыктывдинский лесопромышленный комбинат» и др. Среди муниципальных образований республики Сыктывдинский район по-прежнему занимает лидирующие позиции по производству мяса (и субпродуктов пищевых убойных животных) — на долю района приходится 66 % от общереспубликанского объёма произведённого мяса. На территории района зарегистрировано 15 малых и средних предприятий, 198 микропредприятий и 505 индивидуальных предпринимателя, оборот только малых предприятий за январь–июнь 2013 г. составил например, сумму в 497,6 млн. рублей, в т.ч. отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами на сумму 302,0 млн. руб. В районе находятся 35 образовательных учреждений, имеются учебные заведения по подготовке специалистов – это Сыктывкарский сельскохозяйственный техникум с коми филиалом Вятской государственной сельскохозяйственной академии и Профессионально-техническое училище № 2. В пос. Нювчим открыт Музей-усадьба учёного-музыковеда П.И. Чисталёва, в райцентре воздвигнут памятник С.И. Налимову, открыт Центр народных ремёсел «Зарань» – уникальные сооружения не только в республике, но и на всём Северо-Западе России. В селе Ыб расположен Финно-угорский этнокультурный парк – тематический культурно-познавательный комплекс, в котором ежегодно проходит мультифестиваль «Ыбница» и спортивный фестиваль «Зимняя Ыбница». На ыбской земле выступали многие известные российские и финно-угорские музыкальные команды (например, Вячеслав Бутусов и его «Ю-Питер», Гарик Сукачев и «Billy's Band», «Анимация», «Смысловые галлюцинации», «Отава Ё», «Бурановские бабушки», «The Rasmus», «Jytäjyrsijät» и др.).

Сыктывдинская земля богата талантами. В каждом уголке района есть свои знаменитости – любимые самодеятельные коллективы, без которых не проходит ни один праздник. В 2015 г. в Вильгorte прошёл XII Всероссийский фестиваль «Завалинка», посвящённый 70-летию Победы. Начавшись патриотичным театрализованным представлением о Великой Победе, «Завалинка» завершилась народными плясками и гуляниями. Побороться за главный приз в этом году приезжали 22 творческих коллектива из разных уголков страны, гран-при фестиваля, завоёванный семейным фольклорным ансамблем, уехал в Чувашию.

В с. Вильгорт находятся уникальные для республики конно-спортивная школа и

лыжный комплекс имени олимпийской чемпионки Раисы Сметаниной. Здесь проходят крупнейшие лыжные соревнования российского и международного уровня. Спортивные команды Сыктывдина неоднократно становились победителями республиканских соревнований по футболу, мини-футболу, волейболу среди сельских районов республики.

Сыктывдинский район сегодня имеет все резервы для дальнейшего социально-экономического подъёма, администрация района видит его перспективу в дальнейшем развитии экономики, социальной сферы и повышении благосостояния населения.

Сыктывдинский район больше полувека назад

Сельское хозяйство Коми АССР после войны переживало тяжёлый кризис. Не хватало самого необходимого, отсутствовала техника, многие специалисты сельского хозяйства и механизаторы погибли на фронте. Колхозники платили высокие налоги, оплата труда была чрезвычайно низкой. Посевные площади, поголовье скота сократились. Чтобы оживить сельское хозяйство в стране, сентябрьский пленум ЦК КПСС в 1953 г. поднял закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, снизил налоги, поднял оплату труда колхозников. Это спасло колхозы от полного развала.

Ещё одним неблагоприятным фактором в развитии сельского хозяйства в Коми АССР являлось обилие мелких колхозов. Некоторые из них имели в своих составах не более 30 крестьянских дворов и около 500 га земли. Это не давало возможности развернуть рациональное ведение многоотраслевого сельского хозяйства с применением машинной техники. Поэтому в 1950 г. началось укрупнение колхозов; если в 1950 г. в Коми АССР насчитывалось 673 колхоза, то уже через год – 360. Процесс укрупнения продолжался вплоть до ликвидации колхозов. Наиболее крупные колхозы возникали как раз в южных районах республики, некоторые из них объединяли до полутысячи крестьянских дворов. В 1950-х гг. осуществлялась электрификация колхозов, в 1959 г. 55% коми колхозов пользовались электроэнергией. В 1958 г. МТС были ликвидированы, а их техника продана колхозам. Государство выделило специальные ссуды колхозам для приобретения машин.

Каким был Сыктывдинский район в 1950-х гг.?

Председателями Сыктывдинского райисполкома были тогда Георгий Александрович Подоров и Виталий Евгеньевич Шишкин. Подоров родился в 1916 г. в с. Шошка Яренского уезда Вологодской губернии, после семилетки в 1939 г. закончил Ухтинский горный техникум. Воевал, был награждён двумя орденами Красной Звезды и медалями. На фронте вступил в ВКП(б). В 1946–1948 гг. учился в Молотовской (Пермской) партшколе. В 1952 г. был избран председателем Сыктывдинского райисполкома. В 1955 г. был избран депутатом Верховного Совета Коми АССР. В.Е. Шишкин родился в 1923 г. в Пыёлдино Сысольского уезда Коми области, в 1941 г. закончил Сыктывкарскую фельдшерско-акушерскую школу. В августе 1941 г. был призван на фронт, воевал в Краснознамённом механизированном полку фельдшером, выносил раненых с поля боя, оказывал им первую помощь. В декабре 1945 г. демобилизовался и вернулся в родной Сысольский район, где заведовал Сысольским райздравотделом. В 1951 г. его перевели в Сыктывдинский район заместителем председателя райисполкома. В 1955

году был избран председателем Сыктывдинского райисполкома. В 1959 г. Шишкин назначен директором совхоза «Сыктывкарский». Под его руководством совхоз позднее стал первым рентабельным сельским хозяйством Коми АССР и был награждён орденом Ленина, а Виталий Евгеньевич стал Героем Социалистического Труда. В дальнейшем В.Е. Шишкин работал первым секретарём Сыктывдинского райкома КПСС, председателем парткомиссии Коми Обкома КПСС. Скончался в 1997 г.

Первым секретарём Сыктывдинского райкома КПСС в 1950-х гг. являлся Афанасий Иванович Каракчиев, 1915 г. рождения, уроженец с. Вомын. После окончания школы колхозной молодёжи он некоторое время работал секретарём земельного отдела Сторожевского райсовета. В 1934–1938 гг. учился в Сыктывкарском лесном техникуме, в 1938 г. был призван в Красную Армию, воевал в 1939–1940 гг. в Польше и Финляндии. В 1940 г. вступил в ВКП(б). На фронтах Великой Отечественной войны был награждён боевыми медалями, в т.ч. «За отвагу», «За оборону Ленинграда» и др. Был демобилизован из армии после тяжёлого ранения в ходе Керченского десанта, где Каракчиев воевал комиссаром танковой роты. В 1944–46 гг. он работает инструктором сельскохозяйственного отдела Коми обкома ВКП(б), в 1946–48 гг. учится в Молотовской (Пермской) партшколе. Работал в Летском райкоме партии. В 1954 г. был назначен первым секретарём Сыктывдинского райкома КПСС. В 1955 г. Каракчиева избрали депутатом Верховного Совета Коми АССР.

В 1957 г. в районе появился первый Герой Социалистического Труда – Иван Фёдорович Сидоров. Он родился 14 сентября 1918 г. в д. Тупицыно Палевицкого сельсовета, с 14 лет начал работать, был телефонистом, слесарем, шофёром. Учился в Часовской лесотехнической школе, перед службой в Красную Армию в 1938 г. работал слесарем Мыёлдинской тракторной базы Усть-Куломского района. В Великую Отечественную войну попал на фронт под Ленинградом, в первом же бою был тяжело ранен, и в июне

1942 г. Сидорова демобилизовали домой. Работал инспектором по кадрам Палевицкого леспромхоза, потом возглавлял Шыладорский и Коквицкий лесопункты. Затем ему поручили «поднять» Мадмасский лесопункт Усть-Вымского района, и Иван Фёдорович успешно справился с этой сложной задачей. Мадмас из скопления ветхих барачков превратился вскоре в образцовый посёлок с магазинами, столовой, школой, клубом. Были достигнуты высокие показатели в работе лесопункта. За особые заслуги в развитии народного хозяйства И.Ф. Сидоров в 1957 г. был удостоен звания Героя Социалистического Труда, избирался депутатом Верховного Совета Коми АССР. Скончался он в 1991 г.

На территории Сыктывдинского района имелись 25 колхозов и сельхозартелей: «имени Мичурина», «Сталинец», «имени Калинина», «Виль туйёд», «Ленин туйёд», «имени Будённого», «имени Сталина», «Красный подсолнечник», «имени Ворошилова», «имени Маленкова», «имени Кирова», «имени Ленина», «имени XVIII партсъезда», «имени Шверника», «имени Молотова», «Виль-мет», «имени Чкалова», «имени Булганина», «Ильич», «имени Хрущёва», «Виль нилыдзь», «имени Максима Горького», «имени Жданова», «Яг-ю», «Виль Ясног». Колхозы сеяли рожь, ячмень, пшеницу, овёс, горох (сорта «гарнит», «кюто», «машин», «полярный-14», «капитал», «торгсдат», «вятка», «сысольский 95»). Как утверждала районный агроном А. Костина, именно местный сорт ржи «сысольский 95» давал самый лучший урожай на суровой северной земле. В 1955 г. началась мощная кукурузная пропаганда. Сыктывдинские колхозы начали сеять и кукурузу (сорта «партизанка», «стерлинг», «успех», «северо-осетинская»). На базе Пажгинской МТС провели семинар района по кукурузе, инструктируя, как бороться с главным вредителем кукурузы «шведской мушкой». В районе набрали 30 специальных комсомольско-молодёжных звеньев по посадке кукурузы. По району разъезжала агитбригада, в доходчивой форме доводившая до населения кукурузную пропаганду.

Так, в мае 1955 г. агитбригада побывала в колхозах имени Мичурина и имени Будённого с инсценировкой «Что такое кукуруза?», исполнялись также русские и коми национальные песни, частушки «Мы посеяли кукурузу», «Два агронома» и т.д. Агитбригада выезжала в Зеленец, Часово.

В колхозе имени Калинина весной 1955 г. посевы кукурузы достигли 30 га, посеяли 15 центнеров семян, на каждый гектар колхозники вывезли до 30 тонн навоза, завезли 20 тонн извёстки и 30 тонн минеральных удобрений – всё это с целью улучшения качества полей и повышения урожая. В Ыбском колхозе имени Ленина посевы кукурузы тоже достигли 30 га, колхоз построил специальную полубашню под кукурузный силос. В начале июня 1955 г. сев зерновых и кукурузы по району заканчивался. В колхозе имени Сталина план сева на 9 июня 1955 г. был выполнен на 84% (кукурузы на 100%), в колхозе «Виль-мет» посеяли 97,2% к плану (здесь кукурузу не сеяли), колхоз имени Жданова посеял 51,1% зерновых к плану (в т.ч. кукурузу 54%), плохо справлялись с планом колхозы имени Максима Горького (46,8%), «Ильич» (40,6%). Пажгинская МТС посеяла зерновых 79,3% к плану (из них кукурузы 66,2%).

Помощь колхозам техникой оказывали Пажгинская (директор Меньшиков), Палевицкая (директор Ивашов) и Сыктывкарская МТС. Так, только за 8 посевных дней тракторист Сыктывкарской МТС Г.И. Есев вспахал и продисковал 30 гектаров колхозу имени Мичурина. В Пажгинской МТС насчитывалось 56 тракторов «Нати», «У-2», «Белорусь», 13 комбайнов, весной поступили новые механизированная зерносушилка и картофелеуборочный комбайн. В хозяйстве МТС было несколько десятков прочей сельскохозяйственной техники, в т.ч. сеялки, сенокосилки, стогометатели, жатки и пр. Весной 1955 г. Пажгинская МТС только на поля колхоза «Сталинец» вывезла 1500 тонн торфа. На выборах в советские органы власти в 1955 г. бригадир трактористов Пажгинской МТС П.Е. Кононова была избрана депутатом Верховного Совета Коми АССР. Пажгинская семилетка также всемерно помогала колхозам, изготовила в 1955 г. 25 тысяч торфоперегонных горшков. Шестиклассник Василий Поляков прочно удерживал первенство в этом деле – он изготовил 3500 горшков. Школьники Владимир Тимин, Лидия Тимина, Анна Степанова сдали в колхозные фонды по 100–110 кг золы каждый.

Кроме МТС и школ помощь колхозам оказывала сыктывкарская сельхозавиация, так весной 1955 г. только в колхозе имени Будённого подкормка озимых была осуществлена с воздуха на площади 80 га.

В июне 1955 г. состоялся пленум Сыктывдинского райкома КПСС, как обычно посвящённый производственным делам. С докладом о состоянии дел в районном сельском хозяйстве выступил председатель райисполкома Г.А. Подоров. Он поведал собравшимся, что амбарный урожай зерновых по району за 1954 г. составил по пять центнеров с гектара. По плану на 1955 г. кукурузный силос предполагалось убрать с 483 га, в 1957 г. – уже с 690 га, а в 1960 г. – с 850 га. План картофеля по району на 1957 г. достигал посадки на 720 га. Председатель Ыбского колхоза «Сталинец» А.И. Сямтомов выступил на пленуме с сообщением, что в Ыбе построена механизированная ферма, гумло, уже достигнуты надои до 1000 кг с каждой коровы, а планируется к концу года достичь 2000 кг. Сямтомов подверг критике районное партийное руководство и Пажгинскую МТС за слабую работу с кадрами, заметив, что «отдельные коммунисты бегут от колхозной жизни», в торговле нет кос, не хватает ГСМ и т.д. Критике работу Пажгинской и Палевицкой МТС подвергли также председатели колхозов имени Молотова Степа-

нов, имени Шверника Лыюров, имени Кирова Тимин. В прениях выступили 18 человек. 30 июня районная газета «Колхозник» (редактором её был тогда А.И. Артемьев) опубликовала «Обращение работников животноводства, механизаторов и специалистов сельского хозяйства Сыктывдинского района» ко всем колхозникам Коми АССР с призывом увеличить производственные показатели и досрочно выполнить планы заготовок и закупок мяса, молока, шерсти, кожевенного сырья. По молоку Сыктывдинский район обязался выполнить годовой план к 1 октября, а по мясу – к 1 ноября.

Итоги работы в сельском хозяйстве за год подвели районная сельскохозяйственная выставка в Вьльгорте, проходившая в конце ноября и 30 районная партконференция КПСС 26–27 ноября 1955 г.

По итогам 1955 г. переходящее Красное Знамя Сыктывдинского райкома КПСС и Сыктывдинского райисполкома за высокие сельскохозяйственные показатели добился колхоз имени Калинина Палевицкого сельсовета, была также отмечена хорошая работа колхозов «Сталинец» и имени Будённого. На районную Доску Почёта за вовремя выполненные госпоставки по хлебу были представлены колхозы имени Калинина (председатель И.А. Коюшев, парторг С.Г. Сидоров), имени Сталина с женским руководством (председатель Е.П. Беликова, парторг А.С. Кузьмина), «Вьль Ясног» (председатель И.С. Томов, парторг Г.В. Томов), имени Максима Горького (председатель Г.В. Цивунин, парторг К.С. Логинов). Лучшей дояркой района за 1955 г. стала Т.Е. Белых из колхоза имени Калинина, надоившая по 2038 кг с коровы. Лучшей бригадой овощеводов по району признали бригаду депутата Верховного Совета СССР Прасковьи Чеусовой из колхоза имени Мичурина (Вьльгорт).

Председатель лучшего в 1955 г. районного колхоза Изосима Александрович Коюшев родился в 1921 г. в с. Пезмог, с детства занимался крестьянским трудом, в 1939–1945 гг. был в Красной Армии, воевал, награждён орденом Красной Звезды, медалью «За взятие Берлина». После войны работал сначала главным зоотехником Сыктывдинского района, потом возглавил райсельхозотдел. Заслуженный зоотехник Коми АССР. В 1951 г. Коюшева выбрали председателем колхоза имени Калинина, в начале 1955 г. он стал депутатом Верховного Совета РСФСР. Отмечалось, что колхоз имени Калинина заботится о благополучии своих колхозников – в Палевицах начали строить колхозную электростанцию, 30 колхозников имели личных коров, 150 семей завели поросят в подсобных личных хозяйствах.

В 1955 г. в Шошке колхоз имени Сталина построил колхозную электростанцию, провёл свет в 120 крестьянских домах, тянул провода еще к 130 домам.

Хороших показателей в 1950-е гг. добились колхозники Ыба. В 1951 г. ыбский колхоз «Сталинец» построил первую электростанцию в селе (в деревне Ёль) и первый коровник на сто голов с механической подачей воды (с помощью гидравлического тарана) и самодельной подвесной дорогой для уборки навоза. По инициативе председателя колхоза Алексея Ильича Сямтомова (впоследствии управляющего Ыбским отделением совхоза «Сыктывкарский», за свой труд награждённого орденом Трудового Красного Знамени) сконструировали автопоилки на фермах, тракторные сани – волокуши для подвоза сена. В Ыб за опытом приезжали целые делегации из других колхозов республики, чтобы посмотреть на механизированную ферму. Провели водопровод к теплицам – тоже впервые по республике. В Ыбе были свои мельницы, пекарни, кузницы, маслозавод, конюшни. Большой склад был построен для приёма товаров с пароходов

и барж. На полях сеяли рожь, пшеницу, ячмень, горох, овёс, сажали морковь, картофель (площадь зерновых культур достигала 600 га). В 1955 г. бригада Евдокии Безносиковой молола по 14-15 центнеров ржаной муки («рудзюг») с гектара, в крестьянских избах шили одежду, полотенца из ыбского колхозного льна.

Животноводы Ыба в конце 1950-х гг. добились высоких показателей в работе. Так, за 1958 г. колхоз имени Ленина (председатель И.С. Патов) надоил 292020 кг молока, что было на 51090 кг больше по сравнению с 1957 г. В колхозе «Сталинец» надоили ещё больше молока – 380251 кг, что было больше на 48631 кг в сравнении с 1957 г. За первое полугодие 1959 г. надой молока на одну фуражную корову в колхозе имени Ленина составил 1108 кг, в колхозе «Сталинец» – 1021 кг. Доярка С.И. Муравьева надоила в 1958 г. 3001 кг молока от каждой коровы. Немало способствовали высоким показателям работы зав. молочно-товарной фермы И.Т. Мальцев, бригадир бригады №7 М.П. Колегова. Ударно трудились на лугах машинист А.Л. Туров (только за трое первых суток сенокоса 1959 г. он скошил 17 гектаров) из артели колхоза имени Ленина, машинист 1 бригады колхоза «Сталинец» А. Попов; хорошую работу демонстрировала свиноводка М.В. Муравьева. Бригадир овощеводов колхоза «Сталинец» А.И. Ракина стала участницей ВДНХ, была награждена впоследствии орденом «Знак Почёта».

Ветеран-фронтовик, участник боёв под Москвой Н.И. Колегов вспоминал о своей трудовой послевоенной жизни в колхозе «Сталинец»: «За короткий период времени колхоз стал миллионером. За трудодни мы получали деньги и хлеб. В 1956 г. сами

провели свет: поставили столбы, натянули провода. В колхозе было 120 лошадей, 350 коров, а за два года мы сумели рассчитаться за технику, приобретённую для сельскохозяйственных работ. Жили очень хорошо, а 1 апреля 1961 г. образовался совхоз, и «золотое время» для нас закончилось».

Как изменялось колхозное село в первое послевоенное десятилетие, хорошо показывает история Ыба. Село хорошело из года в год – началось массовое строительство новых домов, в 1951 г. заложили новую двухэтажную школу-десятилетку, в 1953 г. – двухэтажный Дом Культуры колхозника, ставший впоследствии центром жизни Ыба. На втором этаже ДК с 1957 г. разместилась библиотека, в 1958 г. получившая диплом «Лучшей сельской библиотеки РСФСР». Заведующей библиотекой несколько десятилетий была Анна Михайловна Таскаева, награждённая за свой многолетний труд впоследствии орденом «Знак Почёта». В 1950-е гг. она вместе с библиотекарем Г.И. Воробьевой начала пропаганду литературы на селе. Уже в 1959 г. среди постоянных читателей библиотеки числилось 800 человек. Деревни обходили специальные книгоноши (Юрий Катаев, Нина Гришина, Рая Муравьева и др.), которые приносили в колхозные дома, а также на производство книги и журналы. В гаражах и на фермах появились «Красные уголки» (кстати, такой «уголок» ыбского колхоза «Сталинец» был признан лучшим в Коми АССР), где доярки и механизаторы могли отдохнуть, почитать литературу передвижных библиотечек. В бригадах стали выпускать специальные стенгазеты «Боевой листок», «Молния», часто проводили коллективную читку книг. В 1959 г. на встречу со своими читателями в село Ыб впервые приехали коми писатели Г.И. Торлопов, И. Изъюров, поэты И. Вавилин, С. Попов. Об опыте работы ыбских библиотекарей в 1960 г. в Коми книжном издательстве вышла брошюра «Библиотека села Ыб».

Составители брошюры так писали о селе Ыб: «Уныло, безрадостно текла жизнь до-революционной коми деревни. Крестьянские хозяйства еле сводили концы с концами. В деревне властвовали мироеды-кулаки и попы. Население было забитым и сплошь неграмотным. Так было во всех деревнях, так было и в селе Ыб. Октябрьская социалистическая революция круто изменила положение коми народа. Огромные изменения произошли и в селе Ыб. Оно преобразилось, изменились его люди. Они живут и трудятся в колхозах. Жизнь стала лучше, жить стало веселее. Сейчас в селе почти нет неграмотных. Открыты школа-десятилетка и несколько начальных школ, больница, аптека, детский сад. В эти годы население Ыба получило ещё один замечательный подарок: в центре села, рядом со школой поднялось большое светлое здание Дома культуры, второй этаж которого заняла Ыбская сельская библиотека».

В 1956 г. на территории района открылась ыбская Вознесенская церковь – один из трёх действующих православных храмов Коми АССР в послевоенное советское время. Ыб стал местом паломничества православных верующих со всех районов Коми республики.

В 1957 г. в Сыктывдинском районе на базе выльгортских колхозов имени Будённого и имени Мичурина появилось Выльгортское отделение совхоза «Сыктывкарский» (директор В.И. Гилев), Пажгинская и Палевицкая МТС были реорганизованы в мелиоративные станции.

Имеющиеся в районе леспромхозы развернули в 1955 г. соцсоревнование за лучшие показатели в честь XX съезда КПСС, намеченного в стране на 1956 г. Лучшим оказался Палевицкий леспромхоз, которому было присуждено 1 место в соревновании и премия в 5 тыс. руб. Жизнь обустроивалась в лесных посёлках, например, в 1955 г.

в Пычимском лесопункте открылась новая сберкасса, в Ипатовском и Джептском лесопунктах появились кинобудки, намеревались установить киноточки в Карнанаэльском и Зеленецком лесопунктах.

По сыктывдинским лесам в 1950-е гг. промышлял зверя известный в Коми АССР охотник А.С. Муравьев, заваливший 11 медведей, 13 волков, 15 росомх, добывший неслучайное количество белок и т.д. За регулярный сбыт ценной пушнины охотник был награждён значком «Отличник Министерства охотничьего промысла СССР».

Нювчимский чугунолитейный завод освоил в середине 1950-х гг. выпуск зеркал, к 1955 г. было выпущено 727 кв. метров зеркал отличного качества. Нювчимскими зеркалами торговали как в Сыктывдинском районе и Сыктывкаре, так и в других районах республики, в Воркуте, Ухте и т.д.

Сыктывдинский райпромкомбинат (директор В. Каун) в середине 1950-х гг. помимо валенок и пим наладил выпуск ковров и дорожек. В пимокатной мастерской был устроен специальный ковровый цех (зав. т. Махмудов). Каждый день пимокатная мастерская выпускала свыше ста пар валенок и пим. В 1954 г. райпромкомбинат изготовил 21167 пар валенок, в январе 1955 г. – 1430 пар валенок. Успешно трудился швейный цех, постоянно перевыполнявший годовой план на 130%.

Связисты по всему району тянули радиопровода. В середине 1950-х гг. в Сыктывдинском районе насчитывалось 3050 радиоточек, причём в Лозым, Пажгу, Ыб и Шошку радио проводили от посёлка Нювчим. Нювчимская радиосеть насчитывала 900 радиоточек, на 1955 г. планировалось ещё установить 150 радиоприёмников. В сельских клубах и избах-читальнях только за первое полугодие 1954 г. было показано 2414 сеансов кинофильмов, фильмы посмотрели (судя по билетам) 141300 зрителей, за такой же период 1955 г. показатели кинопроката ещё более возросли – по району показали 3058 киносеансов, их посмотрели 196450 зрителей. Больше всего кино любили в Палевицах, здесь на просмотр кино за год приходило 16610 зрителей. Всего по району имелось 16 стационарных и передвижных киноустановок.

В 1950-х гг. наладили систему социального обеспечения фронтовиков-инвалидов, вдов участников Великой Отечественной войны. В первой половине 1955 г. райсозбез выплатил инвалидам и вдовам 1190000 руб. пособий, единовременные пособия на 44 человека составили 53000 руб. Путёвки на Серёговский курорт (санаторное лечение для фронтовиков только налаживалось) получили И.Т. Мальцев (колхоз «Сталинец»), А.С. Осипов (колхоз имени Калинина). В.А. Муравьев (сельхозартель «Сталинец») съездил в санаторий Шафраново в Башкирской АССР. В 1955 г. детям инвалидов и погибших на фронте выделили 56 путёвок в летние оздоровительные лагеря. Всемерно поддерживались многодетные матери, как, например, Елена Степановна Сивкова (колхоз имени Мичурина), родившая и воспитывающая 11 детей, Галина Павловна Семячкова из Нювчима, родившая и растившая 10 детей и др. За 7 месяцев 1955 г. пособие многодетным матерям по району составило 235614 руб. Товарооборот Сыктывдинского райпотребсоюза в середине 1950-х гг. достигал 6 млн. 450 тыс. руб. Население охотно покупало одежду, шёлковые и шерстяные ткани, обувь, радиоприёмники, велосипеды, швейные машинки, ручные часы и т.д.

В конце мая 1955 г. начались выпускные экзамены в школах района. Тематами письменного сочинения по литературе были «Образ коммунистов в романе А.А. Фадеева «Молодая гвардия», «Ленин и партия в поэме Маяковского «В.И. Ленин», «Кутузов и

Наполеон в изображении Л.Н. Толстого в романе «Война и мир». Лучшими учениками вильгортской школы (директор И.Г. Киселев) 1954/55 учебного года являлись Альберт Куликов, Антонина Климанова, Аделаида Попова, Виталий Костарев, Нина Худяева. Летом 1955 г. для отличников учёбы из Вильгорта, Нювчима и Зеленца устроили экскурсию в Архангельск, где школьники района посетили в т.ч. Соломбалу, памятник на месте белогвардейского концлагеря на о. Мудьюг и др. места. В 1952 г. Палевицкую школу закончила целая группа будущих лётчиков реактивной авиации 1 призыва («гагаринского») – это подполковник М.Д. Осипов, майор Л.Я. Осипов, майор И.Я. Цывунин), летавшие в небе до начала 1980-х гг. Палевицкую школу закончил и М.В. Осипов, в 1953 г. поступивший на физический факультет Ленинградского университета. В 1957 г. М.В. Осипов вплотную начал заниматься космонавтикой, на советском искусственном спутнике №2 с собакой Лайка на борту были установлены солнечные батареи конструкции М.В. Осипова (правда, сгоревшие во время полета). Впоследствии М.В. Осипов работал в НИИ электронной техники в г. Фрязино Московской области, был главным конструктором и научным руководителем более 50 научно-исследовательских работ в авиации и космонавтике.

Летом 1955 г. в Коми АССР широко отмечалось 175-летие Сыктывкара, в празднике приняли участие и многие самодеятельные артисты из Сыктывдинского района. Праздники и спортивные соревнования проходили и по району. 3 июля 1955 г. прошёл фестиваль песни в Палевицах, в котором приняли участие палевицкие колхозники, школьники, работники МТС, рабочие Пычимского лесопункта. Сводный хор из 80 человек мощно грянул в завершение фестиваля «Гимн Советского Союза» и «Патриотический марш». В июле 1955 г. состоялись районные соревнования по волейболу в Вильгorte, принимало участие 6 команд. 1 место заняло ДСО «Буревестник» из Вильгорта, 2 место – ДСО «Красная Звезда» из Пычима, 3 место – ДСО «Труд» из Нювчима. На республиканских соревнованиях по волейболу сборная команда Сыктывдинского района заняла 3 место. Летом 1955 г. состоялась районная спартакиада школьников, где 1 место заняла Палевицкая школа. Также в июле 1955 г. прошли районные соревнования по лёгкой атлетике в Вильгorte. 1 место заняла команда ДСО «Буревестник» (Вильгорт), 2 место – ДСО «Красная Звезда» (Пычимский лесопункт), 3 место – тоже ДСО «Красная Звезда» (Зеленецкий лесопункт). В октябре 1955 г. на сцене вильгортского ДК прошёл сеанс одновременной игры на 7 шахматных досках шахматиста 2 категории Алексея Шибанова, чемпиона ДСО «Колхозник» по Коми АССР – все партии им были выиграны.

В ыбском Доме Колхозника сельский комсомольский актив Ыба (худрук ДК Ири-на Семечкова, пионервожатая Тереза Магац, воспитательница Нина Безносилова, телятница Нина Колегова, Павел Таскаев и др.) в 1950-е гг. постоянно устраивал диспуты и читательские конференции. Так, на сельской конференции, посвящённой 40-летию ВЛКСМ, ветераны комсомола Ыба, участники гражданской войны М.Я. Таскаев и С.Д. Ляшев, одна из первых колхозниц села комсомолка А.И. Таскаева поделились своими воспоминаниями с молодым поколением. 22 марта 1959 г. в сельском клубе прошёл диспут для молодёжи на тему «Каким должен быть настоящий друг?», в котором приняли активное участие директор ыбской школы Д.К. Фролов, учительницы Р.И. Безносилова и Л.С. Каракчиева, комсомолки Нина Куковерова и А.Ф. Сухачева.

В 1956 г. состоялся первый, а летом 1957 г. прошёл II районный молодёжный фестиваль. На стадионе райцентра собрались молодёжные спортивные команды района из

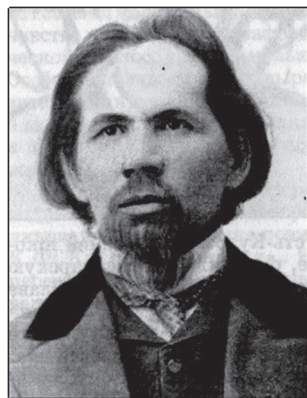
сёл и лесных посёлков, с приветствием к ним обратились секретари Сыктывдинского райкома КПСС и ВЛКСМ А. Климушев и А. Петрунев. Развернулись соревнования по волейболу, бегу, футболу. Одновременно на сцене районного ДК проходил смотр самодеятельных коллективов. Шошкинская агитбригада показала пьесу «Вабергач» В. Савина, жюри отметило трио ясногских инструменталистов (Сямтомов, Высочанский, Ландышев). Ыбский лесоучасток показал пьесу «Бумажный поток». Задуманно прозвучали со сцены песни в исполнении нювчимского хора и его вокалиста М. Оверина (особенно понравилась зрителям «Заводская лирическая»). Среди школьных коллективов 1 место жюри присудило Ыбской, 2 место – Вильгортской (рук. баянист В. Власов) школам. По спортивным показателям 1 место на фестивале завоевала команда Вильгорта, 2 место – Яснога, 3 место – Граддора. Особенно отметили спортсменов Ж. Бауэра, Л. Киселева, В. Ермолина, Н. Чеусова, А. Осипова, Т. Потолицына, Л. Гринера и др. Красное Знамя фестиваля жюри присудило Нювчимской территориальной комсомольской организации.

Так жил Сыктывдинский район в далёких 1950-х гг.

Знаменитые учёные и писатели Сыктывдинской земли (первая половина XX века)

Невозможно описать в кратком очерке всё творчество огромного количества писателей, поэтов и учёных из Сыктывдинского района, я выбрал лишь нескольких наиболее ярких и колоритных личностей.

Пожалуй, самым знаменитым литератором и учёным Сыктывдина является первый «Зырянский Ломоносов» **Каллистрат Фалалеевич Жаков**, родившийся 18 сентября 1866 г. в местечке Давпон Вильгортской волости. В 1881 г. он поступил в Тотемскую учительскую семинарию, позднее пытался закончить Петербургский Лесной институт, намереваясь стать лесничим и связать свою судьбу с лесом. Жаков писал: «Дремучий лес окружает зырян... Этот лес стал для него (зырянина) живым существом, могучим, таинственным, грозным. Прошли столетия, когда это грозное существо разделилось в уме некультурного человека на два существа, на лес, полный чудес и тайн, и на сурового хозяина в нём, бога лесов...». Внезапная тяга к Священному Писанию привела Жакова в келью Заозерской пустыни Вологодской губернии, однако, здесь он быстро разочаровался в религии и, сбросив рясу послушника, поступил в 1896 г. в Киевский университет, занявшись математикой, геологией, анатомией, психологией, философией, историей и филологическими науками. Осенью 1899 г. К.Ф. Жаков перевёлся в Петербургский университет, который закончил в 1901 г. Какое-то время он работал на университетской кафедре русского языка и литературы, где подготовил диссертацию

К.Ф. Жаков

на университетской кафедре русского языка и литературы, где подготовил диссертацию

о зырянских сказках. С 1908 г. он преподаёт в петербургском Психоневрологическом институте. В начале XX в. К.Ф. Жаков побывал в нескольких научно-исследовательских экспедициях, написал множество научных трудов (по этнографии, фольклору, лингвистике, математике, астрономии, литературоведению), увлекался психологией, фармакологией, геологией, археологией... Не зря одна из архангельских газет назвала его «Зырянским Ломоносовым». Стоявший у истоков коми литературы, культуры и науки К.Ф. Жаков был разносторонней личностью, первым и единственным коми учёным-энциклопедистом, достигшим крупных успехов как во многих гуманитарных науках, так и в точных дисциплинах (особенно в математике, астрономии; за труды по этим наукам он был избран Почётным членом Парижского астрономического общества). Первый коми профессор высшего учебного заведения, К.Ф. Жаков внёс значительный вклад в российскую фольклористику, этнографию, логику, педагогику, философию, в общую теорию и историю искусства. Он основал философское учение «лимитизм». За «работы о зырянах» он был удостоен большой серебряной медали Русского географического общества в 1901 г. Как писатель К.Ф. Жаков первым из коми добился широкого признания в России. Его перу принадлежит немало прозаических и поэтических произведений: очерки из жизни коми, удмуртов, коми-пермяков, русских, реалистические и фантастические рассказы, сказки, в которых чрезвычайно искусно использован фольклор коми народа, автобиографическая повесть «Сквозь строй жизни», стихотворения, поэма «Биармия», приём почти все его произведения (за исключением нескольких стихотворений) были написаны на русском языке, поскольку главной целью своего литературного творчества К.Ф. Жаков считал знакомство читающей российской публики с жизнью и культурой коми и других народов севера. Он стал первым коми писателем, произведения которого (сказки) издавались за рубежом (в Франкфурте-на-Майне, Германия) и вызвали большой интерес; К.Ф. Жакова сравнивали даже с Джонатаном Свифтом. Фантастические рассказы и сказки К.Ф. Жакова входят сегодня в сетевую библиографию российской фантастики на сайте «Русская фантастика». В конце 1921 г. К.Ф. Жаков покинул Советскую Россию, перебравшись в Ригу, где и скончался 20 января 1926 г. На многие годы имя писателя в СССР оказалось под запретом. Только в 1990 г. в Коми АССР впервые была издана книга К.Ф. Жакова «Под шум северного ветра», а 19 декабря 1990 г. прах сыктывдинского писателя и учёного перезахоронили в Сыктывкаре.

В.П. Налимов

Крупный российский этнограф **Василий Петрович Налимов** родился в Вильготе 7 марта 1879 г. В 1903 г. В.П. Налимов приехал в Москву, был медреситом в различных учреждениях. Тогда и появились первые его научные публикации: «Некоторые черты из языческого мирозерцания зырян», «Мор и Икота у зырян», содержащие бытовые зарисовки по народной медицине коми. В.П. Налимова можно считать одним из пионеров в изучении традиционной народной медицины коми. В 1905 г. он сдал экзамены на аттестат зрелости и получил право поступить в Московский университет, где стал заниматься научной работой (этнографией, антропологией, географией). В 1906 г. В.П. Налимов установил контакты с научным Финно-угорским обществом (Хельсинки), плодотворно сотрудничая с ним

в дальнейшем. В.П. Налимов подготовил фундаментальный рукописный трёхтомный труд «Материалы по этнографии зырян и пермяков» (хранящийся ныне в научном архиве Финно-угорского общества в Хельсинки), за который в 1910 г. был удостоен премии Великого князя Сергея Александровича. В 1912 г. В.П. Налимов закончил Московский университет и в последующие годы преподавал. После революции он работал в Москве, преподавал в МГУ-2 (позднее Московский госпединститут), Медико-педологическом институте, Тимирязевском научно-исследовательском институте, Научно-исследовательском институте народов Востока, читал лекции по географии, антропологии, этнографии, стал одним из организаторов «Общества по изучению вотяцкой культуры» (вотьяками называли тогда удмуртов), написал целый ряд научных трудов, занимался просветительской работой, читая лекции населению. После поездки в Пермскую область местная газета «Звезда» назвала его «настоящим зырянским Ломоносовым». Василий Петрович Налимов стал вторым сыктывдинцем (после К.Ф. Жакова), который удостоился этого почётного сравнения. В 30-е гг. В.П. Налимов дважды арестовывался, как «буржуазный националист» и умер в сыктывкарской тюрьме в 1939 г. Реабилитирован в 1969 г.

Известность в Коми крае до революции приобрела поэзия уроженца Вильгорта, депутата Государственной Думы Российской империи **Дмитрия Яковлевича Попова** (1862–1921 гг.). В 1914 г. в Усть-Сысольске вышла книжка «Коми мойдан да сыланкывъяс» (Коми сказки и песни), изданная краеведом А.А. Цембером. Под видом «песен» (дабы не привлечь внимание полиции к невиданному явлению – коми поэзии) в книге были опубликованы стихотворения коми поэтов М.Н. Лебедева, А.А. Чеусова (тоже, кстати, из Сыктывдина), Д.Я. Попова и финна Ю. Вихмана. Перу Попова принадлежали стихи «Восход солнца», «Эжва», «Жатва», «Зимой» и др., в которых он описывал северную природу и крестьянский уклад жизни. «Коми мойдан да сыланкывъяс» получили широкую известность, как первая коми книга; недавно сыктывкарская научная общественность и фольклористы ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН отмечали её 100-летний юбилей. В рецензии на неё Н.В. Ильинский, один из основателей «Вологодского общества изучения Северного края», писал, что поэзия Д.Я. Попова напоминает поэзию Уайльда и Гамсуна, как похожа «угрюмая и суровая природа Скандинавии и ...Зырянского края». Позднее, уже после революции, Д.Я. Попов напечатал несколько своих стихотворений в газете «Зырянская жизнь». В 1918 г. в этой газете Дмитрия Яковлевича называли в числе

первых коми поэтов, внёсших весомый вклад в рождение коми литературы. Но позднее отношение к литературному наследию Дмитрия Яковлевича изменилось, и в трёхтомной советской «Истории коми литературы», изданной в 1980 г., Д.Я. Попов пренебрежительно упоминается как поэт «охранительного направления»; его политическая деятельность в Государственной Думе и сам он характеризовались, как «Зырянский Милюков».

После Великой Российской революции, открывшей свободу для национального творчества, на сыктывдинской земле ярко проявили себя целый сонм литераторов, из которых надо выделить творчество **Алексея Александровича Чеусова (Гёрд Ёльёша)** (1882–1940 гг.), уроженца

А.А. Чеусов

Вильгорта. В 1924 г. было издано его совместное с В.А. Савиным произведение «Гора Овра» – коллективно-хоровая декламация «Звонкая дудочка», посвящённая трёхлетию Коми автономии и представлявшая собой своеобразную литературно-художественную композицию, включающую песни, стихи, монологи-обращения. В 1920-х годах А.А. Чеусов написал поэму «Пам Шыпича – Пам Бурморт», занимался литературными переводами с русского на коми, а также публицистикой. В 1927 г. в Усть-Сысольске опубликовали «Историю коми народа (Введение в 1-ю часть)» А.А. Чеусова. Её автор в 30-е гг. был два раза репрессирован, в последний раз арестован в 1938 г., как «буржуазный националист» и «агент финских фашистов». Реабилитирован в 1967 г.

В августе 1923 г. состоялась I Коми областная конференция литературных работников, которая наметила дальнейшие пути развития коми литературы. Был избран оргкомитет для создания Коми ассоциации пролетарских писателей (КАПП). В Коми ассоциацию пролетарских писателей вступили уроженцы Сыктывдинской земли И.Н. Симаков, М.П. Доронин (Шыладорса Миш), Е.В. Колегов.

Поэт **Иван Николаевич Симаков** родился 12 апреля 1906 г. в сыктывдинском селе Лозым. В 1926 г. его посылают учиться в коми областную совпартшколу, по окончании которой он работает сначала в избе-читальне Сизыбска, а затем в редакции ижемской районной газеты «Гёрд Печора» (Красная Печора). С 1930 г. становится литработником областной газеты «Вөрлэдзысь» (Лесной рабочий). В 1932–1935 гг. И.Н. Симаков учится на московском рабфаке, после работает в аппарате правления Союза писателей Коми области. Писал стихи, поэмы. В журнале «Ударник» за 1931 г. были опубликованы, например, отрывки из его поэмы «Бригадир мёвпалё; «Өтка овмёсын» (Бригадир думает; В хозяйстве единоличника). В 1936 г. Симакова необоснованно арестовали, он получил наказание в 10 лет лагерей, однако Верховный суд РСФСР не утвердил приговор. В августе 1939 г. Симаков был освобождён из-под следствия. В начале Великой Отечественной войны его призвали в Красную Армию, в 1943 г. погиб в боях под Мариуполем.

И.Н. Симаков

М.П. Доронин

Михаил Павлович Доронин родился в 1902 г. в Шилдоре, закончил в 1921 г. совпартшколу. Был председателем Удорского уездисполкома, затем возглавлял коми издательство, был редактором коми журнала «Ударник». Писал стихи, но получил известность, прежде всего, как литературный критик. Участвовал в работе I съезда советских писателей, стал членом Союза писателей СССР в 1934 г. Был арестован, как «буржуазный националист» и скончался в Магадане в 1939 г. Реабилитирован в 1956 г.

Егор Васильевич Колегов (Василей Ёгор, Сизь) родился 21 апреля 1895 г. в с. Ыб в бедной крестьянской семье. Он учился в школе три года, не закончил, так как вынужден был идти работать, поскольку был старшим ребёнком в семье. Был сезонным рабочим, грузчиком, печником, волостным

писарем, секретарём народного суда. Одно время возглавлял Верховный Суд Коми АО. Первые публикации его стихов появились в 1921 г. в газете «Удж»: «Важён и ёні» (Раньше и теперь), «Сар» (Царь), «Ыджыд шог» (Великое горе), «Енлы» (Богу); они были написаны на политические и антирелигиозные темы. Сатира Е.В. Колегова пользовалась популярностью среди населения. Известность получили стихотворения «Крам праздник» (Храмовый праздник, 1923 г.), «Пёсь пывсян» (Горячая баня, 1924 г.), «Портной» (1925 г.), «Ада-рая костын» (Между адом и раем, 1927 г.), «Тёлысь кусёдом» (Тушение луны, 1929 г.), «Приключения коммуниста после смерти» и др. В 1933–1934 гг. Колегов работал редактором в Коми издательстве. Скончался он 19 октября 1937 г. в родном селе. Сегодня в память о поэте в Вьльгорте и Ыбе проходят Колеговские чтения, в 2010 г. ыбская библиотека им. В.И. Безноскова опубликовала сборник его поэзии (составитель М.Г. Колегова).

Е.В. Колегов

А.П. Размыслов

В годы Великой Отечественной войны погиб, защищая Отечество, поэт **Ананий Прокопьевич Размыслов** (1915–1943 гг.), уроженец сыктывдинского села Палевицы. После окончания Усть-Вымской школы 2-й ступени он учился на литературных курсах в Сыктывкаре, работал в Коми Госиздате. В 1940 г. его назначили заместителем редактора газеты «Коми комсомолец». Первые стихи опубликовал в журнале «Ордым» в 1931 г. С этого времени А.П. Размыслов много сил отдавал творческой работе: писал стихи, занимался переводами. В июне 1941 г. в Коми Госиздате выходит первый и единственный сборник поэта «Медводдза любовь» (Первая любовь) со стихами и одноимённой поэмой. Литературоведы пишут, что «... благодаря своей самобытности, искренности и глубине чувств, сборник вошёл в золотой фонд коми национальной литературы».

С.И. Ермолин

В 1932 г. начал свою творческую деятельность поэт, актёр и драматург из Часово **Степан Иванович Ермолин** (1914–1961 гг.). В 1934–1936 гг. он учился в Ленинградском театральном училище, после чего стал актёром Коми республиканского драмтеатра. В 1938 г. С.И. Ермолин в соавторстве с Н.М. Дьяконовым написал свою первую пьесу «Джуджыд запань» (Глубокая запань) о рабочих лесной промышленности, а позже в содружестве опять с Н.М. Дьяконовым написал и поставил на сцене коми республиканского драматического театра пьесы – «Кырнышъяс» (Вороны, 1939), «Домна Каликова» (1944), «Мужество» (1940), «Усть-Куломское восстание». В 1939 г. принят в Союз писателей СССР. «Усть-Куломское восстание», посвящённое бунту коми крестьян в 1843 г. и вызвавшее гнев самого императора Николая I, стало первой коми национальной опе-

рой, первая постановка которой была осуществлена в годы Великой Отечественной войны в честь 20-летия коми автономии. 17 апреля 1942 г. в своём дневнике Степан Ермолин сделал запись: «Смотрел с удовольствием спектакль «Усть-Куломское восстание». Чудно! Музыка, песни... Всё мое, всё родное, наше. Много трудов стоило добиться успехов. Поработали на славу и режиссёр, и артисты, и музыканты. Положено великое начало в искусство коми. Анисимову, фольклористу, почтение – тонко вложил свои знания, что и как смог. Коллективный труд их положил начало созданию коми национального музыкального искусства. Все мы – его создавали»...

Известнейший собиратель коми фольклора, композитор и певец **Павел Александрович Анисимов** родился в 1886 г. в пос. Нювчим. Он закончил Казанскую семинарию, позже аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Всю свою жизнь П.А. Анисимов посвятил сбору коми песен и организации коми музыки. В 1926 г. ему удалось издать в Москве песенник «Коми сыланкывъяс», где были представлены 46 коми песен: лирические, плачи, шуточные, хороводные, записанные во время совместной с В.А. Савиным фольклорной экспедиции на Вишере. Огромное рукописное наследие П.А. Анисимова до сих пор не до конца изучено исследователями. Скончался в 1947 г. Фольклорное и музыкальное дело П.А. Анисимова, но уже во второй половине XX столетия, продолжил другой знаменитый уроженец Нювчима Прометей Ионович Чисталёв.

Свои впечатления от экспедиции на Вишеру вместе с П.А. Анисимовым В.А. Савин изложил позже в биографическом очерке «Мусюр сайын» (Висер вожын йӧзкостса сыланкывъяс чукӧртӧм)», впервые частично опубликованном в коми краеведческом журнале «Коми му» в 1926 г., и только в 1962 г. полностью переизданном Коми книжным издательством. В.А. Савин справедливо указывает в начале своего очерка, что уже и чуваша, и удмурты собрали значительное количество фольклорных текстов, в частности, песен и опубликовали их, и только коми-зыряне с большим трудом имеют в архивах где-то с десятков старинных песен, да и то музыка их забыта. Наступила, по мнению Савина, пора собирать коми народный фольклор, могущий способствовать познанию народной истории и народной музыки. Итак, летом 1926 г. после Троицы Савин и П.А. Анисимов выехали в Сторожевск на Вишеру. До Сторожевска добирались из Усть-Сысольска на пароходе, затем, взяв на почтовой станции лошадей, выехали в Нившеру. Июнь выдался чрезвычайно комариным, ехали, укутавшись в марлю. Первая остановка была в Большелуге, где Савин услышал историю о чудских древностях и приезде на Вишеру ещё до революции профессора Каллистрата Жакова, который попытался было раскопать чудский могильник у Богородска, но не смог: то ли не хватило денег, то ли передумал – рассказчик (Ивашов) не знал. В деревне Троицкой Савину рассказали, что была в старину здесь охотница Епипан Наста (о ней Савин знал ещё в Усть-Сысольске со слов Ефима Мишарина), ходила на охоту во главе артелей, промышляла зайцев (до 200 штук за зиму), лисиц, ставила капканы на рысь, не сходила с охотничьих лыж зимой, на отдыхе мастерски играла в карты, была настоящим «мужичьей бабой». Оценивая первые увиденные коми-зырянские дома и быт, Савин пишет, что живут в большелужской глубинке по-середнячки: дома добротные, семьи большие, от голода в начале 20-х гг. спасались кооперативами и различными товариществами. Прибыв в Нившеру, Савин и Анисимов были окружены толпой деревенских жителей (оказывается, за всё лето в село ещё никто не приезжал из области), люди думали, что приехали важные чины (типа землемеры) и поначалу подняли собирателей фольклора на смех,

услышав, что они приехали записывать старинные коми песни. В конце концов, разговорились, выяснилось, что поют в селе многие (лишь бы налили им рюмку вина – всё, что угодно, споют – и старые песни, и новые). Постепенно стали раздаваться и песни, которые затем исполнялись весь вечер у почтовой станции, где остановились путники. В основном, пели новые песни, в том числе «Тутуруту Семё», сочинённую Савиным. Неожиданно Савин услышал свою собственную песню в совершенно другой обработке. Финальный текст песни был примерно следующий: «Нёбдинса Виттор – просвещающий коми народ, а русский народ затемняющий!». («Роч йёзёс пемдодысь»!). В других коми деревнях позднее Савин ещё несколько раз услышит именно этот вариант своей песни. В.А. Савин подыгрывал певцам на своей балалайке, девичий хор исполнял в основном новые песни, рождённые советским временем. Услышать старинные песни помешала какая-то старуха, заявившая опешившим Савину и Анисимову, а также толпе молодёжи, собравшейся вокруг них, что за пение старинных коми песен отведут певуний в усть-сысольскую тюрьму и дадут срок. Напрасно собиратели фольклора успокаивали певцов, услышать что-то действительно старинное музыкальное творчество в первый нившерский вечер не удалось. Тогда же, в день приезда Савин и Анисимов познакомились также с нившерским стариком Ларуковым, который много рассказывал им о старинной жизни села. На следующий день пребывания в Нившере Савин и Анисимов (первый с балалайкой, второй с портфелем под мышкой – вид фольклористов был такой, что как будто приехали из города всех арестовывать – так пошутил Савин на страницах своего очерка) отправились в близлежащие деревни распевать народ. В д. Тисът им удалось наконец услышать старинные коми песни – пели им пожилые женщины (особенно отличилась Екатерина Кирилловна Михайлова) и Варлам Клавдий. Вначале никто не собирался петь песни без вина и повода (мы же не на свадьбе – говорили люди), даже просили денег за пение, но всё же Савину удалось потом уговорить народ спеть. Кстати, он сам всё время играл на балалайке и подбирал ноты и музыку буквально на ходу песни. Всего фольклористы записали и перевели на нотную грамоту 8 старинных коми песен: «Дас сизим арё вои да», «Как по Питерской да», «Ичётиксянь быдтёмаёсь», «Труба» (об этой песне В.А. Савин был уже достаточно наслышан), «Саръя-саръя, Татьяна», «Пыжён море кузя», «Руч ку до коч ку», «Козйё, козйё, мый сулалан?» – некоторые из них были свадебными причитаниями. Спели и коми обработку русской песни «Во садо ли» («Во садо ли, в огороде девица гуляла»). Деревенская молодёжь сильно мешала пению старых песен, всю горланя под окнами избы, где останавливались собиратели фольклора, новые советские песни и частушки. В.А. Савин очень интересно и с юмором описывает эти ситуации.

Труба

Труба, труба, му труба,
Трубасьыс пö тшын кайö,
Море вомын туман пуксьö,
Туманыс пö не туман,
Туманыс пö не туман –
Гусь-дзодзöгъяс лэбöны.

Гусь-дзодзёгьясыс бёрся
Пёрысь-пёрысь кутш вётчö;
Пёрысь-пёрысь кутшыс бёрся
Том жö и чикыш вётчö;
Сійö чикыш думыштас
Пёрысь кутшöс пановтны.
– Кутшильöй до чойильöй,
Кытъясті жö ветлін да мунін?
– Ме ветлі да ме муні,
Сарапулö ветлі да муні...
– Сарапулсьыс, кутшильöйöй,
Кысь мый кывлін-аддзылін?
– Ме кывлі да аддзылі:
Тикöя му вылын куим еджыд яй куйлö.
Куим еджыд яйыс дінö
Куим жö чикыш волö.
Первойя чикышылöн синваыс усьö
Тувсов ытваыс мында;
Торойя чикышылöн синваыс усьö
Тувсов шор ваыс мында;
Треттьейя чикышылöн синваыс усьö
Арся лысваыс мында.
Первойя чикышлөн
Рöдимöй мамыс вöлöма;
Торойя чикышлөн
Рöдимöй батыс вöлöма;
Треттьейя чикышлөн
Рöдимöй чойыс вöлöма.

В тот же вечер на нившерской почтовой станции, где остановились фольклористы, собралась такая толпа народу, желавшая петь песни, что пришлось запереть станцию, дабы не пускать больше никого, а особенно детей и подростков, сильно шаливших и мешающих петь. Нившерцы хором исполнили Савину и Анисимову с десяток-другой песен, но в основном это были переделки русских текстов, из коми старинных песен прозвучала только одна «Арся войö, сьöд войö», таким образом, всего на заметку фольклористам попало уже 9 коми старинных песен. П.А. Анисимов, записывавший на бумагу тексты и переводивший все коми песни на ноты, так охарактеризовал потом первый удачный день сбора коми песенного творчества на Вишере: «... В каждой коми песне существует синкопа!.. Вот этим-то и отличаются коми народные, самобытные песни от других народов... Вот это-то синкопа-то и говорит об особенностях мелодии в коми самобытных песнях... Это очень характерно!». На второй день пребывания в Нившере Савин и Анисимов отправились к 85-летнему старику Петру Пахомовичу (Пак Петыр) записывать коми народную былинку «Талан», о которой слышали накануне. Фольклористы надеялись, что это будет «большая этнографическая ценность», но ошиблись. Пак Петыр (несмотря на возраст, оказался довольно крепким ещё ста-

ричком) много рассказывал о старом житье-бытье («стояло здесь в своё время всего два дома, а теперь целая деревня»), а в ответ на предложение спеть былину «Талан» рассмеялся, сказав, что это просто реальная история о местном крестьянине Чуйкё Илля, о котором он рассказывал в молодости, когда выпьет вина, а некоторые места из истории просто напевал – вот и появился слух о целой былине. Пак Петыр рассказал фольклористам «Талан» – историю Чуйкё Илли – как тот был охотником сначала, потом стал крестьянином, занялся крестьянским трудом, потом начал торговать с коми-ижемцами, ездить на Ижму. Не удалось, в итоге, фольклористам записать коми былину «Талан», которой и не существовало в природе, зато услышали историю о жизни охотника-крестьянина-торговца в старину. Посетив деревенскую потребительскую лавку в поисках спичек, Савин увидел, что полки лавки пусты. Приказчик заметил, что товар здесь не залеживается – крестьяне всё сразу раскупают.

Пробыв в Нившере 4 дня, фольклористы выехали в обратный путь. Остановившись на ночлег в д. Троицкой (Типö сикт), Савин услышал удивительную историю о граммофоне с коми пластинками. Фольклористов познакомили со старым матросом И.Г. Габовым, который знал много русских солдатских песен, но они мало интересовали Савина. Тогда матрос рассказал, что до революции на Вишере в Богородске жил некий Иван Егорович, родом из Корткероса, и был у Ивана Егоровича граммофон и 80 штук граммофонных пластинок. Как только матрос заходил в гости к Ивану Егоровичу, тот сразу заводил граммофон, и среди русских песен звучали с пластинок и коми песни. Удивились Савин и Анисимов такому факту. Кто же до революции записывал коми песни на пластинки? Это так и осталось невыясненным. Попытки распеть двух старух в д. Троицкой не увенчались успехом – обе наотрез отказались петь коми старинные песни (одна уже всё позабыла, а другая категорически отказалась, дескать, муж-старик её побьёт за такое). В Троицкой фольклористы порыбачили, закусанные комарами потом мылись в чёрной бане, правда, неудачно, каменка в бане во время пара развалилась. Из д. Троицкой отправились в Богородск, куда прибыли поздно вечером. Их встречала 18-19-летняя Домна, о которой местные жители поговаривали как о наследнице Епипан Насты – Домна тоже вначале ходила на охоту, ставила капканы, но потом под давлением общества отказалась от этого – не женское занятие. В Богородске впервые фольклористов встречали с полным пониманием. На следующий день (после «кытшовтöма» – хождения с иконами вокруг сельской поскотины) М.П. Костоломова собрала в доме, где остановились собиратели фольклора, хор из пожилых женщин Богородска. Пришла и молодёжь, но вела себя, как пишет Савин, тише воды, ниже травы – не мешала творческому процессу, дурными голосами не распевала вопреки всему частушки и советские песенки. Богородский хор исполнил множество песен на русском и на коми языках: «Сидел Ванька», «За Волгою», «Соловьёшка», «Как по реке», «Жалко было страдовать» и др. Из всего репертуара сельских певуний фольклористы записали на ноты три старинные коми песни, из них две довольно длинные – это «Куим чой сэтöр вотны мунісны» и «Ылын, ылын, ва сайын». Записана была ещё также «Рытъя войö, матушка». Затем хор в течение часа ударился в плач, исполняя женские свадебные причитания (особенно отличилась в этом Кирö Катя, начав «Кöк пö кöкö»). Фольклористы долго потом благодарили богородских женщин за настоящий песенный праздник, данный специально для них. Из Богородска Савин и Анисимов планировали посетить Сюзаыб, но их отговорили, сказав, что тамошние песни абсолютно

сходны с богородскими. Вместо Сюзаыба фольклористы побывали с рыбалкой на месте чудьского могильника (Кармылька), расположенного примерно в двух верстах от Богородска. В дополнение к рассказу о раскопках в этом месте профессора Жакова добавилась деталь: Жаков нашёл здесь бронзовый кинжал и какой-то ключ, после чего раскопки прекратил. Савин и Анисимов долго прыгали на вершине Кармылька, слушая, как глухо отдаются пустоты под ногами... Скоро и закончилось путешествие на Вишеру. Фольклористы вернулись в Сторожевск, впервые в истории коми краеведения записав песенный фольклор коми народа.

Решающим был вклад сыктывдинских учёных в деятельности появившегося в 1922 г.

А.С. Сидоров

в Коми автономной области Общества изучения Коми края (ОИКК). Среди учёных в первую очередь надо назвать уроженца села Палевицы **Алексея Семёновича Сидорова**. Он родился 10 октября 1892 г., в 1907–1911 гг. учился в Тотемской учительской семинарии, закончил в 1918 г. Вологодский учительский институт. А.С. Сидоров стал одним из десяти членов-учредителей ОИКК, был избран в правление ОИКК, стал заместителем («товарищем») председателя ОИКК и руководителем археологической секции. В июле 1925 г. на первой Коми областной краеведческой конференции А.С. Сидорова избрали членом президиума и секретарём областного бюро краеведения, а в январе 1926 г. он стал член-корреспондентом Центрального бюро краеведения в Москве. А.С. Сидоров приложил немало усилий для организации областного краеведческого музея и научной библиотеки.

Это было время становления коми науки: закладывались основы для развития языкознания, археологии, этнографии, фольклористики, литературоведения. Нужны были исследования по самым разным проблемам. Это определило широту и разнообразие научных интересов А.С. Сидорова, тесно связанных с потребностями молодой коми науки. Результаты его изысканий в области археологии, литературоведения, этнографии, фольклористики, языкознания публиковались в местной печати, вызывая немалый интерес читателей. Первая опубликованная работа Алексея Семёновича появилась в 1923 г. и была посвящена И.А. Куратову. Он опубликовал два стихотворения И.А. Куратова и небольшую статью с кратким обзором рукописного наследия поэта с некоторыми биографическими сведениями о нём, подчеркнул важность изучения творчества поэта. До 1920-х гг. творчество И.А. Куратова было мало известно даже специалистам, не говоря уже о широком круге читателей. Благодаря усилиям А.С. Сидорова положение изменилось.

В 1928 г. в Ленинграде вышла книга А.С. Сидорова «Знахарство, колдовство и порча у народа коми», посвящённая дохристианским верованиям коми, написанная на основе обширнейшего материала, собранного в 1918–1926 гг. и ставшая самым крупным вкладом учёного в исследование этнографии и фольклора коми. Труд учёного стал уникальным источником для последующих поколений исследователей. В 1945 г. в Карело-Финском университете Сидоров защитил кандидатскую диссертацию «Принадлежностно-указательные личные суффиксы в коми языке», а в 1947 г. на засе-

дании учёного совета Института языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР и Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР – докторскую диссертацию «Порядок слов в предложении коми языка», изданную монографией в 1953 г. в Сыктывкаре.

Ученым из Сыктывдина был **Иван Ефимович Худяев (Кос Кабыр)** – первый коми геолог и палеонтолог. Он родился 16 (29) июня 1902 г. в с. Вильгорт в крестьянской семье. Закончив начальную школу в Вильгорте, училище и учительскую семинарию (преобразованную в педагогические курсы) в Усть-Сысольске, И.Е. Худяев работал в институте народного образования, учился на геологическом отделении физико-математического факультета Петроградского университета. В 1925 г. он впервые побывал с геологической экспедицией в родном Сыктывдине, в других сысольских волостях. 28 декабря того же года И.Е. Худяев выдвинул предложение о развёртывании в Коми области комплексных геологических исследований. Президиум Коми облисполкома принял постановление об организации исследований в южных районах области, о необходимости геологоразведки месторождений угля и нефти, подготовки научных кадров. В 1926, 1927 и 1928 гг. И.Е. Худяев снова приезжал в Коми край, на Сысолу, Вычегду и Вымь, исследовал месторождения полезных ископаемых и геологическое строение территории Сыктывдина и других районов. И.Е. Худяев состоял в Обществе изучения Коми края, сотрудничал в Ленинградском отделении общества, выступал с докладами о полезных ископаемых Коми области на его заседаниях. В последние годы жизни, с 1931 г., И.Е. Худяев был директором Ялтинской оползневой станции, опубликовал несколько работ, среди которых были и труды, посвящённые сысольским волостям. Он скончался в Крыму 8 мая 1933 г.

Ценный вклад в коми региональную историю и источниковедение внёс **Павел Григорьевич Доронин**. И.Л. Жеребцов так писал о его открытии: «В один из дней 1927 г. в Усть-Вымской Благовещенской церкви молодой человек раскрыл переплетённую в толстую обложку с холщовым покровом рукопись, пробежал глазами по исписанным старинным шрифтом страницам и ахнул – в его руках находился уникальный, содержащий ценнейшие сведения по истории Коми края XII–XVII столетий документ, получивший позднее название Вычегодско-Вымской летописи». Сделал это выдающееся открытие сыктывдинец Павел Григорьевич Доронин, начавший свой путь в науку тоже в ОИКК. П.Г. Доронин родился 12 (25) января 1904 г. в д. Прокопьевка (Проньдор) в бедной крестьянской семье. В 1909 (по другим данным, в 1910) г. он поступил в Прокопьевское земское начальное училище, затем учился в Гамской второклассной школе и Усть-Сысольском городском училище. В декабре 1920 г. Доронин поступил на историческое отделение Института народного образования в Усть-Сысольске. Закончил три курса ИНО, затем институт был реорганизован, и П.Г. Доронин продолжил обучение на социально-историческом факультете Усть-Сысольского педагогического техникума повышенного типа. Закончив педтехникум в январе 1925 г., П.Г. Доронин получил специальность преподавателя средней школы по общественно-историческим предметам. Во время учёбы в ИНО и педтехникуме он вступил в Общество изучения Коми края, с 1924 г. занимался сбором фольклора и этнографических материалов, изучая историю Коми края. В 1926 г. П.Г. Доронин поступил на историко-этнографический факультет I Московского университета, но со 2-го курса оставил учёбу и вернулся в Усть-Вымь к учительской работе. Тогда-то священник местной Благовещенской церкви и

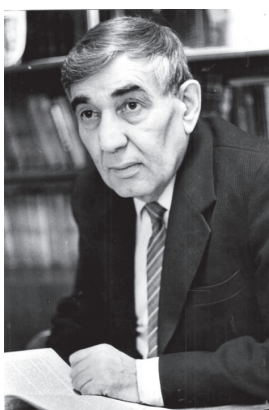
показал ему старинную рукопись – Вычегодско-Вымскую (или Мисаило-Евтихиевскую) летопись, которую вели в конце XVI – начале XVII столетий усть-вымские священнослужители Мисаил и Евтихий. Авторы летописи, опираясь на доступные им документы, составили своеобразный свод данных по истории Коми края с XII до первой четверти XVII вв. В 1813 г. оригинал летописи был отправлен в Вологду, а в Коми крае осталась копия. Она несколько раз переходила из рук в руки, из селения в селение и в 1915 г. вернулась в Благовещенскую церковь. За пределами церкви о существовании летописи никто не знал. Находка была столь невероятной, что Доронин даже не поверил в подлинность рукописи, но всё же скопировал её (а также четыре великокняжеские грамоты, списки которых находились в той же книге) – и тем самым спас для потомков этот исторический документ. В 1929–1930 гг. Благовещенская церковь была закрыта и передана управлению Устьвымлага для хозяйственных нужд. Что стало с хранившимися там летописями после этого, неизвестно. Копии же Вычегодско-Вымской летописи и грамот более 30 лет хранились у П.Г. Доронина и лишь в 1958 г. были опубликованы по предложению коми этнографа Л.Н. Жеребцова. Находка летописи стала первым шагом Павла Григорьевича по длительному и сложному пути собирания разнообразных исторических документов о Коми крае.

В 1930-е гг. Доронин активно занимался литературой, опубликовал первый коми роман «В сердце пармы», заложив основы эпического жанра в коми литературе. В 1939 г. Доронина приняли в Союз писателей СССР. После Великой Отечественной войны он много и плодотворно работал по истории Коми края, издал в 1957 г. книгу «Израильские партизаны», посвящённую революции и гражданской войне в Коми крае. Скончался в 1967 г., оставив после себя богатое рукописное наследие.

На сыктывдинской земле родились классики коми литературы **Геннадий Анатольевич Юшков** и **Владимир Иванович Безносилов**, известные поэты **Владимир Васильевич Тимин**, **Александр Алексеевич Лыков**, их яркое творчество проявилось уже во 2-й половине XX в.

В.В. Тимин

Г.А. Юшков

В.И. Безносилов

Фотографии предоставлены МБУК «Сыктывдинское музейное объединение», а также из личного архива М. Таскаева.

Литературный архив

Александр Чеусов

Александр Александрович Чеусов (1872–1938) – уроженец села Вильгорта Устьысольского уезда Вологодской губернии. Окончив Устьысольское городское училище, он продолжал учёбу в Тотемской учительской семинарии. В период учёбы в семинарии он начал писать стихи на коми и русском языках. Первый сборник русских стихов Чеусова был издан в 1903 году в Вологде, куда вошло 29 стихотворений. Кроме того, четыре коми стихотворения («Коми нывлы», «Петём бёрын», «Ме – велёдчысь», «Ссыланкыв») Чеусова были опубликованы в 1904 году в журнале «Этнографическое обозрение» №2.

Стихи семинариста А. Чеусова по содержанию и общему направлению весьма разносторонние. В тематике стихов он чувствует себя свободно, затрагивает самые разнообразные стороны общественной жизни и окружающей среды. То он пишет посвящения школьному зданию и первым своим учителям («Каменному дому», «Учителям-зырянам»), делает прекрасные пейзажи родного края («Родина», «На Сыsole»), выражает глубокие чувства любви и уважения к поэзии русских писателей («Мои кумиры», «Стихи», «Пушкину», «Сожжённая рукопись», «Лермонтов»), пишет о тяжести крестьянского труда («Крестьянская жизнь», «Жатва»), создаёт ряд любовно-лирических стихов, воспевающих первую любовь («Женщине», «Я и ты», «Ответ Владимировой», «Славная учительница»), призывает молодёжь отказаться от пьяных оргий и вести трезвый образ жизни («Призыв», «Новая песня», «Музыкант и пьяные мужики»).

В стихах А. Чеусова сквозит жизнеутверждающее начало, призыв к здоровой жизни, постоянное стремление к цели («Коми нывлы», «Ме велёдчысь», «Молитва», «Зырянская муза», «Музыка», «Жизнь»).

Впоследствии А. Чеусов отошёл от поэзии, переключился на жанр публицистики. Свои семинарские стихи считал «данью молодости», «грешками юности».

В годы культа личности Сталина А.А. Чеусов был репрессирован, умер в лагерях.

Коми стихотворения¹

Коми нывлы

Мича нылö, еджыд нылö,
Эн тэ сэтшöм нора сыв!
Мед ми, том йöз, огö кылö
Тэнсьыд ёна шогсян кыв.
Тэд мöй öнi бöрдантор,

¹ Четыре коми стихотворения А.А. Чеусова опубликованы в журнале «Этнографическое обозрение» за 1904 год, кн. 61, №62, с.158–160.

Гажӧдчыны колӧ кор?
 Эн на шогсьы, ай-мам дӱнын!
 Ёна сёрнит зонъяскӧд:
 Ас бур гортса вокъяс пиын
 Он на гудыр ваын пӧд.
 Эн тэ шогсьы, эн тэ бӧрд,
 Синмыд абу на мед гӧрд!
 Удитан на пӧрысланын
 Кисътны ассъыд синва шор,
 Кор тэ лоан верӧс сайын,
 Сывныд лоас сэк некор.
 Гажаджыка, нылӧ, сыв,
 Муса нылӧ, коми ныв!

1901 год.

Петӧм Бӧрын

Муса вокӧй,
 Варгам лок!
 Чегис кокӧй,
 Босьтӧс шог.
 Мый мем керны,
 Ог ме тӧд.
 Матын пӧрны
 Сись пукӧд.

21 апреля 1901 год. г. Тотьма.

Ме велӧдысь

Ӧнӧ ловзьы –
 «Велӧдысь!»
 Ог нин повзьы
 Нинӧмысь:
 Биысь-ваысь,
 Лӧк мортысь;
 Варыш-кайысь,
 Сьӧлӧмысь!
 Овны понда
 Кужны нин.
 Ӧнӧ ковма

Ёна нин;
Ковмас аслым,
Гортсалы,
Сыктывсалы,
Комилы!

1 июля 1902 г. с. Вильгорт

Сыланкыв
(Подражание народному)

Шондібаной, олёмой,
Ичотдырся ворсёмой,
Ас кодь тшотшъя посникөд!
Сөмын тай ме молпымчча,
Ыджыд синваён бөрддза:
Нэм помным тай котөртө,
Өтарө тай лэбөдө.
Регыд на тай олім,
Коркө гу бердө воим.
Эгө төдлө олөмсө.
Көсйим тай нө овны на,
Гөртө водны колө нин!
Шондібаной, олёмой!
Югыд шонді, олёмой!

27 января 1904 года

Русские стихотворения

Мои кумиры

Тургенев, Лермонтов и Пушкин
Стяжали сильную любовь.
А после них мне мил Слепушкин.
И Достоевский – философ.

Стихи

Говорит прекрасно,
Коротко и ясно,
Мудрено-понятно
Говором приятным,
С вдохновением нежным,
С чувством белоснежным.
Созданы творцами.
С лучшими мечтами.
О, как сердцу мило
Звук словить унылый.
По дороге гладкой,
Узенькой и краткой.
Кто знаком с стихами,
С этими клочками
Светлых дум душевных,
Мыслей повседневных –

Тот не любит прозы
Наравне с морозом:
Всё стихи читает;
От созвучья тает;
Тот берёт гитару,
К каждому удару
Стих он подгоняет,
Музу призывает...
Музе добродушной —
Барышне послушной —
На второй десяток
Лет пошло с девяток...
Как мила, приятна,
Хороша, опрятна!
Говорит прекрасно,
Коротко и ясно!

Женщине

В твоих объятьях
Я сладость пью.
И шорох платья,
И тень твою
До боли я люблю!
Святая нега
Тебя живит,
Белее снега
Прелестный вид
Палит меня, палит.

Я и ты

Стан твой нежно-гибкий
Смею обнимать,
Но боюсь с улыбкой
Страстно целовать.

Мы согласие дали
Не спеша любить;
Клятвой обещали
Вместе всё делить,
Радости и горе
Пополам испить;
В полном жить просторе
И не изменить;
И ты не бояться
Стала привыкать;
Любишь обниматься,
Целовать-ласкать.

М.Д. Макарьинной
(к 3-му ноября)

С днем вашего рожденья
Поздравить вас несусь,
И в сладком вдохновеньи
За вас богам молюсь.

Перед отъездом в Усть-Кулом

Если б сердце было камень;
Если б не было родных;
Если бы не грел нас пламень
Милых кителей земных –
О, как были бы счастливы
Под правлением Аллы:
Равнодушно терпеливы,
Беззаботно веселы.

15 сентября 1902 г.

Каменному дому

Пройдут года своей чредою,
Остынет сердца юный пыл,
Но будешь памятью святою
Ты бесконечно сердцу мил;
Ты юности моей страданья
Запечатлел в своих стенах;
Ты сладкие воспоминания
Таишь в зырянских кирпичах.
Моё прими же поклоненье,
Души величественный дар!
Тебя, меня, не затронет тленье:
Приятен многим ты векам.

Крестьянская жизнь

Бредёшь ли за сохою,
Косишь ли горбушою,
С тебя катится пот,
Зырянский мой народ!
И, до зари проснувшись,
Ты жнёшь ли, весь согнувшись,
С тебя катится пот,
Несчастный мой народ!
Тебе к труду терпенья
И веры в Проведенье!
Известно, круглый год
Катится с тебя пот.

На Сыsole

Мы четверо плывём против течения;
Гармошка и песня веселят;
Вливается в грудь нашу умиление;
Глаза сверкают и горят...
О, Сысола, река моя родная!
Мне навсегда мила твоя волна!
В твоих волнах моя грусть молодая
Весельем схоронена.

Жатва

Я жну... Солёный пот катится
По загорелому лицу.
Когда же солнце закатится
И знойный день придёт к концу?
Не пойте, девы, песен грустных:
Болит, болит моя спина,
Мне не до песен сладкозвучных,
Я утомлён и жажду сна.
Мне больно, молодые силы
На отдых, на покой зовут
И, труд поставив в идеал,
Забудем, что существовал
Фонтан вина – фонтан разврата.

23 сентября 1901 г.

Новая песня

Вырезвися, вырезвися,
Юность молодая!
Наслаждений приобщись,
Трезво проживая!
За бутылками сидя,
Песни распевая,
На земле живёшь шутя...
Бытием играя.
Если тяжело тебе
Жизнь влачить с тоскою,
Ты наперекор себе
Управляй собою.
Неудач не бойся ты,
Не волнуйся в счастье,
В жизни лишние мечты
Не примут участия.
Вырезвися, вырезвися,
Юность молодая!
Наслаждений приобщись,
Пьянство забывая!

Пушкину

(И назовёт меня всяк сущий в ней язык, и финн...)

Люблю читать твои творенья!
Я финн, ты правду говорил;
Я съел твои стихи, волненья
И горечь жизни усладил!
Я каждый день тебя читаю,
В прекрасные миры ношусь,
И даже на коне летая,
С трудом дыша, тебе молюсь!
Я заучил твои творенья,
Ты спутник прошлых горьких дней;
Я часто слёзы умиленья
Бросал над книгою твоей.
Люблю читать твои творенья!
Я финн, ты правду говорил.
Я съел твои стихи, волненья
И горечь жизни усладил!

Родина

Вот Сысола родная
Бежит среди лесов!
Вот Вычегда большая
Уснула средь лугов!
Всё просто в нашем крае!
Суровая зима,
Да снег в гнилом сарае,
Да грязная сума!
Весна в права вступила –
Природа хороша!
На родине жить мило,
Трепещет вся душа!
Прекрасно наше лето,
Хоть жаркая пора.
Прелестна в божьем свете
И летняя жара!
За милым нашим летом
Приходит осень к нам:
Несёт родным поэтам

И песни... Всякий хлам!
Зимой живу в волненьи,
Волнуюсь и весной;
Живя и летом в пеньи
И осенью родной.
Немудрыми стихами
Люблю я вечность пить,
И с новыми творцами
Про новое творить!
Мила своя природа
И года времена.
Я сын родной народа,
У нас душа одна.

с. Койгородок.

К учителям Зырянам и ко всем учителям в школах среди Зырян

*(По случаю 40-летия государственной службы инспектора народных училищ
Устьысольского уезда Василия Евгеньевича Кичина)*

Житейское забывши попеченье,
И думами унесшись к прошлым дням,
Живые мы, живых почтим служенье
Родным отцам, и матерям, и нам.
Учителя! Поднимите стаканы!
За честь его провозгласим: «Ура!» –
Мы можем жить не жизнью истуканов:
Наш юбиляр трудился! Да была пора!
Хвала труду! Упрugому терпенью!
Хвала тому, кто сорок лет служил,
И другом был народо-просвещенья,
И в жизнь свою душой зырян любил!
Хвала тому, кто был доброжелатель,
Защитник и сердечный наш оплот!
Слава тому, кто пользы был искатель!
Кому был мил невежа наш народ.
В своих сердцах мы памятник поставим,
Важнее он пустого кирпича –
И сыновьям, и внукам всем оставим
Не пистолет, не острие меча,
А добрую учительства дорогу

И личностей прекрасных на виду.
Пускай они в душевные тревоги
«Работников» пускают на беду,
Пусть общими «работника» руками
Жизнь мирную спокойно водворяют,
И нашими родными стариками
Пускай всегда с любовью дорожат.

Ветер и смерть

Ветер воет – завывает,
Стёкла в рамках дребезжат.
Сердце бьётся – изнывает:
Неприятно умирать!
Смутные ума догадки
Плохо раскрывают смерть;
Время мчит нас без оглядки,
Всё же горько умереть!
Там-то что за гробом тесным?
Там какой нас схватит мир?
Улетучимся-ль, воскреснем
И усядемся за пир?
Дайте, дайте жизни цели!
Мирового бытия!
Скоро б думы улетели,
Успокоился бы я!
Но теперь душа тоскует:
«Не могли ещё раскрыть»...
Ветер на дворе бушует,
Но вопроса не забыть.
Без религии покоя
В этом мире не найти!
Можно умереть с запоя—
До разгадки не дойти!
Наше бурное веселье
Тоже лишь один обман:
Это лёгкое похмелье
«Цель» теснит на задний план.
Нужно крепко верить в бога,
Сильно ближнего любить.
Это – к «целям» путь-дорога,
Это – сладость в мире жить!

Егор Колегов

Егор Васильевич Колегов (1895–1937) чужис Вологодской губерниясы Усть-Сысольской уездлөн Ыб сиктын крестьянин семьяын. Школа помавны эз мойви. Уджалис рабочёйон, грузчикон, волостной писарён. Кывбурьяссь заводитис гижны томён. Медводдза кывбурьяссь йөзөдіс 1921 воын. 1917 вося революция бёрын Егор Васильевич уджаліс народной судын секретарён. 20-өд воясö сійö Коми обласьтса Верховной судын председатель, а 1933 – 1934-өд воясö Коми книга лэдзанинын редактор.

Егор Колегов гижис и челядьлы кывбурьяс, комидліс А. Чеховлысь, В. Маяковскийлысь, Д. Бедныйлысь, М. Светловлысь гижөдьяс.

«Комилён олöмыс везьсяс...»

Ичöтдырся олöм

Ичöтдырся олöм
Некор дзик оз вун:
Сійö пыр дум вылын –
Оз вун вой и лун.

Сэкся олöм бытьтö
Уна войся вöт, –
Шогъяс он и тöдлы,
Мед-тö кынöм пöт.

Муяс вылын тулыс,
Вотан чöскыд куз...
Вöран шонді улын, –
Пöсялöмыд судз...

Гожöм шöрын пестан
Видзьяс вылын би;
Купайтчигөн вартчан –
Кöсьян судзны ді.

Корсян гöна гöньö,
Вотан шомакор;
Шöйтан лунысь-лунö, –
Юждан паськыд бор...

Ар кӧ воас – видзан
Челядь чукӧр мӧс;
Ньӧти он тӧд мудзӧм –
Биӧ кыскан пес.

Тӧвся кӧдзыд – нинӧм:
Лунтыр киад дадь...
Рытын бродва пыран –
Ёна видас бать.

Зіля корсян паччӧр,
Босьтан нӧданкыв...
Пӧрысь пӧчлысь мойдӧм
Он нин помӧдз кыв...

Велӧдчыны кутан –
Школа лоӧ горт;
Нига вылысь корсян:
Чибӧ, сильӧ, морт...

Кытчӧ, зарни олӧм,
Кытчӧ колин тэ?..
Некор сэтшӧм пӧра
Ог нин аддзыв ме...

Ар

Гажтӧм ывла вылын:
Воши мича сэдз.
Киссьӧ зэр да слӧта,
Няйт ва содӧ зэв.
Кӧтасьӧ зэр улын
Потшӧс бокын пыш.
Ылысьтӧ ва дорысь
Чери кыян пыж.
Вижӧдӧ пу вылын
Гожся мича кор;
Кӧдзыд абу ылын –
Йизьӧ лыа дор.
Мыйла, арӧй, йӧзлысь
Венан олан ног,
Жугыль луннад вайин
Сьӧлӧм вылӧ шог?

Коми му босътчас

Коми муын уна олысь,
Бур йөз пөвстын уна полысь:
Сэні эмось быдся сорт,
Өткымыныс зэв лёк морт.

Лёк морт оз мун югыдинё,
Кызди вермё аслань синё –
Сылы выль олём оз туй,
Тшөтш и йөзлы потшө туй...

Со республика пö кутны
Лоö сьöкыд – оз ков «шутны»,
Коми кыв пö мян голь,
Йöзыд дуркось – син ни пель...

Бур йөз, налысь омоль мойдём
Энö кывзöй, прöстö пойгём;
Быдся бурыс мян эм:
Стрöйба вöрыд быдмö тшем.

Кор республикаыд воссяс,
Вöлись олөмыд и босътчас.
Лоö шуда Коми му,
Содас, бурмас видз и му;

Фабрик-завод лоö уна,
Воддза олём регыд вунас!
Колö вежны олан ног,
Коми йөзлы оз ло шог.

Велöдчём йөз мян уна,
Сöмын война вöлі мунö,
Өні быдөн локтас бөр,
Сöмын уджав, зіля вөр.

Төдö быдөн: мян Виттор
Коми кывйөн гижас быдтор,
Лоö сьылөмыд не важ,
Энö шогсьöй – лоö гаж.

Энө тіргө, энө полө,
 Ас республикаыд колө:
 Олөм бурмас – лоө вель,
 Шуад: тайө пө тай збыль.

Огө кутө овны шогөн,
 Кутам овны коми ногөн:
 Коми зонлы – коми ныв!
 Коми йөзлы – коми кыв!

Көрттуй

Комилөн олөмыс вежсьө,–
 Мөдөма вежсьыны збыль!
 Важыс да сьөкыдыс вешйө,
 Матысмө долыдджык, вель.

Төрытөдз, ыліджык вөрөд
 Мунлывліс сөмын на лызь...
 Талунсянь пармаяс шөрөд
 Писькөдчө көрттуйлөн визь.

Өніөдз пыр на ми олім
 Ас кежын, ді вылын моз...
 Важөн нин, важөн нин колі
 Йөзыскөд йитчыны пос!

Көрттуйыд миянөс йитас
 Му вывса йөзыскөд тшөтш;
 Матысмас Сибир и Чита,
 Бырасны чукыль да көж.

Миянлы ваяс культура,
 Оз нин ков виччысьны дыр;
 Коми му овмөдчас бура –
 Озырлун гөгөрбок тыр.

Му пытшкын быдсяма руда,
 Лыдтөм на сулалө вөр...
 Водзиас олөмыс шуда,
 Сөмын тэ зільджыка вөр.

Партия уджалө: олөм
 Кыпөдны лөсьөдіс план.
 Уджалысь войтырлөн колө
 Бурджыка отсасьны тан.

Петой тшөтш ордйысьом вылө!
Ньобалой коймөд заём!
Овмөстө кыпөдны, кылад,
Босьтчылөй, пöрысь и том!

Во-мөдөн көрттуйыд сувтас,–
Котөртас виль паравоз...
Туй дорын шензыны кутас
Пармаса пашкыра коз.

Комилөн олөмыс вежсьө,–
Мөдөма вежсьыны збыль.
Важыс да сьөкыдыс вешйө,
Матысмö долыджык, виль.

Миян литература

Миян литература,
Öти-кө,
Гажөдө-велөдө бурө;
Мөд-кө,
Кодъяслөн вежöрыс дзöля –
Аслыныс сетöны вöля, –
Сэтшöмсö веськыда пурö.
Босьтам көть головотяпöс,
Мичаöс, тшапöс, –
Сэтшöмсö литература
Паныдөн малалö юрөд.
Волокитчик унаысь шедлö,
Разгильдяй эрд вылө петлö,
Паськыд бюрократъяс,
Мукöд пөлös гадъяс, –
Быдөнлы неуна сюрö –
Инмö литература.
Мукöдыс казённöй сьöмнас
Таргайтö, көдзö:
Лöсьöдö пасьяс да көмъяс,
Картiөн лэдзö,–
Сэтшöмсö литература
Корсялö жура,
Петкөдö эрдö,
Законъяс бердö,
Сэсся прокуратура
«Вурö»...

Коньөр

Зэв шога оліс голь крестьянин,
 Эз волы сылы долыд лун;
 Эз повлы некор съёкыд уджысь,
 Пыр тільсис-мырсис вой и лун.
 Эз жалит некор ассъыс вынсö,
 Көть көдзыд, пемыд – ставыс шань.
 Йöз кодя овны, дерт, эз вермы:
 Эз тырмыв сылөн ашöр нянь.
 Удж вылын отсöг вöлі гөтыр,
 Эз тöдлы сідзжö шойччан мог.
 Дыр висьöм бöрын гөтыр кулі, –
 Шог вылö локтö век нин шог.
 Сы бöрын сотчис и важ керка,
 Мый вöлі – сійöс сотіс би.
 Голь олөм быри, воис помыс...
 Став пыдди коли ичöt пи.
 А пиыс том на, зэв на ичöt,
 Сы помысь зэв на ылын бур...
 Ас морöс бердас босьтіс писö,
 Да шога, коньөр, öшис юр.

Грек (Теш)

Миянсянь ылын,
 Ылын лунвылын
 Оліс да выліс Паша – турок.
 Енмысь эз повлы,
 Перна эз новлы,
 Кослунын сёйліс выялөм рок...
 Коркö-не коркö
 (Бубаыд торкö)
 Паша – турокöс «таляліс» грек:
 Сёйны ни юны,
 Петны ни мунны,
 Кытчö он тувччы – быдлаын рök.
 Тыдалö, овсис...
 Сöмын эз повзъы
 Вокыс туроклөн Паша – Кемаль.

Грекös тай тшапкис,
 Му бердас крапкис...
 Люкөдіс, чужйис... Вокод өд жаль.
 Ёна кө дурис –
 Уна и сюрис:
 Котөрөн нуис медбөръя лов.
 «Талаясьысь» грекыд
 Муніс тай регыд;
 Сы мында и колө, сөмын эн пов!
 Пöрысьяс, кывзöй,
 Том мортлысь кывсö:
 Пышйöма Кемальысь «талаясьысь» грек,
 Позьö и овны,
 Грекысь не повны,
 Кослунын позьö чунавны нök.

Ада-рая костын (Теш)

Көлөкөльничаө кайи
 Таво ыджыд лунö.
 Сэні вылын, бытьö райын,
 Бовччысь вöлі уна.
 Кор ме бөрлань мөді улö,
 Кузь пос йывсянь уси, –
 Места вылын бытьö кулі...
 Ог төд, дыр-ö узи.
 Коркө садьöй кутіс воны,
 Дзикөдз сэсся ловзи:
 Гөгөр видзөдлі да ёна
 Первойсö ме повзи.
 Кык ныв босьтöмаось менö
 Öтар-мөдар бокөд:
 «Ми пö гортад нуам тэнö,
 Чегис эз нö кокыд?»
 Öтиыслы нимыс Ада,
 Мөдыс вöлі Рая...
 Гашкө, веськалі ме адö,
 Эз кө вöвны найö.
 Он и төдлы, кокөн-юрөн,
 Ловйөн олігкості
 Бордтөг лэбалігөн сюран
 Ада-Рая костö.

Өти нывлы

Сьөлөмсянь – Анюталы...

Ёна ветлі Коми муті,
Уна аддзылі ме ань,
Уна нылөс тӧдны куті,
Некод абу тэ кодъ шань!

Кор тэ меным паныд лоин,
Кор ме тэнӧ эг на тӧд, –
Мем тэ сьӧлӧм вылӧ воин,
Сэк ме вежси, лои мӧд.

Тэныд висьтала, бур нылӧй,
Сэксянь воши менам вын,
Долыд олӧм пышйис ылӧ,
Ачым некытчӧ ог ин.

Кор ме водӧм бӧрын узя,
Вӧтӧн аддза тэнӧ пыр.
Сэки сьӧлӧм менам пузьӧ,
Садьма – шогся сэки дыр.

Кор ме прӧстджык, думӧн ёна
Йитла ассьым «чегӧм борд»...
Зэв тэ, нылӧй, меным дона,
Сьӧлӧмшӧрӧй, зарни морт.

Талун бӧрын локтӧ аски,
Аски бӧрын – бара лун...
Думтӧ стен бердӧ он ляска,
Муса нылыд оз нин вун!

Посни йелядӧлӧн сьыланкыв

Ми посни еджыд лым чиръяс,
Ми лэбалім нин дыр;
Зэв кокныдӧсь ми, гӧн кодьӧсь,
Зэв кӧдзыдӧсь ми пыр.

То тайö рудов кымöрыс
Пыр вöлі миян горт,
Сэсь лэччим сэсся му вылö,
Мед шойччас мудзöм борд.

Тан водны кöсьям узьыштны
Да дзугö злöдей-тöв:
Пыр шувгö сійö, шутьялö,
Оз некор овлы чöv.

Кызд миянöс тай чукöртлас,
Кызд паськöдас тай бөр,
Сэк кыпöдлас да гартыштлас...
Со кутшöм сійö скөр.

Пёсь пывсян

Пывсян йылысь уна тöда,
Коркö öтчыд тайкö пöда
Ичöтдырйи ме.

Пывсян вöлі лунысь лунö,
Мамыд сьöрсьыс пыр нин нуö,
Век кöть горзы тэ.

Талун миян, аски мöдлөн...
Медтö пывсян, кöть нин кодлөн,
Быд лун петö тшын...

Баба чукöр сэтчö зильöсь,
Корöсь вежлалöны вильöс...
Эм тай налөн вын...

– Матрен тьöтка, Дарья, Öдя,
Пывсян ломтi – чöскыд öдъя...
Он кö локтö – ньөр!

Миян дорын сэтшöм мода,
Баба шöтас – ме нин тöда, –
Пуксьыны он төр.

– Наталь ичинь, öдсö койышт!
Кодi бöрдö, горъяс тойышт, –
Сэтчö сылы туй...

Кунва уна – юртö мыськö,
Пывсьöй ёна, мыштö кыррсьöй,
Коскад öд оз суй...

Вася, юрйывсö эн тупкы.
– Ойя, сотö... мамö, дугды...
– Он-ö ещё бöрд!

Тадзи ёна пывсьöм бöрын,
Ичöт мортыд муртса вöран,
Яйыд би кодь гöрд.

Кулясны кор öта-мöдöс,
Сёрни-басни налөн мöдас –
Варовмасны пыр.

Мукöд баба джоджö водас,
Сэсся гөлöс налөн содас,
Сёрнитасны дыр...

Өти шуё: – Тавой вөтөн
Мырси мисьтөм сюра сөтөн,
Чужомыс дзик са...

Кызкө эз өд вермы виныс,
Сэсса вөтыд пыр и иніс:
Садьми – бокөй... ва.

– Ыджид видзыс таво кузь-ө?
– То нө Натальяыс узьө...
Аттө, коньөр морт!

– Ыджид луныс кутшөм лунө?
Пөрысьдлөн пыр и вунө,
Колө гу да горт...

– Кывзы, моньыд толькө кулі,
Төрыт питө гозйөн сулі...
Коркө сійөс кый!

– Корасьө пө Стакөй Петыр,
Сылы өмөй колө гөтыр?!
– Миянлы нө мый!

– Сійө мый на, ме вот төда:
Өльөш гөтыр пиён рөда –
Вайис витөд пи...

Енлы кевмө, енмыс сетө,
Мужик прамөй – кынөм пөтө,
Сідз кө эськө ми...

– Гашкө, чайтад, меным любө?
Өтчид каститчас кызд буба...
Воча ки ме – швач!

Сідз пө колө, шуліс төдысь...
Буба вөлөм полысь рөдысь –
Котөртис без гач...

– Енма муын быдтор овлө:
Митрей пывсяныс пө повны,
Повны колө нэм;

Сэтысь казявлөма уна
Пасьтөм мортөс дзик өд луна...
Гажтөмыд сэн эм...

– А со, кывзөй, менсьым сэсса,
Төрыт висьталіс Педөсса,
Чурка Тима ныв,

Кутшөмкө пө странник ветлө,
Бабаяслысь шева вөтлө –
Лыддьө бур нимкыв.

Кодсюрөлысь чаньяс кодзө,
Олөм йылысь төдө водзө...
Паськөмыс пө ку...

Му вежөм пө, шуё, матын...
Илля луныд дзик нин татөн, –
Сэк пө вежас му...

Антикрисст пө өд нин ловъя...
Оз тай тшөкмун, вежа войя...
Синмас эськө тув.

– Сідзкө, збыль жө... Ме тай шулі...
Шонді ветлө таво улі...
Он өд со и кув.

– Мөскыд кузьясис нин, Пекла?
– Чөв тэ, тыртөм сійө век на:
Ылөдліс виль сват...

– Он тай кинад сійөс көлышт...
Миян курөг вайө гөлыш,
Гөгөрбок сө мат.

– Мыйкө тай нө юрөй висьө...
– Муналам вай, энө усьө,
Кольмөмыд өд лөк...

– Ыджид аттьө, Зөтиковна,
Ен тэд сетас дырдзык овны...
Рыттө пукны лок...

Со, и пывсян. Мыйяс кывлі –
Медбур сёрни баба-нывлөн
Менам оз вун нэм.

Сёрнитисны унатор на:
Адтө, райтө, дөрапома...
Юраныс мый эм.

Арт-факт

Людмила Кочерган

Людмила Ивановна Кочерган – выпускница исторического факультета Сыктывкарского государственного университета. С 1995 года работает в Национальной галерее Республики Коми. С 2006 года – заместитель директора по экспозиционно-выставочной работе.

Живопись Владимира Ермолина

В ноябре – декабре 2014 года в Национальной галерее Республики Коми состоялась персональная выставка Владимира Ермолина. Она оказалась последней в жизни художника – через несколько месяцев его не стало. Ушёл из жизни не просто замечательный человек, а Мастер, которому ещё много хотелось сказать на профессиональном поприще, и намечился уже тот поворот пути, который вёл к новой ступеньке творчества в изобразительном искусстве.

Выставка «Владимир Ермолин. Живопись» была приурочена к 60-летию со дня рождения художника. Всего было отобрано чуть менее 90 работ, экспозиция разместилась в двух залах и части рекреационного пространства Национальной галереи Республики Коми. Концептуальное решение экспозиции подразумевало совместный показ композиционно законченных произведений и этюдов. Так, вне залов демонстрировались небольшие этюды – тот самый рабочий материал, который, собственно, и является отправной точкой любого самостоятельного произ-

ведения. Хронологически выставка охватила весь творческий период художника, но, по сути, в большей мере было представлено творчество последних лет: из 57 картин почти две трети были написаны за последние три года.

Эксклюзивом смотрелись на выставке работы 1970-х годов. Это, прежде всего, «Вертолёты в тундре» – акварель 1972 года, с которой автор впервые стал экспонентом Коми республиканских художественных выставок, ещё являясь студентом Ленинградского художественно-графического педагогического училища. «Натюрморт с ложками», созданный четырьмя годами позже, определил жанр, в котором стало развиваться живописное мастерство художника в умении передать материальную фактуру предмета и его колорит. Лучшими учителями для Владимира Ермолина стали его родители: Рем Николаевич, народный художник РСФСР, и Елена Фёдоровна, лауреат Государственной премии Коми АССР.

Творчество художника 1980-х годов

в большей мере представили два схожих по теме живописных полотна: «Старый сарай» (1984) и «Старый дом» (1984). Тщательно выписанные, с практически осязаемой гладкой поверхностью бревенчатого сруба интерьер и внешний вид строений не только верно передали натуру, но и познакомили зрителя с неторопливым и размеренным укладом деревенской жизни. В этих работах, с первого взгляда незатейливых и легко выполненных, заложено то, что получило развитие в дальнейшем творчестве художника. Во-первых, это тема деревни, как места, обжитого человеком, но приближённого к природе настолько, что именно здесь можно почувствовать себя счастливым благодаря ощущению единства с ней. Во-вторых, превращая материальный предмет на холсте в художественный образ, автор подчёркивает его «человеческую» историю – отсюда интерес к вещам старым, рукотворным, имеющим индивидуальный облик.

В изобразительном искусстве Республики Коми 1980-е годы отложились производственной тематикой: сюжетными картинами на тему трудовых будней, портретами передовиков производства. Не представляя на выставке это направление в творчестве Владимира Ермолина, авторы экспозиции остановились на его ранних пейзажах, включив три работы. Все они небольших размеров, камерные по содержанию, выполненные не на заказ, а для «души», с передачей собственного восприятия природы, соответствующего определённой внутренней настрою. Траурный облик родного города в день, закончивший стабильную, казавшуюся вечной, эпоху Брежнева, в который чувства соболезнования перемешивались с предвосхищением чего-то нового, ещё не совсем понятного, – «День памяти» (1982). Назревающая непогода

в виде огромной грозовой тучи, застилающей небо, и внутреннее спокойствие, отражённое в добротном деревенском доме с сараем и огибающей землю изгородью – «Туча» (1985). Те же спокойствие и умиротворённость в изображении заснеженного уголка посёлка, по аналогии с городом представляющего собой квартал – «Квартал» (1982).

В развитии авторского пейзажа в 1990-е годы видны две тенденции. Первая из них связана с камерным пейзажем: он продолжает оставаться обжитым, городским или деревенским, но в архитектурном облике города автор находит для себя новую тему – парковую зону; повышается эмоциональность произведения, появляется ощущение идентичности настроения автора и природы («В парке дождь», 1996). Вторая, новая для художника тема – это появление «чистого» пейзажа. Из произведений, представленных на выставке, она ранее всего отражена в работе «У переправы» (1998). Несмотря на название картины, подразумевающее присутствие человека, перед нами – сама Природа, величие и величье которой практически несоизмеримы с бренностью человеческой жизни. Приверженец реалистического письма, считающий своими ориентирами в искусстве великих мастеров русского передвижничества, Владимир Ермолин становится солидарен с ними в выборе и подаче материала в пейзажном жанре.

Переход в XXI век и третье тысячелетие, неуверенность в завтрашнем дне, пришедшая на смену крушению прежних общественных и личностных ценностей, усталость от «сумасбродных» 1990-х, – всё это нашло отражение в работе «Черёмуха. Первый снег» (2001). Первый снег, который в наших краях меняет серое восприятие действительности на белое, привнося во внутренний настрой ощу-

щение праздника, здесь означает только начало длительной и тягостной зимы. Образ черёмухи, противящейся непогоде, со сломанной частью кроны, – это олицетворение одиночества, разрушенных прежних устоев, столкновения с жизнью. Через четыре года автор вновь обратится к этому образу в произведении «Последний день зимы» (2005). Здесь – предчувствие весны: ещё далеко до первой листвы и прилёта птиц, но живительные соки уже на подходе, и непреодолимая сила жизни дарует дереву ещё, может, и не один расцвет. Более оптимистична «Весна в Волокуле» (2005), включение в пейзаж деревенского дома вносит, как и всегда в работах В. Ермолина, ощущение тепла, устойчивости и благосклонности мироздания.

В архитектурной среде города художника также продолжали интересовать старые постройки: их всё меньше оставалось в центре города, «деревянный» Сыктывкар уступал место домам из кирпича и бетона. Уголок старой столицы долгое время сохранялся в окружении дома, по улице Орджоникидзе, где находится мастерская художника, – он запечатлевает его трижды («Вид из мастерской», «Зелёный город Сыктывкар», «Старый город», 2005). Возможно, следует уточнить, что архитектурный облик Усть-Сысольска – Сыктывкара на протяжении длительного времени оставался деревянным, в городе совсем немного исторических каменных зданий, ставших памятниками культуры. Все деревянные постройки, с меньшим сроком эксплуатации, построенные по типовым проектам, подлежали сносу, но вместе с их исчезновением терялась и та нить, которая должна связывать современный город с его историческим прошлым. Стремление запечатлеть историко-культурную среду города стало мотивом обращения художника к город-

скому пейзажу в эти годы.

Размышления о природе в жанре «чистого» пейзажа подтолкнули художника к изучению переходных состояний, как, например, в работе «Вечер» (2005) – красивейшем виде зимнего леса, с лучами садящегося солнца, освещающими просеку. Соотношение тени, падающей от деревьев, на первом плане с озарённым солнцем горизонтом, проглядывающим в глубине работы, где-то за пределами наступившего леса, вносит в работу эйфорию романтичности. Пейзаж насыщен воздухом и светом, создаётся ощущение, что сами цвета, использованные художником, обладают большей светоносностью, по сравнению с тем, что обычно даёт масляная краска. Спустя два года В. Ермолин вновь обратился к теме зимнего вечера («Зимний вечер», 2007), на этот раз уже открытого пространства, ухватив тот момент, когда последние лучи солнца, рассекая воздух, усиливают контрастность цветового восприятия, превращая цвет в ритм взаимоотношений двух противоборствующих начал – дня и ночи.

С полотном 2007 года на выставке представлен Ыбский, или Каргортский, цикл в творчестве живописца. Каргорт – это деревня, относящаяся к селу Ыб, где ещё в советские годы Рем Николаевич Ермолин купил дом, который почти сразу стал его мастерской. Дом расположен на высоком месте, практически сразу за ним начинается крутой склон к реке и открывается красивейший панорамный вид на Сысолу, которая в этом месте даёт излучину. Владимир Ермолин не единожды в своих произведениях будет обращаться к нему, как, например, в летнем пейзаже «Над Сысолой» (2007).

На рубеже 2000-х – 2010-х годов художник вновь работал в жанре натюрморта, ища новые для себя средства вы-

разительности в решении поставленной задачи. Свидетельством этому являются холсты с изображением букетов черёмухи и сирени, причём в каждой из тем представлено по две работы: более ранние варианты начаты в 2009, а дописаны в 2014 году, более поздние сделаны «на одном дыхании»: «Черёмуха в интерьере» (2012) и «Сирень» (2014). В более ранних вариантах художник придерживался классики жанра, тщательно прописывая интерьер, туеса, в которых находятся букеты, сами ветки с распустившимися цветками, освещение. Те изменения, которые были внесены в работы позже, соответствуют стилистике работ 2012 и 2014 годов: здесь автора уже не столь интересовало сходство художественного образа и только зрительного восприятия – эти букеты, написанные уверенными, широкими мазками, без чёткой прописи контура цветков, заполняя практически всё пространство картины, буквально «дышат», источают аромат, создавая ощущение большей жизненности на картине, чем наяву.

Ориентируясь на датировку изменений, можно предположить, что наиболее значимым для художника в осмыслении новых приёмов и подходов стал 2011 год. Из работ этого года на выставке представлены четыре: «Подсолнухи», «Осеннее поле», «Ветреный день», «Холодная весна». Возможно, не случайно в этом ряду появился букет подсолнухов – цветов, хорошо известных нам по циклам работ Винсента Ван Гога, ставших своеобразным символом живописи. «Подсолнухи» Владимира Ермолина перемещают нас в село Ыб, в пространство деревенского дома. В соотношении с пропорциями работы кажущиеся огромными шапки цветов написаны столь живописно, что интерьер, ваза и даже листва воспринимаются как фон, подчёркивающий кра-

соту восприятия цветов и живость их воспроизведения. Можно предположить, что новый период в творчестве Владимира Ермолина открыло «Осеннее поле» – работа-этюд, написанная с натуры, но по глубине восприятия ставшая самостоятельным произведением. Осенний пейзаж, с видом на дом на заднем плане и находящимся прямо перед художником деревом, полем с подступающим к его краям перелеском, – всё это передано буквально «горящими» цветами – теми, которые «зажигает» в природе осень. В авторском решении произошло объединение цвета, чувства и собственно живописи.

На взгляд куратора выставки, в этом произведении заложено то, что получило развитие в дальнейшем творчестве художника, включая самые разные направления. Так, например, по теме этого этюда автор пишет большие панорамные работы: «Ыбское поле. Сентябрь» (завершает в 2013 году работу, начатую в 2009), «Ыбское поле. Каргорт» (2013), «Вовкино поле» (2013). Особенно сильно по степени своего воздействия на зрителя последнее из произведений: открытые просторы земельной пашни с остатками ещё не растаявшего снега, не отвлекающие пестротой лесного убранства взгляд от главного, где-то очень сродни душе русского человека, в которой, возможно, на генно-историческом уровне отложилась привязанность и любовь к земле.

Свершившийся в 2011 году переход к более сочной и звучной цветовой гамме идёт по нарастающей и дальше – по крайней мере, это можно отметить в произведении «Осень» (2014), одной из последних работ, написанных незадолго до выставки. Что касается других аспектов авторского почерка, то художник стал нередко работать широким мазком, обобщённо передающим натуру, но до-

статочно выразительным для того, чтобы воспринимающий взгляд мог всё недописанное сформировать в своём воображении (например, «Осины», 2013 и др.). И ещё одно свойство отличает работы последних лет – это свежесть восприятия природы и умение её передать на холсте. Примером могут служить полотна «Холодная весна. Вечер» (2012–2014) и «Наш двор в Каргорте» (2014).

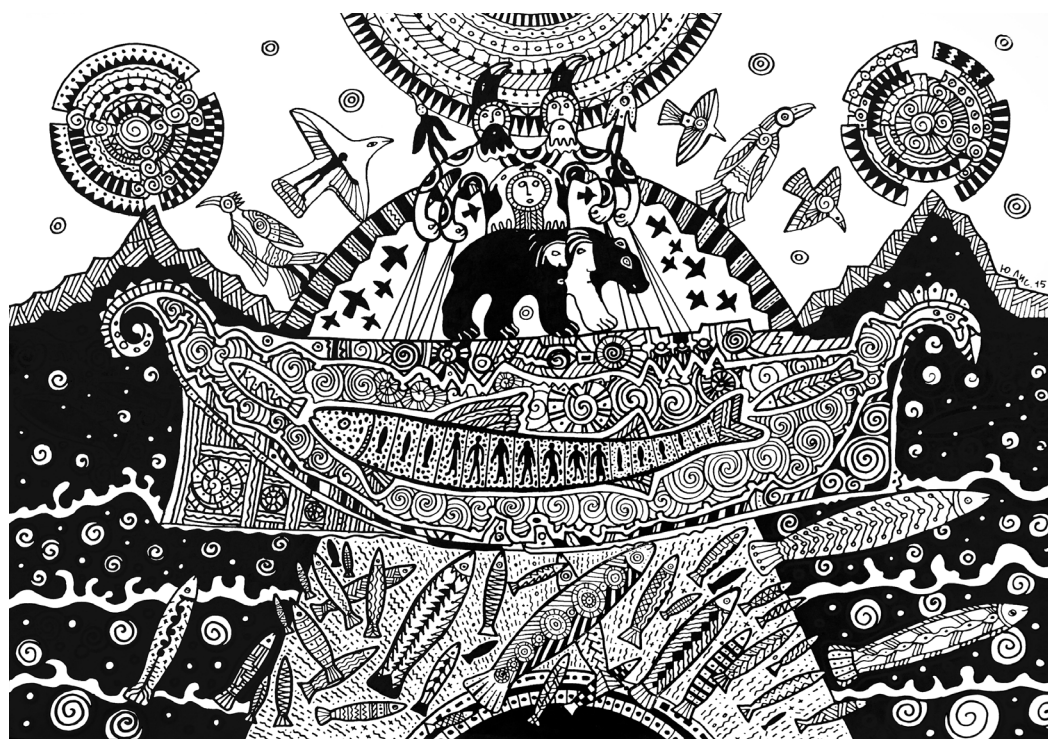
Художник в последние годы не искал новых мест для творчества, сосредоточив свои усилия на том, что ему было поистине дорого. Центром притяжения для него стала Ыбская земля – не случайно даже в авторских названиях работ видны личностные мотивы: уже упомянутое «Вовкино поле» или, например, «Рэмгорт. Апрель» (2014). Сам автор считал село Ыб собственным «парадизом», который дал ему ощущение полноты жизни, счастья и гармонии. Его наблюдения за природой, её изменениями, и передача впечатлений на холсте стали настолько интересны, что кажущийся уже знакомым вид на Сысолу, открывающийся с площадки перед домом, написанный в разное время года и суток, каждый раз воспринимается по-новому. Какие разные ощущения мы получаем, рассматривая работы «Весеннее утро» и «Весенний день» (2012), с кустом на первом плане, на фоне излучины реки! Утренний солнечный свет, ниспадающие тени от веток, вторящие им розовые отблески, свежесть, исходящая от просыпающейся реки, меняются на весеннюю истому влажного дневного воздуха, насыщенного парами тающего снега, разливающуюся по земле, небу, набухающему льду...

О жизнеутверждающем начале в творчестве Владимира Ермолина говорят и те состояния природы, к которым он обратился в последние годы: более всего ему интересна тема рассвета. Чёткая полоса

освещённого первыми лучами солнца снега, ставшего ярко-розовым на фоне глубоких синих теней («Рассвет. Апрель», 2012), или момент, когда солнце уже поднялось настолько, что его свет озарил всё вокруг, при этом всё ещё оставаясь утренним, розовым по своему спектру («Рассвет. Яковул», 2014), или летние июльские рассветы, сочетающие буйство зелени набравшей силу листвы и разнотравья с пронизывающим их светом утренней зари («Рассвет. Июль», 2014). В работах много простора, воздуха, небо в них удивительно высокое, с причудливыми формами облаков, с ощущением ветра, который почему-то видится тёплым, южным, попутным («Ветер южный», 2014). Ыбские пейзажи Владимира Ермолина выделяются среди его прочих работ, кажутся цельными в своём замысле и исполнении: и по верности передачи местных красот, и по «улавливанию» того состояния природы, которое мы воспринимаем на уровне собственных ощущений, и по насыщенному, звучному цветовому колориту, впитавшему в себя и величие природы, как частички общего мироздания, и теплоту человеческого чувства.

Обзоры. Рецензии

Владимир Муравьев

Владимир Николаевич Муравьев, советник администрации муниципального района «Сыктывдинский», руководитель представительства межрегионального общественного движения «Коми войтыр» в Сыктывдинском районе.

Социальные проекты «Клуб учёных Сыктывдинского района», «Колана удж», «Сыктывдинса рӧдвуж»

«Клуб учёных Сыктывдинского района»

В 2013 году исполнилось 100 лет зданию, которое является истинным украшением села Вильгорт! Здание Вильгортского начального земского училища возведено по проекту архитектора Александра Викентьевича Холопова и инженера Альберти. В 1969 году здание Вильгортской начальной школы признано памятником архитектуры. 15 июля 1999 г. в этом прекрасном здании состоялось открытие Музея истории и культуры Сыктывдинского района. Основателем музея является заслуженный работник Республики Коми, Почётный гражданин с. Вильгорт и Сыктывдинского района Эмилия Алексеевна Налимова. Имя Эммы Алексеевны на слуху у каждого жителя Сыктывдинского района. Человек мира культуры до мозга костей. Профессиональный менеджер по призванию. Общественный деятель по жизни. [1] Музей навсегда останется её живым памятником. Это, действительно, её детище.

Республика Коми – культурно насыщенный регион с достаточным уровнем духовного разнообразия и имеет все условия для того, чтобы усилить гуманитарную компоненту социальной самоорганизации. Изменения должны начинаться в сознании, нужен новый ментальный потенциал. Это возможно, в первую очередь, через развитие образования. Учёба – мощный фактор инвестиций в человека. Накопление знаний – путь формирования деятельности учеников, и это главная составная слияния мировой и национальной культур с новым поколением людей. Образование в Сыктывдине является приоритетной сферой. Каждая эпоха ставит свои задачи. XXI век – время высокообразованных специалистов, профессионалов. Залог успешного развития нашего общества – профессионалы в каждой сфере, будь они деятели науки, служащие, предприниматели или работники сельского хозяйства. Многие поколения сыктывдинцев славили район. Сыктывдинский район является родиной более чем 60 учёных: канди-

датов, докторов наук, профессоров. Неоценимое научное наследие оставили учёные с мировым именем: Жаков К.Ф. (1866 – 1926) – философ, математик, литератор; Налимов В.П. (1879 – 1939) – этнограф; Налимов В.В. (1910 – 1997) – математик; Сидоров А.С. (1892 – 1953) – этнограф, лингвист, философ, археолог, и многие другие. Достоинейший вклад в развитие науки вносит плеяда ученых XXI века, уроженцы Сыктывдинского района: Шеболкина Е.П., Порошкин А.Г., Бобкова К.С. В ближайшее время будет выпущен CD - диск об учёных – сыктывдинцах «Я жизнь науке отдаю».

Сотрудничество музея и науки стало благодатной почвой для зарождения уникального по своей сути социального проекта – Клуба учёных, инициатором которого является Эмилия Алексеевна Налимова. В течение 12 лет на базе Музея истории и культуры Сыктывдинского района работает Клуб учёных, который объединяет научных сотрудников, вышедших из сёл и деревень Сыктывдинского района и внёсших существенный вклад в развитие отечественной науки. В районном музее истории и культуры действует уникальная постоянная экспозиция – зал учёных. На протяжении нескольких лет учёные проводят уроки в школах района, организуют научные конференции, участвуют в учебно-исследовательских конференциях школьников, публикуют материалы в районной печати, выступают в тематических передачах районного радио. Руководитель Клуба учёных Евгения Петровна Шеболкина осуществляет долговременный проект «Налимовские чтения», посвящённый творческому наследию земляков Василия Петровича и Василия Васильевича Налимовых, уроженцев с. Вьльгорт Сыктывдинского района. Проект получил высокую оценку в российском научном сообществе и в 2005 году был поддержан грантом Президента РФ как имеющий особое значение для культуры региона. Клуб учёных – уроженцев Сыктывдинского района – явление уникальное в своём роде. Нет аналогов в Республике Коми. На встрече с учащимися Вьльгортской школы №2 к учёным подошёл молодой человек с необычной просьбой: «Я хотел бы вступить в ваш клуб». И это, главный результат большой работы среди молодёжи.

«Колана удж»

Учёные выступали в роли трансляторов научного знания, доводили сложные научные теории и концепции до разума и сердца подрастающего поколения, вели большую работу по профориентации молодёжи не только для привлечения молодых людей в науку, но и по специальностям, которые требуются в районе для его полноценного развития. Идея создания программы «Колана удж» возникла летом 2010 года. Тогда на базе Коми национальной гимназии и вьльгортских школ заработал Летний университет Клуба учёных – уроженцев Сыктывдинского района («Гожся университет»), а уже осенью состоялось организационное заседание Клуба «Миян йёз» (Наши люди). Это связано с расширением рамок Клуба учёных, в деятельность которого уже были включены люди разных профессий. Итоговым занятием в Летнем университете стал конкурс презентаций «Колана удж» (Нужная работа). Так плавно «Гожся университет» был переименован в «Колана удж». Надо было занять учащихся во время каникул некоторыми интересными делами, познакомиться с профессиями, пробудить интерес к той или иной профессии. Поэтому неслучайно встречи проходили со старшеклассни-

ками, которые стоят на пороге взрослой жизни. Помощь в профориентации, полезные консультации от людей, профессионально состоявшихся в жизни и достигших значительных высот, да просто добрые советы – вот, пожалуй, главная цель этих встреч. Учащиеся, впечатлившись общением с известными людьми и получив добрую порцию информации, в очередной раз озадачились насущным вопросом: «Кем я хочу быть в этой жизни?». В рамках проекта проводится День дублёра. Учащиеся, работающие в трудовых объединениях, в течение дня проходят стажировку и исполняют обязанности у сотрудников учреждений, предприятий и администрации района.

В июне 2012 года программа «Колана удж» заняла 2 место в муниципальном конкурсе программ на лучшую организацию детских оздоровительных лагерей в МО ГО «Сыктывкар». В 2012 году программа стала победителем регионального этапа (конкурс социальных проектов и программ НКО) IV Всероссийского Фестиваля социальных программ «Содействие». В январе 2013 года по итогам республиканского конкурса проектов среди сельских учреждений и организаций Республики Коми «Дети. Молодёжь. Толерантность» проект «Колана удж» был удостоен специального приза Министерства национальной политики Республики Коми. В июле 2013 г. был признан победителем IV Всероссийского конкурса на лучшую методическую разработку по профориентации, организованного Центром профессиональных инноваций в г. Ярославле. В декабре 2013 г. стал победителем всероссийского грантового конкурса летних лагерей с дневным пребыванием для детей и подростков, проводимого в рамках Марафона социальных инициатив «Вектор добра» в номинации «Лучший отчёт о реализации программы лагеря с дневным пребыванием для детей и подростков, организатором которого выступил Ресурсный центр «Инфраструктура благотворительности» в г. Москве (50000 рублей). В апреле 2014 г. проект стал победителем (золотым медалистом) Всероссийского конкурса «Учитель! Перед именем твоим...» и лауреатом Всероссийского заочного конкурса «Мир Молодости», награждённым серебряной медалью, в г. Кемерово. В августе 2014 г. – победителем общероссийского (международного) конкурса методических разработок занятий и мероприятий педагогов «Интеллектуальный инновационный Олимп педагога».

«Сыктывдинса рөдвуж»

Основную идею проекта можно сформулировать в следующем вопросе: «Без чего человек не сможет прожить как человек?» Ну, конечно, без прошлого, без своих корней. В прежние времена знание своей родословной было традиционным в крестьянских, дворянских, купеческих семьях. Сегодня редко кто помнит своих предков до третьего колена. В этой связи для подрастающего поколения крайне важным становится изучение истории возникновения своего рода, своих предков, воспитание гордости за принадлежность к своему роду, к своей семье, своей малой родине, своему краю. Сыктывдинский район включает в себя 13 сельских поселений. Начиная с XVI века, на территории района началось интенсивное заселение людей. В каждом населённом пункте тогда и по нынешнее время преобладают определённые фамилии людей, которые положили начало целому роду. Среди представителей каждого рода, фамилии есть люди, прославившие Сыктывдинскую землю не только в Республике Коми, но и за

её пределами. Это Герой Советского Союза Николай Васильевич Оплеснин, учёные с мировым именем Василий Петрович Налимов и Василий Васильевич Налимов, «Коми Страдивари» – балалаечных дел мастер Семён Иванович Налимов, коми философ, этнограф Каллистрат Фалалеевич Жаков. Помнить их, знакомить с ними подрастающее поколение, сохраняя тем самым самобытность народа коми, его традиции и обычаи – вот что очень важно. Инициатором и этого проекта является Эмилия Налимова. Проект реализуется с 2003 года. В течение 12 лет сотрудниками музея, активистами сёл и посёлков, школьниками и учителями, ветеранами и краоведами проведено 16 крупных мероприятий, посвящённых родовым династиям в с. Вильгорт: Налимовых, Оплесниных, Худяевых, Чеусовых, Кузивановых, Ермолиных, Мальцевых; в с.Ыб: Муравьёвых, Томовых; в с. Пажга: Ильчуковых, в с. Шошка: Елькиных, в с. Лэзым: Мартыновых, в п. Нювчим: Семячковых, в с. Палевицы: Размысловых. Проведена колоссальная работа по сбору фотодокументов, организована переписка с различными регионами Российской Федерации, где проживают ныне уроженцы Сыктывдинского района. Проведены вечера – встречи с именитыми земляками, создана музейная экспозиция, включающая в себя фотодокументы, наградные материалы, газетные публикации. В центре внимания – знаменитые представители рода. На встрече собирались люди из разных уголков страны. За этот период проделана очень важная и нужная работа по сохранению истории человеческих судеб, выявлению утерянных родственных связей. Реализация проекта позволит поднять уровень культурно-досуговой и просветительской деятельности в с. Вильгорт и районе с семьёй, с людьми старшего поколения. Участие семей в музейных мероприятиях будет способствовать созданию благоприятного микроклимата в сёлах, где они живут. Участие старшего поколения поможет почувствовать востребованными, активно участвовать в жизни сёл и района, налаживать связь между поколениями. Несмотря на свой «почтенный» возраст – 12 лет, проект процветает, а по социальной значимости ему нет равных в республике. Благодаря Интернету, сегодня знают о нём не только в республике, но и в других регионах страны. Вот живой тому пример. После одного из заседаний проекта, посвящённого фамилии Муравьёвых, в администрацию района поступило обращение от Анны Груздевой из поискового отряда «Курган» Нижнего Новгорода, которая разыскивала родственников Муравьёва Николая Сергеевича, призванного на фронт из Сыктывдинского района Коми АССР, чьи останки в числе других 200 бойцов были обнаружены в ходе раскопок на месте боёв весны-лета 1944 года на территории Пустошкинского района Псковской области. [2] В апреле 2010 года их перезахоронили на мемориальном кладбище деревни Криухи Пустошкинского района. Активист «Коми войтыр» Светлана Тюрнина нашла племянницу бойца – Нину Васильевну Лоскутову, которая в силу преклонного возраста не могла уже осилить долгий путь, но попросила внука и правнучку побывать на могиле дяди. В начале июня наша делегация, в составе представителей старшего и подрастающего поколения: правнучатого племянника воина Сергея Чмелева и его дочери Арины, Светланы Тюрниной и её внука Семёна, и нас с дочерью Сашей, – побывала в д. Криуха на мемориальном кладбище, на гранитной доске которого увековечено имя защитника Родины Николая Муравьёва из села Ыб. Среди захороненных солдат остаются и безымянные. А мне подумалось: может, под этими плитами покоится прах моего деда, который в годы Великой Отечественной войны пропал без вести. Может, кто-то скептически и скажет: прогулялись с детьми. Нет! Дети приняли участие в благородной ак-

ции, поклонившись праху героя, побывав на земле, пропитанной кровью и усыпанной костями русских солдат в бою за свободу своей земли. Надо было видеть слёзы благодарности на глазах наших посерьёзневших детей, также возложивших цветы. [3] В завершение темы патриотического воспитания хочется добавить, что воспитание – это, прежде всего, подача личного примера, приглашение ребят к участию в нужных для людей делах. Свою дочь Сашу, к примеру, с ранних её лет я брал на все взрослые общественные мероприятия, объяснял происходящее на доступном для неё языке. Мы с ней много читаем, чтим память наших предков, ежегодно занимаемся уборкой на их могилах. Ребёнок в свои 11 лет осознаёт, что всё это наш долг перед прошлым и ответственность за будущее. Результат? Свои рассуждения, размышления она излагает в творческих работах. В прошлом году на конкурсе Общероссийской заочной научно-практической конференции для педагогов и обучающихся «Патриотическое воспитание в образовательном процессе», проводимой информационно-методическим Центром межшкольной интеллектуальной ассоциации педагогов России «МГИА КЛИиО», Сашина работа «Бабушкин Давпон» заняла второе место. А в этом году на Всероссийском конкурсе «Вклад моей семьи в Победу» её работа «Нити людских судеб» была признана лучшей из 236 представленных из разных регионов России. Может, и рановато говорить о её будущем, но что-то подсказывает, что в своё время она вольётся в нашу общественную деятельность. Иногда приходится слышать, что «Коми войтыр» стареет, на что я отвечаю: «Не дождётесь!» Уже подрастает наша смена, что меня очень радует. В 2016 году будет отмечаться 150 лет коми учёного, уроженца д. Давпон Вильгортской волости Каллистрата Фалалеевича Жакова. Совместно с директором районного музея Татьяной Полиной мы запланировали принять участие в грантовом конкурсе с проектом благоустройства сквера имени К.Ф. Жакова». Со Светланой Андреевной Тюрниной мы намерены довершить давно начатый проект «Гостевой дом в селе Ыб». Свои услуги по благоустройству данных туристских объектов предлагает художник Евгений Шабалин, который готов предоставить селу и гостям Ыба постоянно действующую экспозицию своих работ, посвящённую Пере-богатырю.

В 2007 году проект «Сыктывдинса рӧдвуж» – победитель Всероссийского грантового конкурса социальных проектов «Наши родители» в номинации «Бесценный опыт» (50000 рублей).

В целях привлечения внимания педагогической общественности к проблеме воспитания подрастающего поколения и молодёжи на достойных идеалах в духе возрождения духовно-культурных традиций России, пробуждения и объединения созидательного творческого потенциала общественности, укрепления престижа института обучения и воспитания Информационно-Методический Центр Межшкольной Интеллектуальной Ассоциации Педагогов России «МГИА КЛИиО» проводил Общероссийскую заочную научно-практическую конференцию для педагогов и обучающихся «Патриотическое воспитание в образовательном процессе». 16 июля 2014 г. подведены итоги конференции. В номинации «Социальный проект» уже межмуниципальный проект представительства МОД «Коми войтыр» в Сыктывдинском районе «Сыктывдинса рӧдвуж» стал победителем и получил диплом за 1 место.

29 июля 2014 года подведены итоги Всероссийского конкурса инновационных идей и опыта патриотического воспитания детей и молодёжи «Патриот России», проходящий под эгидой Международной славянской академии наук, образования, искусств и

культуры. Межмуниципальный проект «Сыктывдинса рөдвуж» (Сыктывдинская родня) стал победителем Всероссийского конкурса (золотым медалистом).

5 сентября 2014 года межмуниципальный проект Представительства МОД «Коми войтыр» в Сыктывдинском районе «Сыктывдинса рөдвуж» (Сыктывдинская родня) стал Победителем Международного конкурса профессионального образования в номинации «Нравственно-патриотическое воспитание личности» в Москве. В конкурсе были представлены 105 проектов из Москвы, Самары, Калуги, Пермского, Хабаровского края, Татарстана, Башкортостана, Марий Эл, Ямало-Ненецкого автономного округа, даже Казахстана и др. Жюри, состоящее из граждан стран СНГ и Европы (Германия, Англия, Франция), высоко оценило наш проект.

Диплом 1 степени Всероссийского конкурса междисциплинарных проектов и программ по патриотическому воспитанию (Центр Профессиональных Инноваций, г. Ярославль, 15.10.2014 г.). В г. Москва 1 июля 2015 года подведены итоги Открытого конкурса по выделению грантов некоммерческим неправительственным организациям, проводимом в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации от 17 января 2015 г. N 11-рп «Об обеспечении в 2015 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина». Операторы обработали 4380 заявок и отобрали 636 проектов. От Республики Коми было подано 37 проектов, победили только два. Дирекция грантовых программ Общества «Знание» России признала победителем конкурса и предоставит грант на реализацию проекту «Сыктывдинса рөдвуж» (200000 рублей). Это вторая победа подряд в 2015 году проекта «Сыктывдинса рөдвуж», в начале июня он стал победителем также грантового конкурса социальных проектов в рамках благотворительной программы «Активное поколение», проводимого благотворительным фондом «Добрый город Петербург» при финансовой поддержке Благотворительного фонда «Елены и Геннадия Тимченко» (100000 рублей).

Проект «Сыктывдинса рөдвуж» – явление уникальное, единственное в своём роде. Не имеет аналога в Республике Коми. Музей истории и культуры Сыктывдинского района и Коми национальная гимназия играют важную роль в научно-образовательном и воспитательном процессе. Социальные проекты «Клуб учёных Сыктывдинского района», «Колана удж», «Сыктывдинса рөдвуж», безусловно, заслуживают не только изучения, но и распространения в республике и за её пределами.

Список использованной литературы:

1. Муравьева С.С. Чтобы не стать Иванами без родства//Регион. – 2008. – №4. – С.41–43.
2. Муравьева С.С. Мы не стоим на месте//Регион. – 2014. – №6. – С.29.
3. Муравьева С.С. От любви к нужному делу не устают//Регион. – 2015. – №6. – С.38–39.

Презентация книги В. Юхнина «Герой Советского Союза Николай Оплеснин»

В преддверии Дня Победы в Великой Отечественной войне в музее истории и культуры Сыктывдинского района состоялась презентация книги Василия Юхнина «Герой Советского Союза Николай Оплеснин». Подготовили и провели это прекрасное мероприятие сотрудники библиотеки и музея.

Много Героев Советского Союза взрастила Коми земля, среди них имя уроженца с. Вьльгорт Николая Оплеснина. Он стал первым солдатом Волховского фронта, который удостоился этого высокого звания. В сентябре 1941 года дивизия, в которой он служил, попала в окружение. Как командиру разведроты Николаю Оплеснину было поручено связаться с частями Красной Армии. Выполняя приказ, он с большим риском для жизни прошёл сквозь боевые порядки противника, трижды переплывал р. Волхов. При его активнейшем участии дивизия вырвалась из вражеского кольца, форсировала Волхов и соединилась с войсками армии.

Книгу, которую презентовали, Василий Юхнин написал более 70 лет назад, 73 года назад она была издана. Но экземпляры издания сохранились в единичном варианте, поэтому, когда к руководителю администрации Сыктывдинского района Олегу Лажаневу обратились активисты районного Представительства МОД «Коми войтыр» Эмилия Налимова и Владимир Муравьев с идеей переиздать книгу и перевести её на русский язык, он, не раздумывая, её поддержал. В январе этого года в Академическом театре драмы имени В. Савина на открытии Года патриотизма была открыта

Эстафета добрых дел. Первое доброе дело не заставило себя ждать и свершилось в тот же момент. Администрация муниципального района «Сыктывдинский» взяла на себя обязанность перевести книгу о Николае Оплеснине с коми языка на русский. При поддержке ООО «Вьльгортская сапоговаляльная фабрика», социальных партнёров Александра Темникова, Василия Лыткина, Светланы Батареевой, Антонины Ватамановой, ректора Коми республиканской академии государственной службы и управления Нины Нестеровой, директора издательства «Кола» Николая Вахнина и Светланы Муравьевой, инициативе активистов «Коми войтыр» книга на коми и русском языках увидела свет накануне Великого праздника – 70-летия Победы.

Олег Лажанев поздравил всех присутствующих с рождением книги и поблагодарил всех активистов, кто принял участие в её переиздании и переводе с коми языка на русский.

Директор Коми республиканского агропромышленного техникума Светлана Савинова вспомнила, когда к ней подошли

зять Николая Васильевича Валентин Александрович Помысов и краевед Эмилия Налимова и попросили оказать поддержку в переиздании и переводе книги. Светлана Стефановна отметила важность присвоения имени Николая Оплеснина техникуму, потому что в своё время он окончил строительный факультет данного учебного заведения.

Перевод очерка на русский язык выполнил коми писатель и журналист Александр Ульянов. Он признаётся, что к работе приступил с трепетом, так как это произведение классика коми литературы, необходимо было проникнуться духом того времени, прочувствовать, что двигало людьми. По словам переводчика, книга пропитана от корки до корки духом патриотизма, любовью и гордостью за свою родину, народ.

Своими воспоминаниями о Николае Оплеснине поделились дочери Василия Юхнина Таида и Муза, которые дали согласие на переиздание и перевод этой книги. Внук Героя Советского Союза Алексей Помысов и его жена Наталья рассказали, что дед был скромным и честным, смелым и спортивным человеком.

Мероприятие получилось по-семейному уютным и тёплым. За чашкой чая председатель районного Совета ветеранов Галина Полина и председатель правления Движения ветеранов государственной и муници-

пальной службы Жанетта Прошутинская указали на роль активистов «Коми войтыр» и лично Эмилии Налимовой в издании книги. Галина Аркадьевна напомнила о том, какую большую работу по патриотическому воспитанию подрастающего поколения вели в годы советской власти. Имя Николая Оплеснина носила пионерская дружина Вильгортской школы.

Социальные партнёры проекта Александр Шкодник и Александр Темников отметили, что переиздание книги и её перевод – это вклад в патриотическое воспитание современной молодёжи, поэтому они сразу же согласились поддержать инициативу благодарных земляков Николая Оплеснина.

Свою лепту внесли песни военных лет в исполнении мужского вокального коллектива с. Вильгорт и стихотворения собственного сочинения преподавателя Вильгортской школы №2 Софьи Экк, воспоминания и поздравления гостей вечера, добрые слова в адрес ветеранов Великой Отечественной войны Анатолия Иванова и Ивана Ладанова.

Книги Василия Юхнина о Николае Оплеснине передали в библиотеки и школы района.

В. Муравьёв.

На пути к новому осмыслению

14 октября 2015 года в Сыктывкарском виртуальном филиале Русского музея (Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина) состоялась презентация ухтинского арт-проекта «Райда», созданного по мотивам известного коми мифологического сюжета. Этот сюжет по-разному интерпретировался Иваном Куратовым и Каллистратом Жаковым, использован в известной опере Якова Перепелицы «Яг-Морт». Среди главных героев арт-проекта – Туган, Райда и Яг-Морт, в конфликте между которыми, в нравственном противостоянии силам зла и ненависти, осуществляется сложный переход к постижению добра, справедливости, правды и, конечно, любви. Воплощением солнечного света, животворящего начала и одновременно нравственно-этических основ народной культуры коми выступает эпизодический, но важный персонаж спектакля (и фольклора Коми) – Шонді (в блистательном исполнении народной артистки Республики Коми Альфии Коротаевой). Такая несложная сюжетная

конфигурация в сочетании с современной музыкой и танцами, в которых использованы как современные городские мотивы, так и мотивы традиционной деревенской культуры Коми, неожиданно создаёт не просто театральный эффект, а философско-культурологический эффект проникновения в сущность архетипического сознания личности, включающего в себя проекции

разных эпох, фрагменты исторических и современных картин мира. Этот новый для нас, но вполне типичный для культуры (и, соответственно – искусства) постмодерна, приём создания (или как принято сегодня в науке – конструирования) интегрированного текста культуры, преодолевающего не только время, но и жанрово-стилистические барьеры, был осмыслен целой группой авторов и исполнителей, каждый из которых привнёс своё видение, ощущение состоявшейся сказки. Это ощущение погружения в сказку испытали и зрители на премьере спектакля, который состоялся 16 октября 2015 года в Государственном театре оперы и балета Республики Коми.

Авторами текстов на коми языке стали член Союза писателей России Елена Афанасьева, ижемский поэт Николай Родионов, музыку написал сыктывкарский композитор Евгений Рябашев. Как считают создатели мюзикла, такой необычный приём, как сочетание фольклорных мотивов и современной подачи, вызовет

большой интерес у молодого зрителя. В спектакле принимают участие солисты ухтинской и сыктывкарской сцен, такие танцевальные коллективы, как «UnitedBit» и «Ёлочка». Исполнителями главных ролей стали солистки республиканского театра оперы и балета Альфия Коротаева и Алёна Лодыгина, ухтинские эстрадные певцы Константин Фрейман и Сергей Коваль.

Студенты Института культуры и искусства СГУ им. Питирима Сорокина и гости мероприятия имели возможность познакомиться с главными действующими исполнителями, задать интересующие (подчас очень острые) вопросы, а самые активные и эрудированные студенты, правильно ответившие на вопросы не-

большой викторины, в конце презентации получили билеты на столь необычное и завораживающее музыкальное представление.

В обсуждении проекта приняли участие известные специалисты в области теории и истории культуры: ведущий научный сотрудник ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, кандидат филологических наук П.Ф. Лимеров, преподаватели кафедры культурологии и педагогической антропологии СГУ им. Питирима Сорокина: доктор культурологии, профессор И.Е. Фадеева, доктор философских наук В.В. Муравьев, доктор культурологии, профессор В.А. Сулимов.

В.А. Сулимов, В.Р. Иштуганова.

Основа культуры – образование

22 октября 2015 года в Сыктывкарском государственном университете имени Питирима Сорокина состоялась видеоконференция «Культурологическая платформа современного образования: дисциплинарный подход vs. культурные и художественные практики».

Организаторами выступили Научно-образовательное культурологическое общество России, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург) и Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина. Надо отметить, что видеоконференция проходила одновременно на двух площадках: в Гербовом зале РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) и видеоауди-

тории главного корпуса СГУ им. П.А. Сорокина (Сыктывкар), прекрасная видео-аппаратура которых создавала полный эффект присутствия и сопричастности участников научной дискуссии. Основной целью видеоконференции организаторы определили не только обсуждение проблем собственно культурологического и искусствоведческого образования, но и выработку педагогических оснований для «смены» существующего общего технологического вектора развития школьного и вузовского образования на культурологический, позволяющий перейти к формированию современной культурной личности человека-в-культуре. Этот универсальный субъект исторического социально-культурного процесса в современную эпоху должен обладать высо-

кими интеллектуальными и эстетическими качествами, быть способным понимать сложные тексты в культуре. О необходимости «культурологического поворота» в школьном и вузовском образовании говорили и высокие гости конференции: заместитель министра культуры Республики Коми М.Н. Метелева, ректор СГУ им. П. Сорокина, депутат Государственного Совета РК М.Д. Истиховская, проректор по информатизации РГПУ им. А.И. Герцена М.Ю. Пучков (Санкт-Петербург). В установочных докладах конференции были подняты важные проблемы разработки педагогических стратегий и интеллектуальных практик для школы, которые могли бы обосновать индивидуальную картину мира учащегося (профессор В.А. Сулимов, СГУ), разработки региональных документов, регламентирующих область искусства школьных стандартов в соответствии с задачей общекультурного развития школьника (профессор И.Е. Фадеева, СГУ), формирование единой культурно-

образовательной стратегии с учётом современных достижений философии культуры (Л.Н. Летягин, декан факультета философии человека РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург). Присутствующие могли ознакомиться с видеоматериалами об интересных социокультурных проектах: арт-проекте «Райда», Клубе старшеклассников Центра «Наследие», Детском лектории Виртуального филиала Государственного Русского музея (Сыктывкар), «Мир культуры и культурология» (Санкт-Петербург). Состоялось плодотворное обсуждение докладов и проектов.

Надо сказать, что наибольший вклад в успешное проведение видеоконференции внесли преподаватели, аспиранты и магистранты кафедры культурологии и педагогической антропологии СГУ имени Питирима Сорокина, активно участвующие в практиках социально-культурного развития нашей республики.

В.А. Сулимов, Е.А. Торопова.

